

INSPIRIA

СНЕЖНАЯ

ДЕВОЧКА

ОНА

ИСЧЕЗЛА,

КАК СНЕГ

ХАВЬЕР

КАСТИЛЬО

 INSPIRIA

Annotation

Будущий хит NETFLIX.

Испанский Стивен Кинг.

Продано более 1 000 000 книг. Самый читаемый роман о похищении.

Идеальный триллер, который меняет правила жанра.

Нью-Йорк. 1998 год. Парад в честь Дня благодарения. Аарон Темпелтон всего на секунду выпустил руку своей дочери. В следующее мгновение ее уже не было рядом. Полиции удалось найти лишь одежду и отрезанные волосы девочки. Никаких следов. Никаких улик. Ни одного свидетеля. Кира как будто растворилась в воздухе. История наделала много шума в СМИ, и начинающая журналистка Мирен Тригс взялась за собственное расследование.

2003 год. Ровно пять лет с момента загадочного исчезновения девочки. Убитые горем родители получают странную посылку: кассета с минутной видеозаписью, на которой подросток Кира играет в незнакомой комнате. И опять сенсация в газетах и на телевидении. Мирен с новыми силами берется за расследование, ставшее частью ее самой. Неожиданно девушка обнаруживает, что их с Кирой судьбы полны схожих загадок.

Книги Хавьера Кастильо стали издательским феноменом в Испании, Италии, Мексике, Колумбии, Аргентине, Португалии, Турции, Сербии, Болгарии, Польше, Чехии, Японии и Южной Корее.

«Хавьер Кастильо, несомненно, новое явление в европейской литературе». – Жоэль Диккер

«Испанский Стивен Кинг». – ABC

«Роман Хавьера Кастильо захватывает с первого момента». – El País

«Триллер в романтических тонах, который цепляет с самого начала». – Elle

«Поразительное умение владеть словом, являющееся гарантом литературного качества автора». – Zenda Libros

-
- [Хавьер Кастильо](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)

- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

Хавьер Кастильо

Снежная девочка

*Тебе, бабушка:
хотя ты никогда это не прочитаешь,
ты, конечно, сможешь это почувствовать.*

*И тебе, мама,
за то, что стала для меня
примером во всем*

*Быть может, кто-то не хочет знать,
что даже у самой прекрасной розы есть шипы*

Javier Castillo
LA CHICA DE NIEVE
© 2020, Javier Castillo Pajares

© Никишева К.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Никогда не предугадать, как зарождается самое страшное.

Нью-Йорк 26 ноября 1998

Грейс подняла взгляд и ненадолго отвлеклась от завораживающего зрелища парада в честь Дня благодарения. Ее дочь, сидящая на шее у отца, светилась от счастья. Грейс смотрела, как та весело болтает ногами, а руки мужа крепко сжимают ее голени – недостаточно крепко, решит потом женщина. К ним на огромных санях приближался улыбающийся Санта-Клаус из универсама «Мэйсис», и Кира то и дело указывала на что-нибудь пальцем и взвизгивала от счастья при виде гномов, эльфов, гигантских имбирных человечков и мягких игрушек во главе процессии. Шел дождь. Легкая и тонкая пелена воды мочила плащи и зонтики, и капли эти походили на слезы.

– Там! – закричала девочка. – Там!

Аарон и Грейс проследили за пальцем Киры, указывавшим на белый гелиевый шар, который парил среди облаков и уменьшался, пролетая между небоскребов Нью-Йорка. Затем Кира с предвкушением посмотрела на мать, и Грейс поняла, что не сможет ей отказать.

На углу улицы стояла женщина в костюме Мэри Поппинс с зонтиком и охапкой белых воздушных шариков, которые она раздавала всем желающим.

– Хочешь шарик? – спросила Грейс, заранее зная ответ.

Девочка не ответила от переполнявших ее эмоций. Замирая от счастья, она открыла рот и кивнула. На щечках появились ямочки.

– Но Санта уже рядом! Мы его пропустим! – возразил Аарон.

Кира снова улыбнулась, обнажив небольшую щель между зубами, где часто застревала еда. Дома их ждал морковный торт в честь завтрашнего дня рождения дочери. Аарон вспомнил об этом и согласился.

– Ладно, – сдался мужчина. – Где нам раздобыть шарик?

– Мэри Поппинс раздаёт их на углу, – нервно ответила Грейс. Вокруг сгущалась толпа, и тишина предыдущих нескольких минут начала таять, словно масло внутри индейки, которая ждала их этим вечером на ужин.

– Кира, останься с мамой, чтобы никто не занял наше место.

– Нет! Я хочу Мэри Поппинс!

Аарон вздохнул, и Грейс улыбнулась, понимая, что снова уступит.

– Надеюсь, малыш Майкл будет не таким упрямцем, – добавил Аарон, поглаживая намечающийся животик жены. Грейс была на пятом месяце: вначале она считала это безрассудством, учитывая возраст дочери, но теперь с нетерпением ждала появления ребенка.

– Вся в отца, – засмеялась она. – С этим не поспоришь.

– Ладно, малышка, пойдем за шариком!

Посадив дочь поудобнее, Аарон стал пробиваться сквозь нарастающую толпу к углу. Через несколько шагов он обернулся к Грейс и крикнул:

– Ты не боишься остаться тут одна?

– Нет. Не задерживайтесь, Санта уже близко!

Кира снова широко улыбнулась матери с плеч Аарона, ее лицо буквально светилось от радости. Годы спустя Грейс будет находить в этом утешение, пытаясь убедить себя, что пустота в душе не так темна, боль не так сильна, а горе не так удушает: когда она в последний раз видела дочку, та улыбалась.

Рядом с Мэри Поппинс Аарон опустил Киру на землю: этот поступок он никогда себе не простит. Мужчина то ли решил, что так она будет ближе к актрисе, то ли, что он опустится рядом с ней на корточки для поддержки, а Кира сама попросит шарик. Люди действуют из лучших побуждений, даже если те могут иметь наихудшие последствия. Звуки оркестра смешивались с криками толпы, сотни рук и ног с трудом пробивались по обе стороны от них, и взволнованная девочка крепко сжимала ладонь отца. Она протянула другую руку к женщине в костюме Мэри Поппинс, и та произнесла слова, навсегда застрявшие в памяти отца, который вот-вот должен был потерять самое ценное:

– Не хочет ли прелестная девочка ложку сахара?

Кира засмеялась и легонько фыркнула – звук, который Аарон запомнит как нечто среднее между хихиканьем и заливистым смехом. Такие мелочи остаются в памяти, и вы пытаетесь удержать их любыми способами.

Это был последний раз, когда он слышал ее смех.

В тот самый момент, когда Кира хрупкими пальчиками схватила нитку воздушного шара, который протягивала ей Мэри Поппинс, раздался еще один взрыв красного конфетти и восторженный крик детей вокруг. Родители и туристы начали нервно суетиться, толкаясь во всех направлениях.

А потом случилось неизбежное, пусть даже позднее Аарон думал, что за те две короткие минуты, когда все случилось, в его силах было изменить многое: например, взять шарик самому, или настоять на том, чтобы остаться с Грейс, или даже подойти к женщине справа, а не слева.

Аарона кто-то толкнул, и, пошатнувшись, он споткнулся об ограду вокруг дерева на углу 36-й улицы и Бродвея. В это мгновение мужчина в последний раз чувствовал прикосновение пальцев дочери: их тепло, мягкость, то, как ее маленькая ручка обхватила его указательный, средний и безымянный пальцы. Их ладони разъединились, и Аарон еще не знал, что это навсегда. Он всего лишь споткнулся, но при падении задел других людей, и вместо секунды на подъем ушла целая минута: толпа, уступая дорогу парадной процессии, то пятилась назад, то возвращалась обратно на тротуар, наступая ему на руки и ноги. Распростертый на земле, Аарон сдавленно крикнул:

– Кира! Не двигайся с места!

И ему показалось, что он услышал в ответ:

– Папа!

Чувствуя боль от множества толчков и с усилием стараясь встать, Аарон понял, что Киры рядом с Мэри Поппинс больше нет. Другие упавшие смогли подняться на ноги и попытались занять свои места. Аарон снова закричал в толпе:

– Кира! Кира!

Люди вокруг удивленно оглядывались на него, не понимая, что происходит.

Он подбежал к женщине в костюме и спросил:

– Вы видели мою дочь?

– Девочку в белой куртке?

– Да! Где она?

– Я отдала ей шарик, а потом меня оттеснили. В толпе я потеряла ее из виду. Она не с вами?

– Кира! – снова закричал Аарон, не слушая дальше и озираясь вокруг. Он высматривал дочь между сотнями ног. – Кира!

И это случилось. То, что происходит в худшие мгновения, то, что с высоты птичьего полета не составило бы труда разглядеть. Белый гелиевый шарик выскользнул из чьих-то рук, и Аарон заметил его. Это было самое страшное, что могло случиться.

С трудом растолкав людей, преграждавших ему путь, он побежал туда, откуда появился шар, прочь оттуда, где стоял, с воплем:

– Кира! Дочка!

Мэри Поппинс тоже закричала:

– Потерялся ребенок!

Когда Аарон наконец добрался до здания банка, откуда улетел белый шарик, то заметил мужчину с дочкой с двумя кудрявыми косичками, смеявшимися над исчезающим в небе шариком.

– Вы видели девочку в белой куртке? – в отчаянии спросил их Аарон.

Мужчина обеспокоенно посмотрел на него и покачал головой.

Аарон не прекращал искать. Он в отчаянии добежал до угла, расталкивая всех на своем пути.

Вокруг роились тысячи людей; их ноги, руки и головы загораживали ему обзор. Он чувствовал себя таким потерянным и беспомощным, что его сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Рев труб в процессии Санты казался Аарону пронзительным звоном, заглушавшим его крики. Люди все больше грудились вокруг, Санта хохотал, сидя в санях, и каждый хотел увидеть его поближе.

– Кира!

Он протиснулся поближе к жене, чье внимание было полностью поглощено какими-то гигантскими имбирными печеньями, исполняющими гротескный танец.

– Грейс! Я не могу найти Киру, – выдохнул он.

– Что?!

– Я не могу найти Киру! Я опустил ее на землю и... потерял ее. – Голос Аарона дрогнул. – Я не могу ее найти.

– Что ты такое несешь?

– Я не могу ее найти.

Отрешенность на лице Грейс уступила место замешательству, а на смену ему пришла паника, и наконец она закричала:

– Кира!

Они оба кричали во все горло, и все стоявшие рядом присоединились к ним в поисках их дочери. Процессия тем временем равнодушно продолжала свой путь: Санта-Клаус улыбался и махал рукой детям, сидевшим на родительских плечах, пока не добрался до Геральд-сквер, где официально объявил о начале рождественских праздников.

Но жизнь Аарона и Грейс, которые сорвали голос и вложили всю душу в поиски дочери, навсегда изменилась лишь час спустя.

Глава 2

Несчастье всегда ищет тех, кто способен его принять.

Мсть же ищет тех, кто не способен этого сделать.

Мирен Триггс 1998

Я впервые услышала об исчезновении Киры Темплтон, когда училась в Колумбийском университете. У входа на факультет журналистики я взяла один из многочисленных экземпляров «Манхэттен пресс», которые раздавали студентам в попытке заставить нас мечтать о великом и учиться у лучших. Я проснулась рано: мне снова снился кошмар, в котором я бежала по пустынной улице Нью-Йорка, спасаясь от одной из своих теней. Приняла душ и собралась еще до рассвета. В университете коридоры факультета были еще пусты. Так они мне нравились гораздо больше. Слишком тошно было проходить мимо незнакомых людей к аудитории, чувствуя на себе их взгляды и шепот. Для них я превратилась из Мирен в «Ту, что...», а иногда даже в «Тсссс, тихо, а то она нас услышит».

Порой мне казалось, что они правы и у меня больше нет имени, будто я стала лишь призраком той ночи. Смотрясь в зеркало и выискивая что-то в глубине своих глаз, я всегда спрашивала себя: «Ты все еще там, Мирен?»

Тот день был особенно странным. Со Дня благодарения прошла неделя, когда лицо маленькой Киры Темплтон оказалось на первой полосе одной из самых читаемых газет на планете.

Заголовок в «Манхэттен пресс» от 1 декабря 1998 года гласил: «Вы видели Киру Темплтон?», а фотографию сопровождала подпись: «Подробности на странице 12». Девочка выглядела немного удивленной; ее зеленые глаза смотрели на что-то за камерой, и именно такой ее навсегда запомнила вся страна. Лицо Киры напомнило мне

саму себя в детстве, а ее взгляд – меня взрослую. Такая уязвимая, такая слабая, такая... сломленная.

71-й парад «Мейсис»^[1] в 1998 году запомнился Америке по двум причинам. Во-первых, это был парад, который считается теперь лучшим в истории: четырнадцать оркестров, выступления «NSYNC»^[2], «Бэкстрит бойз», Мартины Макбрайд, флешмобы сотен мажореток^[3], а также появление всего актерского состава «Улицы Сезам» и бесконечная процессия клоунов-пожарных. За год до этого шествие было испорчено сильным ветром. Из-за воздушных шаров пострадали люди, произошел инцидент с надувным розовым динозавром Барни, которого пришлось разрезать нескольким зрителям, чтобы спустить его на землю. Все это было настолько нелепо, что организаторам пришлось как следует потрудиться над восстановлением испорченной репутации мероприятия. Ни один родитель не возьмет детей на парад, где их малыша может придавить Барни или поросенок Бейб высотой в пять этажей. Лучшие организаторы взялись за устранение любых возможных опасностей. Парад 1998 года должен был пройти без изъянов. На высоту и размер надувных фигур ввели ограничения, в результате чего гигантский дятел Вуди навсегда исчез. Для управляющих фигурами ввели углубленные курсы подготовки. Зрелище было настолько завораживающим, что даже сегодня, почти двадцать лет спустя, вся страна помнит огромную процессию в голубых одеждах, следующую за Санта-Клаусом до самого конца на Геральд-сквер. Все прошло идеально. Парад имел настоящий успех, если не считать того, что именно в этот день Кира Темплтон, девочка, которой не исполнилось и трех лет, исчезла среди толпы, как будто ее никогда не существовало.

Мой преподаватель расследовательской журналистики Джим Шмоер опоздал на занятие. В те времена он работал главным редактором «Уолл-стрит дэйли», деловой газеты, освещающей общественно-политические события. По всей видимости, Шмоер провел утро в городском архиве в поисках каких-то старых документов. Встав перед аудиторией, он с раздраженным видом высоко поднял газету и спросил:

– Как вы думаете, для чего они это делают? Зачем, по-вашему, помещают фотографию Киры Темплтон на первой полосе с таким лаконичным заголовком?

Сара Маркс, прилежная студентка, сидевшая на два ряда впереди меня, громко ответила:

– Чтобы мы все могли узнать ее, если увидим. Это может помочь найти девочку. Если кто-то увидит и узнает ее, то сможет поднять тревогу.

Отрицательно покачав головой, профессор Шмоер указал на меня:

– Что скажет мисс Триггс?

– Как это ни печально, они поступают так, чтобы продать больше газет, – уверенно сказала я.

– Продолжайте.

– Судя по тому, что я прочла в новостях, она исчезла неделю назад на углу Геральд-сквер. Тревога была поднята мгновенно, и после окончания парада девочку искал весь город. В статье говорится, что эта фотография уже была в новостях в ночь после парада, а на следующее утро ее первым делом показали на «Си-би-эс». Через два дня лицом Киры обклеили все фонарные столбы в центре Манхэттена. Газета опубликовала снимок сейчас, неделю спустя, не для того, чтобы помочь, а чтобы поживиться на волне нездорового ажиотажа.

Профессор Шмоер отреагировал не сразу.

– Видели ли вы эту девочку раньше? В ночных или утренних новостях?

– Нет, профессор. У меня нет телевизора, и я живу на севере, в Гарлеме. Там на фонарях не расклеивают лица богатых детей.

– И что из этого следует? Они не выполнили свою задачу? Не помогли вам опознать ее? Вы не думаете, что это просто попытка увеличить шансы найти ее?

– Нет, профессор. Хотя... отчасти да, но вообще нет.

– Продолжайте, – попросил он, зная, что я уже пришла к нужному ему выводу.

– Они упомянули, что ее лицо уже показывали на «Си-би-эс», потому что не хотят, чтобы их осуждали за то, что они наживаются на поисках девочки, хотя так оно и есть.

– Но теперь вы знаете Киру Темплтон в лицо и можете присоединиться к ее поискам.

– Да, но это не было конечной целью. Их цель – продать газеты. «Си-би-эс», возможно, и правда хотели помочь. Но теперь они как

будто пытаются растянуть это дело, нажиться на событии, пробудившем общественный интерес.

Профессор Шмоер обвел аудиторию взглядом и неожиданно для меня зааплодировал.

– Именно так все и было, мисс Триггс, – он кивнул, – и я хочу, чтобы именно так вы и рассуждали. Что стоит за историей, которая попадает на первые полосы газет? Почему одно исчезновение важнее другого? Почему вся страна сейчас ищет Киру Темплтон? – Выдержав паузу, Шмоер продолжил: – Все присоединились к поискам Киры Темплтон, потому что это выгодно.

Это был упрощенный взгляд на произошедшее, не буду отрицать, но именно этот случай и привел меня к делу Киры.

– Самое грустное – и вы скоро в этом убедитесь – то, что СМИ присоединяются к поиску по своим соображениям. Вы думаете, историю следует опубликовать, потому что она несправедлива или трагична, но на самом деле единственный вопрос, который задаст редактор вашей газеты: продадим ли мы больше экземпляров? Этим миром управляет выгода. Семьи обращаются за помощью к СМИ по той же причине. В конце концов, громкие дела полицейские расследуют тщательнее, чем малоизвестные. Это факт. Очередному политику нужно склонить общественное мнение на свою сторону, и это единственное, что его волнует, – тогда круг замыкается. Все заинтересованы в продвижении этого вопроса: одни – чтобы заработать деньги, другие – чтобы вернуть надежду.

Я молча злилась. Как и все остальные наверняка. Это не утешало. Это вызывало отчаяние. Затем, словно Кира перестала быть новостью, Шмоер перешел к обсуждению статьи, которая уличила мэра в нецелевом использовании средств, выделенных на строительство парковочного пространства вдоль Гудзона, и под конец пары рассказал подробности расследования, в котором он участвовал: оно было связано с новым наркотиком, распространенным в пригородах и уже начинающим сеять хаос среди неблагополучных слоев населения города. На его лекциях реальность наотмашь била по лицу. Утром вы заходили туда полными надежды, а выходили сломленными и сомневающимися во всем. Теперь, если подумать, своей цели он достиг.

Обычно перед концом лекции профессор Шмоер давал нам тему для исследования на неделю. В прошлый раз мы разбирали сексуальный скандал с участием политика и его секретарши. Однако на этой неделе Шмоер повернулся и написал на доске: «Свободная тема».

– Что это значит? – крикнул кто-то с задних рядов.

– Вы можете выбрать любую тему из сегодняшней газеты, которая вас заинтересует.

* * *

Подобные задания помогали выяснить, какие журналистские расследования удаются нам лучше всего: политика и коррупция, социальная повестка, экологические проблемы или корпоративные махинации. Один из главных сюжетов дня был посвящен возможной утечке вредных веществ в реку Гудзон: в одном из районов были обнаружены сотни мертвых рыб. Пустячное дело, и вся группа, включая меня, мгновенно это поняла. Только и требовалось, что взять пробу воды и проанализировать ее в факультетской лаборатории: это позволило бы определить, из-за какого химиката вода оказалась покрытадохлыми рыбами, будто одеялом. Затем оставалось отследить, какие химические компании, находившиеся неподалеку от реки, производят отходы или продукты, в которых присутствует это вещество, – и вуаля. Проще некуда.

Когда я вышла из аудитории, Кристина Маркс, моя соседка по парте до прошлого года и центр притяжения всех парней в группе, подошла ко мне с довольно серьезным видом. Раньше мы были подругами, но теперь от разговоров с ней меня мутило.

– Мирен, ты же пойдешь с нами взять пробу воды? Задача плевая. Ребята предлагают днем сходить к двенадцатому причалу, наполнить пробирки и пропустить потом по паре бокальчиков. И дело в шляпе. Думаю, там будет несколько симпатичных парней.

– Пожалуй, на этот раз я пас.

– Опять?

– Мне просто не хочется. И точка.

Кристина нахмурилась было, но тут же изобразила свой обычный несчастный вид.

– Мирен... ну пожалуйста... ведь прошло уже много времени с тех пор, как... ну, с того дня.

Я знала, на что она намекала, как и то, что ей не хватит смелости закончить предложение. В прошлом году мы отделились друг от друга – вернее, это я отделилась от всех остальных и с тех пор предпочитала быть одна, сосредоточившись на учебе.

– Та история тут ни при чем. И, пожалуйста, не надо говорить со мной так, будто я нуждаюсь в жалости. Я устала от того, что все на меня так смотрят. Всё в порядке. Хватит.

– Мирен... – ласково протянула она, будто разговаривала с дурочкой. Наверняка с детьми она использовала этот же тон, – ...я не хотела...

– Мне все равно, понятно? Кроме того, я не собираюсь расследовать утечку химикатов. Мне это вообще не интересно. Нам так редко дают выбирать, и я хочу заняться тем, что мне интересно.

Кристина выглядела раздраженной, но промолчала. Трусиха.

– И чем же?

– Займусь исчезновением Киры Темплтон.

– Этой девочки? Уверена? В таких делах очень трудно что-либо раскопать. На следующей неделе у тебя не будет ни материала, ни чего-то стоящего для профессора Шмоера.

– Ну и что? – возразила я. – Зато хотя бы кто-то займется этим делом не ради денег. Ее семья заслуживает, чтобы кто-то по-настоящему беспокоился об их дочери, а не просто старался прикрыть свою задницу.

– Никому нет дела до этой девочки, Мирен. Ты сама это сказала. Это задание, чтобы заработать дополнительные баллы, а не ухудшить оценки. Не порть свою успеваемость.

– Разве ты от этого не выиграешь?

– Мирен, не будь дурой.

– Может быть, я всегда ею была. – Я пыталась поставить точку в этом разговоре.

Так это и могло закончиться. Всего лишь неудачное недельное расследование никому не известной студентки факультета журналистики. Двойка за домашнее задание, которое никак не

повлияло бы на мою итоговую оценку по РЖ, как мы называли этот предмет. Но судьбе было угодно, чтобы я обнаружила нечто, что навсегда изменило ход и итоги поисков маленькой Киры Темплтон.

Глава 3

Даже в самом глубоком из самых темных колодцев можно копнуть немного глубже.

Нью-Йорк 26 ноября 1998

Через несколько минут после исчезновения Киры Грейс позвонила в 911 с телефона Аарона и сумбурно объяснила, что не может найти свою дочь. Полиция приехала почти сразу после того, как Грейс и Аарон стали отчаянно кричать на глазах у свидетелей, срывая голос.

– Вы родители? – спросил полицейский, который пробился сквозь толпу к углу Геральд-сквер и Бродвея.

Десятки прохожих окружили родителей и полицейских, наблюдая, как рушатся жизни двух человек, потерявших самое ценное в своей жизни.

– Пожалуйста, помогите мне найти ее. Пожалуйста, – умоляла Грейс. На ее глаза навернулись слезы. – Наверное, кто-то увел ее. Она бы сама не ушла с незнакомыми.

– Успокойтесь, мэм. Мы найдем ее.

– Она совсем маленькая. И совсем одна. Вы должны помочь нам, пожалуйста. Что, если кто-то?.. О боже... а вдруг ее похитили?

– Успокойтесь. Скорее всего, она забилась от страха в какой-нибудь угол. Здесь очень много людей. Мы передадим сведения другим полицейским и поднимем тревогу. Мы найдем ее, обещаю.

– Как давно это случилось? Когда вы видели ее в последний раз?

Грейс оглянулась, увидела обеспокоенные лица вокруг и отвлеклась. Аарон вмешался, чтобы не терять времени:

– Минут десять назад, не больше. Здесь, прямо здесь. Она сидела у меня на плечах, мы пошли взять воздушный шар.... Я опустил ее на землю и... и потерял из виду.

– Сколько лет вашей дочери? Опишите ее, это поможет нам. Во что она была одета?

– Ей три годика. Вернее, исполнится завтра. Волосы... темные. Собраны в хвост, вернее, два хвостика, по бокам. Джинсы... и... кофточка... белая.

– Светло-розовая, Аарон. Господи! – резко перебила его Грейс.

– Вы уверены?

Грейс тяжело вздохнула. Она была на грани обморока.

– Светлая кофта, – исправился Аарон.

– Если прошло всего десять минут, значит, она где-то рядом. В такой толпе невозможно уйти далеко.

Один из полицейских схватил рацию и поднял тревогу:

– Внимание всем отрядам: 1065. Повторяю, 1065. Пропала трехлетняя девочка, волосы темные, одета в джинсы и светлую кофту. В районе Геральд-сквер, 36-й улицы и Бродвея. – Сделав паузу, он повернулся к Грейс, у которой подкашивались ноги. – Как зовут вашу дочь, мэм? Мы найдем ее, уверяю вас.

– Кира. Кира Темплтон, – ответил Аарон вместо Грейс: та была уже на грани срыва. Аарон чувствовал, как жена наваливается на него всем телом. Ноги отказывали ей, и с каждой секундой ему приходилось прилагать все больше усилий, чтобы удержать ее в вертикальном положении.

– Отзывается на имя Кира Темплтон. – Полицейский продолжил сообщение по рации. – Повторяю, 1065. Трехлетняя девочка, брюнетка...

Грейс больше не могла слышать описание своей дочери. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, а руки и ноги не выдерживали напряжения, проходящего по артериям. Закрыв глаза, она рухнула в объятия Аарона, а люди вокруг потрясенно ахнули.

– Нет, Грейс... не сейчас... – прошептал он. – Пожалуйста, не сейчас...

Аарон поддержал ее и нервно опустил на землю.

– Ничего, ничего... расслабься, дорогая, – прошептал мужчина на ухо жене. – Это скоро пройдет...

Грейс лежала на земле, уставившись в пустоту. Полицейские наклонились, пытаясь помочь. К ним подошла женщина из толпы, и вскоре Аарона окружили зеваки.

– Это всего лишь паническая атака! Пожалуйста, отойдите. Дайте ей воздуха. Ей нужен воздух.

– С ней такое раньше случалось? – спросил один из полицейских. Другой вызвал по рации «Скорую помощь». По улице во всех направлениях шла толпа. Движение застопорилось. Санта-Клаус вдалеке все так же улыбался детям из саней. Где-то там Кира могла забиться в угол от страха, недоумевая, куда подевались родители.

– Периодически случается, черт бы их побрал. Последняя была месяц назад. Через пару минут все пройдет, но, пожалуйста, найдите Киру. Помогите нам найти нашу дочь.

Тело Грейс, до этого неподвижное, будто во сне, сотрясли легкие судороги, и люди удивленно вскрикнули.

– Это ничего. Ничего страшного. Все хорошо, милая, – прошептал Аарон на ухо Грейс. – Мы найдем Киру. Дыши... не знаю, слышишь ли ты меня сейчас... Просто сосредоточься на дыхании, и скоро все пройдет.

Спокойное лицо Грейс исказилось от страха, глаза остекленели, и Аарону оставалось надеяться, что она не поранится.

Кольцо вокруг них сужалось, и голоса советчиков перемежались с шумами полицейской рации. Внезапно люди с одной стороны начали быстро расступаться, и появилась бригада «Скорой помощи» с носилками и аптечкой. Двое полицейских примкнули к ним и оттеснили толпу, которая норовила подойти ближе.

Аарон отступил на два шага, чтобы им было удобнее, и прикрыл лицо руками. Он был на грани. Его дочь исчезла несколько минут назад, а жена переживала паническую атаку. На глазах выступили слезы. Это было тяжело. Обычно он держал себя в руках и не показывал эмоции на публике, но в этот момент он оказался в центре внимания и сдерживался до тех пор, пока слезы не пошли из глаз.

– Как ее зовут? – крикнул врач.

– Грейс! – крикнул в ответ Аарон.

– С ней впервые такое?

– Нет, иногда случается. Она лечится, но... – Ком в горле мешал говорить.

– Грейс, послушайте меня, – успокаивающим тоном обратился к ней врач. – Уже все хорошо... вам становится лучше. – Обернувшись к Аарону, он спросил: – У нее есть аллергия на какие-нибудь лекарства?

– Нет, – ответил тот глухо. Аарон не находил себе места и чувствовал себя подавленным. Его взгляд метался из стороны в

сторону, сквозь ноги в толпе, в отчаянной попытке уловить взгляд Кира.

– Кира! – воскликнул он. – Кира!

Один из полицейских отозвал его в сторону.

– Нам нужна ваша помощь, чтобы найти вашу дочь. Ваша жена в порядке. Ее осматривают сотрудники «Скорой помощи». В какую больницу лучше отвезти ее? Вы нужны нам здесь.

– В больницу? Нет, нет, не нужно. Через пять минут все пройдет. Это пустяки.

Один из медиков подошел к ним:

– Нам нужно место поспокойнее. Машина «Скорой» ждет на соседнем перекрестке, и ей будет лучше прийти в себя там. Давайте мы подождем вас там? обойдемся без больницы, если не будет осложнений. Не волнуйтесь, это просто паническая атака. Через несколько минут приступ пройдет, и, когда все закончится, ей будет нужен покой.

Внезапно насторожившись, другой полицейский прислушался к рации.

– Центральный, повторите.

Аарон, стоявший в нескольких метрах от него, не расслышал ответ, но от него не ускользнуло выражение лица полицейского.

– Что такое? Что? Кира? Ее нашли?

Полицейский, внимательно слушавший сообщение, увидел, как к нему спешит Аарон.

– Мистер Темплтон, прошу вас, успокойтесь.

– Что случилось?

– Они что-то обнаружили.

Глава 4

Лишь те, кто не перестают искать, находят себя.

27 ноября 2003 5 лет с момента исчезновения Киры

На пересечении 77-й улицы и Централ-Парк-Уэст в Нью-Йорке в 9.00 утра 27 ноября сотни помощников и волонтеров толпились вокруг больших надувных фигур, которые вот-вот должны были подняться с земли. Всех, кто принимал участие в запуске огромных шаров, которым предстояло пронестись по улицам Нью-Йорка и оказаться перед универмагом «Мэйсис» на Геральд-сквер, разделили на группы. Они были одеты в соответствии с персонажем, которым управляли: те, кто отвечал за полет отважного поросенка Бейба, были в розовых куртках, те, кто нес харизматичного мистера Монополия, были в элегантных черных костюмах, а те, кто сопровождал легендарного Игрушечного солдата, – в синих комбинезонах. На Геральд-сквер утро началось с грандиозного флешмоба «Америка поет» в разноцветных толстовках, а за ним последовали выступления лучших артистов страны.

Город превратился в один большой праздник. Люди на улицах улыбались, а дети с волнением стекались к месту, где проходил парад. Даже предприниматель Дональд Трамп прилетел на собственном вертолете, чтобы передать телеканалу «Эн-би-си» вид с воздуха на процессию, шедшую по прямым линиям Манхэттена.

Исчезновение Киры Темплтон уже кануло в Лету, но осталось в подсознании города. Матери и отцы шли вплотную за своими детьми, соблюдая меры предосторожности, о которых раньше даже не задумывались. Они избегали «опасных точек» – мест наибольшего скопления людей. Перекресток Таймс-сквер, финальная точка парада у магазина «Мэйсис» и более отдаленная часть Бродвея были заполнены туристами, взрослыми и жителями соседних городов. Семьи с детьми предпочли наблюдать за происходящим неподалеку от места начала

парада – с параллельной улицы Централ-Парк-Уэст. Так было безопаснее: широкая проезжая часть и тротуары исключали пробки и давку.

Было 9.53 утра, и ровно в тот момент, когда надувная Большая Птица из «Улицы Сезам» взмыла в воздух под пристальным взглядом сотен улыбающихся детей и родителей, на середину улицы ворвался пьяный мужчина, гневно крича сквозь слезы:

– Следите за детьми! Следите за своими детьми, иначе этот город поглотит их! Он поглотит их, он поглощает все хорошее, что есть на его улицах! В этом городе нельзя никого и ничего любить, иначе он отберет это, как отбирает все, что попадает к нему на глаза!

Некоторые родители перевели взгляд с гигантской желтой птицы на пьяного мужчину, одетого в запятнанный костюм без галстука. У него была неухоженная темная борода и взлохмаченные волосы. Из пораненной губы стекала кровь, пачкая воротник рубашки. Глаза мужчины переполняли боль и отчаяние. Он прихрамывал – на одной ноге вместо ботинка остался только белый носок с абсолютно черной подошвой.

Несколько волонтеров подошли к мужчине, чтобы успокоить его.

– Эй, дружище, не рановато ли так набираться? – сказал один из них, пытаясь увести его в сторону.

– Сегодня День благодарения, как вам не стыдно? – сказал другой. – Уходите отсюда, пока вас не арестовали. Дети же смотрят. Ведите себя прилично.

– Мне было бы стыдно участвовать... в этом. Быть частью этой... этой машины, которая пожирает детей! – закричал пьяница.

– Секундочку... – сказал один из волонтеров, припоминая что-то. – Вы же отец той девочки, которая...

– Не смей упоминать мою дочь, ублюдок!

– Точно! Это вы... Вам не стоило приходить... сюда, – продолжил тот, стараясь проявить сочувствие.

Аарон понурил голову. Он всю ночь провел в барах, пока они не закрылись. Затем он пошел в магазинчик и купил бутылку джина, которую продавец-пакистанец согласился продать ему из жалости. Аарон одним глотком осушил треть бутылки, и его сразу же стошнило. Тогда он сел и расплакался. До начала парада «Мэйсис» и пятой годовщины исчезновения Киры оставалось несколько часов. Накануне

он проснулся в слезах, как и все предыдущие годы. Аарон никогда не пил до того, как потерял дочь. Он вел правильный и здоровый образ жизни и позволял себе бокал белого вина, только когда они принимали гостей в его бывшем доме в Дайкер-Хайтс, престижном районе Бруклина. После случившегося с Кирой он ни дня не обходился без виски. Разница между Аароном Темплтоном 1998 года и Аароном Темплтоном 2003 года была разительной. Жизнь явно не была к нему благосклонна.

Заметив происходящее, подбежал полицейский.

– Сэр, вам нужно уйти, – заявил он, схватив Аарона за руку и указывая на заграждения. – Здесь могут находиться только участники шествия.

– Не трогайте меня! – крикнул Аарон.

– Сэр... пожалуйста... я не хочу вас арестовывать на глазах у детей.

Аарон повернулся и понял, что все смотрят только на него. Никого не интересовали ни гигантская тень, отбрасываемая желтой птицей, ни маячившая вдалеке фигура Человека-паука, которую готовили к взлету. Он понурил голову. Снова сломлен. Повержен в пух и прах. Эмоциональное потрясение в день парада было невыносимым, и ему оставалось только вернуться в свою новую квартиру в Нью-Джерси, чтобы проспать и рыдать в одиночестве. Но тут полицейский дернул его за руку: худшее, что тот мог сделать.

Развернувшись, Аарон с силой ударил полицейского кулаком в лицо, сбив того с ног, под изумленные взгляды сотен детей и родителей, которые тут же начали возмущаться.

– Как так можно! – крикнул один из зрителей.

– Прочь отсюда! – завопил другой.

В лицо Аарону прилетела бутылка с водой, и он начал ошеломленно озираться по сторонам, не понимая, откуда пришел удар.

Не успел он понять, почему на него кричат и гонят прочь, как к нему подбежали еще двое полицейских и грубо повалили на землю. При падении Аарон ударился лицом об асфальт. Менее чем через пять секунд его руки уже скрутили за спиной, а наручники перекрыли прилив крови к запястьям. Не успел его мозг осознать боль – на это ушло еще две минуты – как полицейские и кто-то из волонтеров

подняли его под аплодисменты окружающих, приглушенные крики и стоны самого потерявшего надежду отца.

В полицейской машине он уснул.

Час спустя Аарон очнулся уже в управлении Западного бюро Департамента полиции Нью-Йорка со скованными за спиной руками, а рядом сидел добродушный пожилой мужчина с грустной физиономией. Лицо Аарона ныло, и он скривился, пытаясь стряхнуть засохшую кровь, но это была плохая затея. Теперь заболело все.

– Плохой день? – спросил незнакомец.

– Плохая... жизнь. – Аарона мутило.

– Ну, жизнь так и останется плохой, если ничего не менять.

Аарон посмотрел на него и кивнул. На мгновение он задумался, что, кроме наручников, ничто не выдавало в его собеседнике правонарушителя. Наверное, неоплаченный штраф за парковку.

Между столами прошла темноволосая женщина и обратилась к пожилому мужчине:

– Вы мистер Родригес? – Она достала из папки листок бумаги.

– Так точно, – подтвердил тот.

– Через пару минут подойдет мой коллега из отдела по расследованию убийств и задаст вам несколько вопросов. Хотите вызвать адвоката?

Аарон шокированно посмотрел на мужчину.

– В этом нет необходимости. Я уже все сказал, – спокойно ответил мистер Родригес.

– Как угодно. Но знайте, у вас есть право обратиться к местному адвокату, когда вы будете делать заявление.

– Моя совесть чиста. Мне нечего скрывать, – улыбнулся мужчина.

– Хорошо. Скоро за вами придут. А вы у нас... Темплтон, Аарон. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Аарон неловко встал и кивнул на прощание мистеру Родригесу. Женщина шла быстрым шагом, а он держался позади, пока они не дошли до приемной.

– Вот ваши вещи. Позвоните кому-нибудь, чтобы за вами приехали.

– И все? – недоуменно спросил Аарон.

– Полицейскому, которого вы ударили, стало вас жаль. Он знает, кто вы. Видел вас по телевизору в связи с делом вашей дочерью. Он

говорит, вы уже достаточно натерпелись, к тому же сегодня День благодарения. Он не стал выдвигать обвинений, и в отчете сказано, что вас арестовали только из-за буйного поведения. Это незначительное правонарушение.

– То есть... я могу идти?

– Не так быстро. Вы сможете уйти, только если кто-то заберет вас. Мы не можем позволить вам уйти одному, пока вы еще... ну, пьяны. Если хотите, можете поспать в приемной, но не советую, сегодня ведь День благодарения. Вернитесь домой пораньше, поспите, а затем поужинайте с семьей. Вас наверняка ждет вкусная еда.

Аарон вздохнул и оглянулся на место, где сидел мистер Родригес.

– Можно узнать, что он натворил?

– Кто?

Аарон кивнул в сторону мужчины.

– Он выглядит добропорядочным гражданином.

– О, так и есть. Прошлой ночью он застрелил четырех мужчин, которые изнасиловали его дочь.

Аарон сглотнул и посмотрел на мистера Родригеса с неким восхищением.

– Он, вероятно, проведет остаток жизни в тюрьме, но я его не виню. Если б я была на его месте... Не знаю, что бы я сделала.

– Но вы же работаете в полиции. Ваша задача – сажать в тюрьму плохих парней.

– Ну, именно поэтому я так и говорю. Я не особенно доверяю системе. Те, кого он убил, уже привлекались за несколько преступлений на сексуальной почве, но... вы знаете, где они были? На свободе. Не понимаю. С каждым разом я все меньше верю в правосудие. Вот почему я работаю в управлении с документами, а не ставлю свою жизнь на кон ради системы. Здесь лучше, приятель.

Аарон кивнул. Женщина достала пластиковую коробку с кожаным бумажником, ключами с брелоком в виде пса Плуто и телефоном «Нокиа 6600» и положила ее на стойку. Аарон убрал в карман бумажник и ключи и включил телефон. Он увидел двенадцать пропущенных звонков от Грейс и начал писать сообщение, но удалил, так и не отправив. Если он хочет покинуть это место как можно скорее, лучше позвонить.

Мужчина прижал трубку к уху, и через несколько секунд на другом конце послышался женский голос:

– Аарон?

– Мирен, ты можешь приехать и забрать меня? У меня небольшие проблемы.

– Что?

– Пожалуйста...

Мирен вздохнула.

– Я в редакции. Это срочно? Где ты?

– В полицейском участке.

Глава 5

Человек – это то, что он любит, но также и то, чего он боится.

Мирен Триггс 1998

В тот же день, после занятий, я решила просмотреть все, что было опубликовано об исчезновении Киры Темплтон. Не прошло и недели, но статьи и слухи о ней росли как снежный ком. Я зашла в архив университетской библиотеки и спросила у девушки за стойкой, может ли она запустить поиск по новостям, опубликованным со дня исчезновения и включающим слова «Кира Темплтон».

Помню выражение лица девушки и ее холодный ответ:

– Газет за прошлую неделю еще нет в системе. Мы пока обрабатываем 1991 год.

– 1991-й? Но ведь на дворе 1998 год. Мы живем в век технологий, и вы говорите мне, что мы отстаем на семь лет?

– Да. Мы до сих пор перестраиваемся, но вы можете просмотреть печатные версии. Их не так много.

Я вздохнула. В чем-то она была права. Разве долго придется искать новости об исчезновении?

– Можно посмотреть газеты за прошлую неделю?

– Какие? «Манхэттен пресс», «Вашингтон пост»...

– Все.

– Все?

– Национальные и штата Нью-Йорк.

Девушка в замешательстве посмотрела на меня и впервые вздохнула.

В ожидании я присела на стол, пока библиотекаряша исчезла за боковой дверью. Ее не было целую вечность, и мои мысли сами собой вернулись к той ночи. Я встала, чтобы выбросить их из головы. Какое-то время бесцельно бродила между стеллажами, шепча на испанском названия книг испаноязычных авторов.

Услышав позади стук колес, я обернулась и увидела девушку, которая с улыбкой толкала тележку, нагруженную более чем сотней газет.

– Это все мне? – удивленно спросила я. Мне представлялась кипа поменьше.

– Это то, что вы просили, нет? Газеты за последнюю неделю. Только национальные и местные, штата Нью-Йорк. Не знаю, для какой работы это нужно, но точно не получится обойтись национальными?

– Все отлично.

Оставив у одного из столов рядом с окном тележку, она вернулась за стойку. Я схватила первую газету и начала быстро переворачивать страницы, читая заголовки. Мои глаза метались от одного к другому, как две хищные птицы, рыщущие по кустам.

Существует несколько способов поисков источников для исследования, и выбор того или иного зависит от вашей интуиции и изучаемой темы. В одних случаях лучше всего обратиться к полицейским архивам, в других – к муниципальным или национальным реестрам. Иногда ключевые подсказки дает свидетель или осведомитель, но зачастую это чистый инстинкт. Искать, копать, собирать каждую крупицу информации, которая может оказаться полезной. С делом Киры Темплтон я искала на ощупь. Было еще рано пытаться получить досье о ее исчезновении, и, кроме того, ни один агент ФБР не осмелился бы поделиться информацией со студенткой последнего курса факультета журналистики. Если ФБР с кем и сотрудничало, то только с репортерами ведущих изданий, и то только в том случае, если это было необходимо и могло помочь продвижению дела. Такое иногда случалось. Полиции нужны были глаза миллионов людей, поэтому они предоставляли СМИ конфиденциальную следственную информацию, чтобы при помощи общественности установить личность убийцы или найти жертву. В таких громких делах, как дело Киры, публикация подробностей об одежде, в которую она была одета, о том, где ее видели в последний раз, или даже о том, чем она любила заниматься, могла сделать поиски более эффективными и помочь полиции быть начеку в случае обнаружения ключевой улики.

Я быстро пролистала газеты за 26 ноября, День благодарения, поскольку это был тот самый день, когда Кира исчезла. Материалы

заканчивали собирать накануне ночью, и в них говорилось о событиях, произошедших 25 ноября, поэтому там не могло быть никакой информации о девочке.

Первое упоминание об исчезновении Киры я нашла в газетах за следующий день, пролистав несколько сотен страниц различных изданий с фотографиями парада и заголовками об официальном начале Рождества. В нижнем углу 16-й страницы газеты «Нью-Йорк дэйли ньюс» в черной рамке была напечатана первая фотография Киры, та самая, что несколько дней спустя украсила обложку «Манхэттен пресс». В статье нейтральным тоном сообщалось: накануне начались поиски пропавшей трехлетней девочки по имени Кира. Согласно статье, на ней были джинсы, белая или светло-розовая кофта и белая утепленная куртка. Больше никаких сведений. Время исчезновения или место, где ее видели в последний раз, не упоминались.

Я не удивилась, обнаружив в газетах за 27-е число более развернутую статью. Еще одна газета, на этот раз «Нью-Йорк пост», посвятила исчезновению Киры полстраницы. Статья, подписанная неким Томом Уолшем, сообщала следующее:

«Идет второй день поисков Киры Темплтон, пропавшей во время парада в День благодарения. Трехлетняя девочка исчезла в толпе два дня назад. Ее отчаявшиеся родители просят общественность помочь в поисках». Новость сопровождалась фотографией Аарона и Грейс Темплтон, держащих в руках фотографию дочери. Их глаза опухли от слез. Именно на этой фотографии я впервые увидела родителей.

Я продолжала читать газеты, выбирая страницы, на которых упоминалась Кира или парад, продвигаясь вперед по календарю, пока не дошла до текущего дня и первой полосы «Манхэттен пресс».

Взглянув на часы, с удивлением обнаружила, что было уже почти девять часов вечера. В библиотеке, которая в это время года была открыта до полуночи, так как экзамены уже были не за горами, но еще достаточно далеко, чтобы ни у кого не было срочной необходимости заниматься, было пусто.

Мне не следовало задерживаться так поздно. Я быстро запихала нужные страницы в рюкзак и подкатила тележку к стойке. Увидев беспорядочную гору бумаг, библиотекарьша заворчала.

Я вышла на улицу в нью-йоркскую ночь. Посмотрел в одну сторону – ни души. С другой стороны виднелась пара силуэтов,

окруженных дымом: люди разговаривали и курили в дверях бара. Я вернулась внутрь, и девушка за стойкой притворно улыбнулась, увидев меня снова.

– Можно воспользоваться телефоном? Я не взяла с собой денег на такси.... Я не планировала задерживаться допоздна.

– Еще только девять часов. На улицах есть люди.

– Так могу я воспользоваться телефоном или нет?

– Эээ... Конечно. – Она протянула мне трубку.

Я снимала квартиру в центре Гарлема, в красном кирпичном здании на 115-й улице, всего в десяти минутах ходьбы от университета, который находился на восточной стороне Морнингсайд-парка, а мой дом – на западной.

Чтобы попасть в квартиру, требовалось лишь пересечь несколько улиц и пройти через парк. Проблема заключалась в том, что в те годы в районе было неспокойно. Здесь было много кондоминиумов и социального жилья, и это место к югу от Центрального парка притягивало различные банды, мелкие группировки, наркоманов и грабителей в поисках ни о чем не подозревающей жертвы. Днем обходилось без грабежей и разбоев, но к ночи ситуация полностью менялась.

Я набрала номер единственного человека, который ответил бы в этот час.

– Да? – произнес мужской голос на другом конце.

– Не хочешь встретиться? Я в факультетской библиотеке.

– Мирен?

– У меня был долгий день. Так да или нет?

– Хорошо. Буду через пятнадцать минут.

– Я подожду тебя внутри.

Повесив трубку, осталась стоять, наблюдая, как библиотекарьша пытается разобраться в газетном беспорядке, который я учинила. Вскоре на пороге появился профессор Шмоер, одетый в пиджак с заплатками на локтях и круглые очки в роговой оправе, и жестом позвал меня на улицу.

– Все хорошо? – спросил он в качестве приветствия, едва мы вышли на тротуар.

– Я припозднилась.

– Я провожу тебя до дома, а потом уйду, хорошо? Я не могу остаться. – Он повернулся ко мне спиной и двинулся на восток. – В редакции просто хаос. Издатель хочет напечатать что-нибудь о Кире Темплтон на первой странице, что угодно, и у меня такое чувство, будто завтра такое будет во всех газетах после сегодняшней «Манхэттен пресс». Мы только разбередим рану, и, честно говоря, мне противно быть частью этого.

Ускорив шаг, я догнала его.

– А что вы собираетесь опубликовать? – спросила из любопытства.

– Звонок матери в службу спасения. Мы получили копию записи.

– Ох, плохо дело, – выдохнула я, подняв брови. – Неожиданный для «Дэйли» крен в сторону сенсации. Разве вы не деловое издание?

– Именно. Поэтому-то меня и тошнит от их планов.

Я ответила не сразу. Меня отвлек звук наших шагов по тротуару и то, как наши тени сначала обогнали нас, когда мы прошли мимо фонаря, а затем исчезли.

– А ты не можешь ничего возразить? Разве ты не можешь опубликовать что-нибудь другое? Ты же главный редактор.

– Продажи, Мирен. Продажи – это все, – раздраженно бросил он. – Ты сама сегодня это сказала. Возможно, ты просто не осознаешь, насколько от них все зависит. Только они и имеют значение.

– Настолько?

– Сегодняшний тираж «Манхэттен пресс» взлетел. Они продали в десять раз больше газет, чем вчера, Мирен. А все остальные газеты продавались плохо. Они в выигрыше, как ни посмотри.

– В десять раз?

– Мы не знаем, что они опубликуют завтра, но так это и работает. Хотим мы этого или нет, но поиск этого ребенка станет главной загадкой следующих нескольких месяцев во всех средствах массовой информации, если только она не отыщется раньше. Некоторые издания даже предпочли бы, чтобы она так и не нашлась, – в их интересах растягивать эту историю как можно дольше. Когда люди забудут об этом деле, а газеты – о ней, начнется траур, но всем будет уже все равно, и только если сама Кира или ее труп появится посреди Таймсквер, тема будет поднята снова.

Он выглядел обессиленным и настолько подавленным, что я не осмелилась ничего сказать.

Мы подошли к статуе Карла Шурца, и я попросила обойти парк, хоть это и удвоит время прогулки, но Шмоер согласился без колебаний.

Дальше он шел молча. Конечно, дело было в его возрасте. Профессор был старше меня лет на пятнадцать и знал, что мне не требовались разговоры. Он ждал, пока я сдамся сама. Возможно, думал, я затрону эту тему после моего отказа пересечь парк, но я не собиралась это обсуждать. Дойдя по Манхэттен-авеню до дома, я сказала:

– Спасибо, профессор.

– Не за что, Мирен. Ты же знаешь, я просто пытаюсь помочь...

Я с благодарностью обняла его. Было приятно чувствовать себя в некоторой степени защищенной.

Внезапно он взволнованно оттолкнул меня, и мое настроение упало.

– Это... это неправильно, Мирен. Я не могу этого сделать. Мне нужно вернуться в редакцию.

– Да я просто... просто обняла тебя, Джим, – возмутилась я с серьезным и сердитым видом. – Ты совсем с ума сошел?

– Мирен, ты знаешь, я не... Я не могу. Мне нужно идти. Этого не должно было случиться. Если нас увидят...

– Это правда так срочно? – Я старалась не принимать близко к сердцу его отказ.

– Нет, просто... – Он колебался. – В общем, да, я не могу остаться.

– Прости, я... Я думала, мы... друзья.

– Нет, Мирен. Дело не в этом... Просто мне нужно вернуться в редакцию. Правда.

Я заметила, что он нервничает больше, чем следовало бы, и ждала продолжения.

– Дело в звонке матери Киры Темплтон в полицию, – наконец сказал профессор. – Ситуация сложная. И я не думаю, что это хорошее решение.

– Можешь рассказать подробнее? Я выбрала Киру Темплтон для своего расследования на этой неделе.

– Ты не занимаешься утечкой? – удивился он. – Я думал, ты хочешь получить зачет.

Я была рада, что мы замяли тему объятий и напряжение между нами рассеялось.

– Да, но я не хочу быть как остальные. Эту тему возьмут все. Это легкая добыча. Но Кира заслуживает того, чтобы кто-то изучил ее дело без знака доллара перед глазами.

Шмоер кивнул в знак согласия.

– Ладно. Я скажу тебе только одну вещь об этой записи.

– Что же?

– Этот звонок родителей в 911...

– Что с ним не так?

– Кажется, они что-то скрывают.

Глава 6

Звонок Грейс Темплтон в службу спасения

26 ноября 1998. 11.53

- Девять-один-один, что у вас случилось?
- Я... я не могу найти свою дочь.
- Не волнуйтесь... Когда вы видели ее в последний раз?
- Недавно... несколько минут назад... Мы были здесь на... на параде, и... она ушла с отцом.
- Она сейчас с отцом или потерялась?
- Она была с ним... а теперь нет. Она потерялась.
- Сколько ей лет?
- Ей два, почти три. Завтра у нее день рождения.
- Понятно... Где вы находитесь?
- Эээ...
- Мэм, где вы находитесь?
- На... на пересечении 36-й улицы и Бродвея. Здесь много людей, и она потерялась. Она совсем малышка. О боже!
- Когда вы видели ее в последний раз, во что она была одета?
- Она... секундочку... точно не помню. Голубые брюки и... не знаю.
- Какая-нибудь кофта? Помните цвет?
- А, да... Розовая.
- Можете ли вы вкратце описать свою дочь?
- Она... брюнетка, с короткими волосами. Она всем улыбается. Рост 34 дюйма^[4]. Она... она невысокая для своего возраста.
- Цвет кожи?
- Белый.
- Хорошо.
- Пожалуйста, помогите.
- Вы уходили с места? Осмотрели окрестности?
- Здесь повсюду толпа. Это невозможно.

– Ваша дочь была одета в пальто или куртку?
– Повторите, пожалуйста.
– Было ли на ней что-то поверх розовой кофты, которую вы упомянули? В Нью-Йорке идет дождь.
– А, да... Куртка.
– Вы помните цвет?
– Ох... белая, с капюшоном. Да, точно. С капюшоном.
– Хорошо. Оставайтесь на линии. Я сейчас соединю вас с полицией. Хорошо?
– Да.
Заиграла музыка, и несколько секунд спустя на другом конце заговорила другая женщина:
– Мэм?
– Да?
– Вы видели, в какую сторону пошла ваша дочь?
– Ох... нет. Она ушла с моим мужем и не вернулась. Она потерялась.
– Ваш муж рядом?
– Да. Он здесь.
– Можете дать ему трубку?
– ...
– Да? – ответил Аарон прерывающимся голосом.
– Сэр, вы видели, в какую сторону пошла ваша дочь?
– Нет. Я этого не видел.
– Хорошо... Вы можете назвать точное время, когда это произошло?
– Не более пяти минут назад. Здесь слишком много людей. Мы не можем найти ее.
– Мы найдем ее.
– ...
– Сэр, вы меня слышите?
– Да, да.
– Пеший патруль направляется на угол 36-й и Бродвея. Ждите там.
– Вы думаете, они найдут ее? – уточнил Аарон.
Где-то на заднем плане послышался голос Грейс – она что-то неразборчиво говорила мужу.
– Грейс, сейчас не время, – отрезал он.

– Не волнуйтесь, сэр. Ваша дочь найдется.

Вдалеке снова послышался голос Грейс:

– Аарон, сотри кровь.

– ...

– Сэр? – позвала оператор.

– Слава богу, – сказал он.

В отдалении послышался глубокий мужской голос – это был полицейский.

– Вы родители?

Глава 7

Надежда излучает свет, и только он способен развеять самые мрачные тени.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Мирен появилась в полицейском участке в черном костюме с юбкой и пиджаком поверх белой блузки. Ее каштановые волосы были убраны в аккуратный высокий хвост. Аарон увидел из приемной, как она решительно подошла к стойке и попросила позвать его. Полицейская указала в сторону Аарона, и Мирен, подписав форму согласия, повернулась и подошла к нему с серьезным лицом.

– Идем? – спросила она вместо приветствия.

Прошел год с их последней встречи, но эта ситуация не стала для нее неожиданностью. В первые годы после пропажи Киры она то и дело встречала Аарона и наблюдала, как его все сильнее засасывает в воронку печали и отчаяния, которая поглощает все, до чего дотягивается. Но шло время, и повседневная жизнь, а также тот факт, что Мирен теперь работала в «Манхэттен пресс», привели к тому, что они отдалились друг от друга, а их встречи стали нерегулярными. Последний раз они виделись ровно год назад, в день рождения Киры, когда Аарон заявился в редакцию с воплями и обвинениями в нарушении обещаний.

– Спасибо, что пришла, Мирен... Мне некому больше было позвонить.

– Понимаю. Ничего страшного. Не нужно, Аарон. Не объясняй.

Было четыре часа дня, и движение на севере города начало приходить в норму. Парад закончился, детский смех утих, и все разошлись по домам, чтобы успеть приготовить ужин. Мирен направилась к своей машине, «Шевроле Кавалер» цвета шампанского,

припаркованной на стоянке между двумя полицейскими машинами. Мирен села за руль и подождала, пока Аарон усядется рядом.

– Мне жаль, что ты видишь меня таким, – начал Аарон. От него разило спиртным, и выглядел он жалко.

– Да какая разница. Я почти привыкла к этому. – Мирен стала раздражаться.

– Сегодня восьмой день рождения Киры. Я просто... это выше моих сил.

– Я знаю, Аарон.

– Я не выдержал. Парад, день рождения, и все в один день. Столько воспоминаний. Я так виноват. – Он поднес руки к лицу.

– Не нужно оправдываться. Не передо мной, Аарон.

– Я не... Я хочу, чтобы ты поняла, Мирен. В последний раз, когда мы виделись, я вел себя как...

– Аарон, не нужно. Хватит. Я знаю, как тебе тяжело.

– Как отреагировало начальство?

– Ну, они были не в восторге. Но ты не оставил им выбора. Едва ли кому-то понравится, если отец самой разыскиваемой девочки в Америке заявится пьяным в приемную и будет кричать, что все наши публикации – выдумки, ведь ты прекрасно знаешь, что это не так, – заметила она, и Аарон отвел взгляд. У него дрожали губы и правая рука, словно горе обрело контроль над некоторыми частями его тела.

Мирен завела машину и молча поехала на юг.

– У тебя были какие-нибудь проблемы из-за этого? – спросил Аарон.

– Ультиматум. Я должна оставить дело Киры, потому что это тупик.

Аарон посмотрел на девушку и сказал таким тоном, будто давно об этом думал и наконец решил:

– Исчезновение Киры пошло тебе на пользу.

Мирен нажала на тормоз. Она и без того злилась, что ей пришлось ехать за ним и снова видеть его пьяным, особенно в этот день, но его слова ранили ее в самое сердце.

– Как ты мог, Аарон? Ты же знаешь, я сделала все, что могла. Никто больше не приложил столько усилий для поиска твоей дочери. Как у тебя хватило наглости?..

– Я всего лишь сказал, что тебе это пошло на пользу. Сама посуди... Ты теперь работаешь в «Манхэттен пресс»...

– Вон из машины, – взбесилась Мирен.

– Ну что ты...

– Вон из машины!

– Мирен... пожалуйста...

– Послушай меня внимательно, Аарон. Ты знаешь, сколько раз я перечитывала полицейское досье Киры? Знаешь, скольких людей я опросила за последние пять лет? Никто не потратил столько времени на ее поиски, сколько я. Знаешь, от скольких материалов я отказалась, лишь бы продвинуться на шаг вперед и узнать, что с ней случилось?

Аарон понял, что задел ее за живое.

– Прости, Мирен... Я просто не могу больше... – его голос надломился. – Я не могу... Каждый год, когда приближается этот день, я говорю себе одно и то же: «Давай, Аарон, в этом году ты улыбнешься хотя бы раз на День благодарения. В этом году ты встретишься с Грейс и вспомнишь, какая у вас была замечательная семья». Я проговариваю это перед зеркалом, когда просыпаюсь, но как только думаю о ней и обо всем, что мы потеряли, обо всем, что ждало нас впереди и так и не случилось, о каждой... о каждой улыбке, которую мы не увидели, – я не могу этого вынести.

Мирен только щелкнула языком, наблюдая, как он плачет, но через несколько мгновений не выдержала.

– К черту, – бросила она, положила руки на руль и нажала на педаль газа.

– Отвезешь меня домой? Мне нужно поспать.

– Я разговаривала с Грейс.

На этот раз застонал Аарон.

– О чем?

– Она звонила тебе весь день, а ты не брал трубку. Потом Грейс позвонила мне, чтобы спросить, не знаю ли я, где ты. Она была сама не своя. Этот день берedit чувства и вскрывает старые раны.

Аарон посмотрел на Мирен. Ее голос звучал серьезнее, чем он помнил. Деловой вид девушки и почти отстраненный взгляд лишь сильнее укрепили то чувство, которое он всегда испытывал к ней: Мирен была слишком холодна.

– Когда ты позвонил, я, разумеется, с ней связалась. Перезвонила и рассказала, где ты, и она попросила, чтобы я немедленно привезла тебя к ней. Что-то срочное.

– Не хочу, – тут же отрезал Аарон.

– Это не обсуждается, Аарон. Я обещала Грейс. Сказала, что привезу тебя лично.

– Ты с ума сошла, если думаешь, что я готов встретиться со своей бывшей женой в день рождения Киры. Сегодня я меньше всего хотел бы быть рядом с ней.

– Мне все равно. Я должна отвезти тебя. Это пойдет тебе на пользу. Вам обоим тяжело. Только вы двое понимаете, что переживает другой. Грейс тоже нуждается в том, чтобы кто-то о ней позаботился. Ей было так же плохо или даже хуже, чем тебе, но она при этом не напивается и не воюет со всем миром.

Аарон ничего не ответил, и Мирен восприняла это как знак согласия. Она выехала с территории полицейского участка двадцатого квартала по Западной 82-й улице и вскоре спустилась до берега реки Гудзон. По дороге на юг Мирен молчала, а Аарон с отвращением смотрел в окно на город, который так любил. Позади остались счастливые годы: карьерные взлеты, игры на заднем дворе, ласковые поглаживания живота Грейс в ожидании рождения Майкла. Все это исчезло вместе с белым воздушным шариком, улетевшим в облака.

Вскоре они уже пересекали тоннель Хью Л. Кэри, соединяющий под водой Манхэттен и Бруклин, но на другом берегу замедлились. Им то и дело приходилось останавливаться на бесконечных светофорах. Аарон несколько раз пытался завязать разговор, но Мирен отвечала односложно. Со стороны могло показаться, будто ее раздражает необходимость тратить на него время в День благодарения, но на самом деле она хотела воздвигнуть барьер между собой и делом Киры – делом, с которым она срослась и никак не могла разъединиться.

Добравшись до Дайкер-Хайтс, квартала частных домов с уютными задними дворами, один из которых раньше был семейным гнездом Темплтонов, Мирен отметила, что некоторые соседи уже развешивают рождественские гирлянды. Миновав несколько улочек, они увидели Грейс – та стояла на тротуаре и высматривала что-то на дороге. Женщина явно волновалась.

– Что с ней? – удивилась Мирен.

– Не знаю, – озадаченно ответил Аарон. Он никогда раньше не видел ее такой.

Грейс была одета в бордовую пижаму и тапочки, а ее волосы были собраны в неряшливый хвост.

Аарон в недоумении вышел из машины и приблизился к ней.

– Грейс, что случилось?

– Аарон... Кира.

– Что?

– Кира! Она жива!

– Что ты имеешь в виду? – Мужчина был сбит с толку.

– Она жива, Аарон. Кира жива!

– Что? Ты о чем?

– Об этом!

Грейс протянула руки и показала ему видеокассету. Аарон ничего не понял, но, приглядевшись, заметил белую наклейку с названием. На ней маркером была нарисована цифра «один», а под ней заглавными буквами было выведено самое мучительное и самое заветное для родителей слово: КИРА.

Глава 8

*Она танцевала одна, когда вздумается,
невольно сияя в ночи.*

Мирен Триггс

1998

Я не могла так этого оставить. Слова профессора Шмоера насторожили меня. Что скрывалось за этим звонком в службу спасения? О чем умолчали родители? Поиски Киры Темплтон пробудили во мне больше любопытства, чем я могла себе представить.

– Ты должен дать ее мне послушать, – заявила я, как будто это было так легко.

– Я не могу, Мирен. Это наш завтрашний эксклюзив.

– Ты считаешь, что я сделаю стенограмму и передам в другую газету? Я студентка журфака и никого, кроме тебя, в этих кругах не знаю, да и меня никто не стал бы слушать.

Он глядел на меня молча. Затем сказал:

– Я знаю, что нет, но....

Я перебила его поцелуем. И на этот раз он сдался.

Он знал, что я использую его, но нисколько не возражал. После случившегося я избегала мужчин. Ни при каких обстоятельствах не хотела ни с кем сблизиться. Я воздвигла непреодолимый барьер на пути к своей душе и думала, что ни с кем не смогу почувствовать себя в безопасности, пока однажды в университете мы с ним не начали говорить о той ужасной ночи как о чем-то не относящемся ко мне. Он даже побудил меня написать об этом, и в конце концов я почувствовала – он единственный относился ко мне со зрелостью, в которой я нуждалась. Мои сокурсники вели себя как типичные альфа-самцы, и в каждом из них мне виделся Роберт, которого хотелось забыть. Я с самого начала обратила внимание, что на занятиях все глаз не сводят с профессора Шмоера, и все начинающие журналистки сошлись во

мнении, что он был самым привлекательным профессором из всех, кто расхаживал перед доской в Колумбийском университете. Его извечные костюмы не могли скрыть поджарое тело. Его добродушное лицо так и манило тех, кто воображал, будто под слоем невинности за его очками кроется настоящий огонь. Но самым привлекательным в нем был его ум. Он писал статьи для «Дэйли» требовательным тоном, с которым могли ассоциировать себя читатели. Он находил идеальный критический подход и писал подробно, строя предложения так, что с каждым абзацем вы все больше не могли оторваться. Сильные мира сего боялись стать объектом его пристального внимания, а политики нервничали, если он показывался на пресс-конференции, что, впрочем, случалось редко. Его статьи были посвящены политике и бизнесу, и Шмоер с позиции стороннего наблюдателя изучал архивы, документы, счета и накладные, погружаясь в теневые сделки, которые заключались в тех двух единственных сферах, которые так волновали страну? – деньги и политика, хотя в действительности эти темы всегда шли рука об руку. Исчезновению Киры предстояло изменить его вселенную и, хотя я еще об этом и не подозревала, навсегда стать основой моей собственной.

– Зачем, Мирен? Я не... это плохая идея...

– То, что случилось, не имеет к тебе никакого отношения, Джим. Не веди себя как остальные. Вы все здесь ни при чем. Только я решаю, как мне быть, ясно?

– Мы уже давно не поднимали эту тему, и я сомневаюсь, что избегание здесь поможет.

– Какого черта все так настаивают, что я должна это обсуждать? Почему ты не даешь мне право самой решать, как к этому относиться?

Развернувшись, я переступила через порог дома.

– Спасибо, что проводил, Джим, – резко бросила я.

– Мирен, я не хотел... – Он был растерян.

Я ринулась вверх, перепрыгивая две ступеньки за раз, и, достигнув второго этажа, скрылась из виду. Джим звал меня снаружи, но было уже поздно.

Зайдя в квартиру, бросила белые «конверсы», в которых была, на полку для обуви и удалилась в темноту спальни, пока снимала джинсы. В гостиную я вошла уже в пижаме. Это было первое, что я всегда делала при возвращении домой – в крошечную съемную квартиру в

аварийном здании в самой неблагополучной части города. Это была маленькая студия без окон, ремонта, лифта и всяких излишеств. На крохотной плите на кухне помещалась лишь одна сковорода, потому что две единственные конфорки были расположены слишком близко. Это был едва ли не худший вариант, и все же отдавали ее отнюдь не за бесценок. Родители любили повторять, что это место больше похоже на темницу и плачу я не аренду, а выкуп. Но я не могла позволить себе ничего другого, не тратя при этом кредит на учебу; плюс до университета было недалеко.

Второе дело, которое следовало сделать по возвращении, – контрольный звонок. Спустя несколько гудков в трубке послышался отцовский голос:

– Дочка, наконец-то. Мы как раз собирались тебе звонить. Ты что-то поздно сегодня.

– Прости, прости, я знаю. Занималась в библиотеке. Мама в порядке?

– Она места себе не находила. Ты должна звонить нам раньше, хорошо? Если будешь задерживаться, предупреждай. Мама беспокоится, что ты гуляешь в такое время.

– Еще только половина десятого, папа.

– Да, но этот район...

– ...единственный, что я могу себе позволить, папа.

– Ты же знаешь, мы можем помочь. У нас есть накопления, и мы хотим помочь.

– Вы уже помогли мне с компьютером. Больше мне ничего не нужно, правда. Я же ради этого и брала кредит на учебу.

Я перевела взгляд на стол, где стоял подарок родителей – синий iMac «Бонди блю». Он поступил в продажу за несколько недель до этого и состоял из монитора с полупрозрачным сине-зеленым корпусом, белой клавиатуры и круглой мыши, которая, казалось, вот-вот укатится. Но самое потрясающее – он работал быстрее, чем я могла себе представить.

Им было очень удобно пользоваться, а продавец в магазине горячо рекомендовал эту модель: он видел презентацию самого основателя «Эппл» и пел ему дифирамбы, будто был знаком с ним лично. Когда я достала компьютер из коробки, запустить его было несложно, но

далеко не сразу мне удалось завести электронную почту и разобраться в настройках.

– Но это же всего тысяча триста долларов.

– Тысяча триста долларов, которые вы могли потратить на себя.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

– С тобой хочет поговорить мама.

– Хорошо.

Она взяла трубку, и стоило ей заговорить, как я поняла – она расстроена. Всегда можно определить настроение родителей по интонациям их фраз.

– Мирен, обещай мне быть осторожнее. Нам не нравится, что ты гуляешь так поздно.

– Все в порядке, мам. – Мне не хотелось ее расстраивать. Ей было еще хуже, чем мне. Нас разделяло более шестисот миль – они жили в Шарлотте, Северная Каролина, а я в Нью-Йорке, – и она больше не могла контролировать меня или с кем я встречаюсь. Ее маленькая девочка выскользнула из тени, и она притворилась, будто протягивает руки, чтобы солнце никогда не обожгло меня.

– Почему ты не купишь мобильный телефон? Тогда ты сможешь звонить нам в любое время, если тебе что-то понадобится.

Я вздохнула. Меня раздражало, что приходится принимать столько мер предосторожности из-за кучки идиотов, которые не могут уследить за своей шириной.

– Хорошо, мама, – покорно согласилась я. – Завтра куплю.

Мне не очень нравились мобильники. Многие мои однокурсники все перерывы напролет играли в игру, где змейка гонялась по экрану за едой. Были и те, кто все утро перебрасывался сообщениями, не обращая внимания на занятия. Легко было определить, как они общаются между собой, кто с кем флиртует эсэмэсками, ограниченными 160 символами. Один писал, другой смеялся. Потом все начиналось заново. Также мне не нравилось постоянно чувствовать себя доступной. Я не видела необходимости быть всегда начеку и готовой к звонку, пока поблизости есть телефонные будки. У меня было чувство, что все под контролем, но пришлось уступить маме, чтобы не расстраивать ее.

– Я позвоню тебе завтра и дам номер своего мобильного.

– Я тоже куплю телефон, чтобы ты могла звонить мне, когда захочешь, дочка. – Она заметно повеселела.

– Здорово. Спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи, дочка.

Положив трубку, я села за стол.

Достала газетные вырезки и увидела лицо Киры, которая смотрела на меня. Детские глаза словно молили о помощи. Ужасное ощущение. Ее родители вряд ли когда-то снова увидят дочь, и я почувствовала себя разбитой. С конца разговора прошло меньше минуты, но я вернулась к телефону и снова набрала номер родителей. Мама заволновалась.

– Ты в порядке? Что-то случилось?

– Нет. Ничего, мам. Я просто хотела сказать тебе, что люблю тебя.

– И мы любим тебя, дочка. Ты действительно в порядке? Если нужно, мы сразу же приедем к тебе.

– Нет, правда. Я только ради этого и звонила. Хочу, чтобы ты это знала. Со мной все будет хорошо, честно.

– Ты напугала меня. Мы всегда поддержим тебя, так и знай.

– Давайте встретимся в эти выходные? Я сяду на самолет и прилечу к вам в Шарлотт.

– Правда?

– Да. С большим удовольствием.

– Конечно! Я поговорю с агентством Джеффри завтра, чтобы тебе заказали билеты.

– Спасибо, мама.

– Тебе спасибо, дочка. До завтра, милая.

– До завтра, мама.

Я устала сидеть на телефоне, размышляя о сделанном, но впереди у меня было много работы. Снова села за стол и включила компьютер. Когда он загрузился, я начала просматривать вырезки из газет об исчезновении Киры, которые принесла с собой. В «Дэйли», где работал профессор Шмоер, на двенадцатой странице ей посвятили лишь небольшую колонку о том, как мало продвинулись поиски. В статье также упоминалось, что, согласно внутренним источникам, делом займется ФБР, чтобы проработать версию похищения, но все это едва ли дополняло информацию от других газет. При чтении создавалось впечатление, что авторы статьи знают гораздо больше, чем

говорят, но молчат из уважения или нежелания подогревать нездоровый интерес, который уже породило это дело. Если верить Джиму, одним из таких дополнительных сведений был звонок Грейс Темплтон в службу спасения, но я не знала, что это лишь верхушка айсберга.

Когда компьютер загрузился, я подключилась к интернету, просматривая другие заголовки в ожидании, пока 56-килобайтный модем после бесконечной череды шумов и пискосов на всех возможных частотах закончит свою симфонию. Я открыла браузер «Нетскейп» и набрала адрес сервера электронной почты моего университета. Войдя в систему, обнаружила только одно новое письмо – уведомление о новой стажировке в экологическом журнале. Я сделала пометку ответить позже и вернулась к вырезкам.

Я провела два или три часа, читая их, подчеркивая детали и записывая в черный блокнот те моменты, которые показались мне важными: «Геральд-сквер», «состоятельная семья», «отец управляет страховой компанией», «католики», «произошло примерно в 11.45 утра», «26 ноября», «дождь», «Мэри Поппинс».

Иронично, что при исчезновении трехлетней девочки присутствовала именно образцовая диснеевская няня. Я подчеркнула ее имя, чтобы выяснить, кто она и что там делала, и пошла к холодильнику за колой – последние несколько месяцев это был мой единственный ужин. Когда вернулась, заметила новые письма, выделенные в названии жирным шрифтом. В качестве темы в первом из них значилось «Прости», а остальные были просто пронумерованы со второго номера по шестой.

Все они были от профессора Шмоера. Он прислал их мне со своей личной почты jschmoer@wallstreetdaily.com. Я удивилась, потому что он никогда раньше не писал мне с этого адреса. Письмо гласило:

Мирен, в следующих письмах я вышлю тебе все, что сейчас есть в «Дэйли» по делу Киры.

Обещай мне, что эта информация не выйдет за пределы твоего компьютера. Уверен, твои глаза зорче моих.

Джим.

PS: Извини, что повел себя как идиот.

К сообщению был прикреплен файл под названием «Kiera1.rar». В следующих письмах обнаружилось аналогичные архивы, без подписи, со сквозной нумерацией. Я открыла первый из них с помощью программы «Unrar», где у меня еще не закончился пробный период, и обнаружила там два видеофайла, датированные 26 ноября, с записями камер видеонаблюдения в районе, где исчезла Кира Темплтон.

Глава 9

Самое ужасное в страхе не то, что он парализует, а то, что предчувствие сбывается.

26 ноября 1998

Аарон шел вслед за полицейским сквозь толпу, которая начинала редеть после окончания парада. Он то и дело слышал по рации какие-то указания и фразы, но из-за шума на улице не мог ничего разобрать. Время от времени полицейский останавливался и проверял, не отстают ли Аарон. Пару минут спустя они свернули на 35-ю улицу и остановились у двери, перед которой стояла группа полицейских с обеспокоенными лицами.

– Что происходит? Вы нашли ее? – взволнованно спросил Аарон.

– Постарайтесь успокоиться, хорошо? – попросил молодой светловолосый полицейский Миртон, ростом метр восемьдесят. Это он своей находкой подал сигнал тревоги.

– Как я могу успокоиться? Моя трехлетняя дочь пропала, а у жены паническая атака. О каком спокойствии тут может идти речь!

Эта фраза была ему отлично знакома. Аарон часто слышал, как ее произносят люди напротив него, и было странно услышать ее теперь из собственных уст. Он руководил страховой компанией в Бруклине, и за свою карьеру ему не раз приходилось просить сидящих перед ним людей успокоиться, пока сам объяснял, что им только что отказали в выдаче полиса или медицинская страховка, которую они оформили, не покрывает необходимое лечение с неподъемной стоимостью. Выражение их лиц, страх, отчаяние, виденные в глазах всех цветов и форм в своем кабинете, были точным отражением чувств Аарона, когда он осознал, что кто-то просит его сохранять самообладание. Это было выше его сил.

– Поймите, нам важно, чтобы вы сосредоточились и кое-что подтвердили, – объяснил приведший его полицейский.

– Что? – Аарон едва слышал, что ему говорят. Его захлестывали эмоции.

Полицейские переглянулись, словно решая, кому дать слово.

Здание, перед которым они стояли, было многоквартирным домом на 35-й Западной улице, номер 225. Внизу располагался магазин, где продавали одежду для девочек. Витрина была заполнена детскими манекенами в платьях всевозможных цветов, и эта радуга резко контрастировала с тем, что сейчас испытывал Аарон, представив свою дочь в одном из этих нарядов. Он даже невольно подумал, что нужно рассказать Грейс об этом магазине: вдруг Кира захочет одеться так на ужин в честь Дня благодарения, который ждал их дома.

– Следуйте за мной, – серьезным тоном сказал Миртон, осторожно толкая стеклянную дверь дома 225.

Оказавшись внутри, Аарон заметил, что там их ждут другие полицейские, сидящие на корточках в углу.

– Это отец? – спросил один из них, вставая и протягивая руку для приветствия.

– Все верно. В чем дело?

– Я детектив Артур Алистер. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Эм... да. Конечно. Все, что угодно. Но, эм... мы можем вернуться на Геральд-сквер? Боюсь, Кира нас ищет, а ни Грейс, ни меня там нет. Понимаете, у моей жены паническая атака, и я хочу быть рядом, если дочь окажется там.

– Не волнуйтесь, мистер... – он выжидающе посмотрел на Аарона.

– Темплтон.

– Темплтон, – продолжил Алистер. – Наши коллеги прочесывают всю зону вокруг Геральд-сквер. Если ваша дочь найдется, поверьте мне, она будет в безопасности. Нам сообщат по рации, и все это забудется как страшный сон. А сейчас нам нужно, чтобы вы нам кое в чем помогли.

Аарон кивнул.

– В чем именно?

– Вы не могли бы еще раз описать одежду вашей дочери?

– Да, на ней была белая куртка и розовая кофта. Еще голубые джинсы и кроссовки... я не помню цвет.

– Не волнуйтесь. Все хорошо. Продолжайте.

Остальные полицейские поднялись и отошли в сторону. Один из них направился к выходу и, проходя мимо Аарона, молча похлопал его по плечу.

– Она брюнетка, – продолжал Аарон, который не помнил, говорил ли он это раньше, – у нее прямые волосы, обычно распущенные, но сегодня она была с двумя хвостиками.

– Хорошо. Очень хорошо, – подбодрил детектив.

– Вы за этим меня сюда позвали?

Алистер помолчал, прежде чем продолжить.

– Может ли одежда в углу принадлежать вашей дочери?

– Что?! – вскричал Аарон.

Он сделал два шага в сторону того места, где ранее толпились полицейские, и среди груды одежды сразу же узнал розовую кофточку Киры. А также белую куртку, которую за последние несколько недель он так часто надевал на нее, то и дело споря с ней, потому что дочь ни за что не хотела тепло одеваться перед выходом на улицу. Пол начал уходить из-под ног, а из легких словно выбили воздух, когда Аарон заметил короткие пряди волос длиной как у Киры поверх тех самых джинсов, которые он чувствовал на собственных плечах чуть раньше, когда они вместе смотрели парад.

Раздался громкий вопль. Аарон закричал снова, а затем еще и еще, и его крики слились в один, когда боль, какой он никогда раньше не знал, открыла ему путь в глубины самого темного места в его душе.

– Нет!

Глава 10

Свет, загораясь, освещает лицо, но он же отбрасывает тени в уголках души.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Грейс поспешила в дом:

– Ты должен увидеть ее, Аарон. С ней все в порядке. С нашей девочкой. Кира в порядке.

В полном недоумении Аарон и Мирен последовали за ней. Они переглянулись, подозревая, что бедная Грейс впала в безумие.

– О чем ты говоришь, Грейс? Что это за кассета?

– Наша малышка. Кира. С ней все в порядке. Все хорошо, – повторяла она так тихо, что ее нельзя было слышать.

Аарон вошел в дом вслед за женой, которая куда-то пропала. Но тут она заговорила снова, и он пошел на голос.

– Ты должен ее увидеть. Это она, Аарон, это Кира!

Второй раз за день в горле Аарона образовался комок. Ему совершенно не нравилось происходящее. Грейс вела себя очень странно. Он жестом поманил внутрь Мирен, стоящую у почтового ящика. Она послушалась, по-прежнему не понимая, что здесь творится.

– Грейс, дорогая, – Аарон вошел на кухню, где жена установила телевизор с видеопроигрывателем на небольшой передвижной тумбочке. – Что на этой кассете? Наши рождественские каникулы? Ты об этом?

Мирен в ожидании прислонилась к дверному косяку.

– Я сегодня заглянула в почтовый ящик, и там был этот конверт, Аарон. Кто-то оставил нам эту кассету с записью Киры.

Смущенная Мирен вмешалась в разговор:

– Зацепка к делу Киры? Ты это имеешь в виду, Грейс? Новая запись с камер наблюдения? Я просмотрела их все, много раз, кадр за кадром, секунда за секундой. Записи того дня уже есть в полицейском досье, Грейс. Я проверила все улицы и предприятия в том районе. Все записи того дня просмотрены. Больше... больше ничего нет, Грейс... Расследование зашло в тупик.

– Нет, – отрезала женщина. – Это совсем другое.

– Что же это? – снова спросила Мирен.

– Это Кира, – прошептала Грейс, широко раскрыв глаза, и их выражение врезалось Аарону в память.

Это была обычная 120-минутная видеокассета фирмы «ТДК» с белым ярлыком по центру – он был наклеен абсолютно ровно, не выходя за пределы отведенного для него пространства. На наклейке кто-то аккуратным почерком вывел фломастером имя заглавными буквами: КИРА.

Вставив кассету в проигрыватель, Грейс включила телевизор. На экране возникли помехи, повсюду заплясали черные и белые крапинки. Из динамиков телевизора «Саньо» исходило шипение, словно в одном фильме ужасов, который Мирен никак не могла выбросить из головы. Грейс прибавила громкость, и Аарон посмотрел на жену, не зная, чего ожидать. Мирен все это совершенно не нравилось, и она собиралась уйти. Ей вспомнились слова ее босса, легендарного Фила Маркса, автора журналистского расследования, освещавшего взрыв грузовика рядом с Северной башней Всемирного торгового центра в 1993 году. Он убеждал ее прекратить заниматься делом Киры: «Я знаю, для журналиста, ведущего расследование, упорство и настойчивость – это необходимые качества, но дело Киры погубит тебя, Мирен. Не занимайся им. Если ты допустишь хоть один промах, навсегда останешься репортером, который ошибся в деле самой разыскиваемой девочки в Америке. Не будь этим журналистом. Ты нужна мне в редакции, чтобы охотиться на коррупционеров и писать истории, которые изменяют мир. Ты и так потратила на это слишком много времени».

На экране по-прежнему мерцала рябь, заполняя, будто снег, белыми точками те места, где мгновение назад были черные, а черными – те, где раньше были белые. Мирен как-то прочитала в научно-популярном журнале, что белый шум – это эхо Большого

взрыва. Что фоновое микроволновое излучение времен зарождения Вселенной сталкивается с катодно-лучевой трубкой, создающей изображение на экране, порождая эти мерцания, которые так нравились привидениям в фильмах восьмидесятых. Мирен смотрела на этот снег на экране и думала о Кире и о том, какой бы она выросла. Безжизненное и одновременно столь подвижное изображение подталкивало к горьким мыслям, словно хотело вызволить на свет печальные воспоминания, и Мирен поняла, почему Грейс была так расстроена. Она уже открыла было рот, но вдруг рябь на экране сменилась картинкой.

– Кира? – неверяще выдохнул Аарон.

Видео, снятое откуда-то сверху, показывало спальню, обклеенную обоями с узором из оранжевых цветов на темно-синем фоне. У одной стены стояла кровать в стиле девяностых с оранжевым покрывалом в тон цветам на стенах. Белые тюлевые занавески на окне в центре кадра висели неподвижно: очевидно, на улице стоял ясный, безветренный день. Но самое важное, вызвавшее слезы радости на лицах Аарона и Грейс, таилось в правом нижнем углу, рядом с кукольным домиком, – маленькая темноволосая девочка лет семи-восьми, присев на корточки, играла с куклой.

– Этого не может быть, – прошептала Мирен. Сердце билось в груди так же быстро, как и в ту ночь, что навсегда изменила ее жизнь.

Глава 11

На смену ярчайшему дню порой приходит самая темная ночь.

12 октября 1997. Нью-Йорк

За год до исчезновения Киры

В конце занятий Кристина подскочила к Мирен, которая все еще переписывала с доски, хотя преподаватель архивоведения уже ушел.

– Мирен, ну скажи, что ты пойдешь. У Тома вечеринка и... у меня потрясающая новость.

– Вечеринка? – переспросила девушка неохотно.

– Да. Знаешь, что такое вечеринка?

– Ха-ха.

– Это то, что устраивают ребята в университете и... о, какой сюрприз! Ты тоже принадлежишь к их числу, – шутливым тоном продолжала Кристина, выхватив у Мирен ручку, которой та писала, иногда покусывая кончик.

– Ты же знаешь, я не особенно их люблю.

– Дай мне закончить, – настаивала Кристина. – Том... спрашивал, придешь ли ты. Ты ему нравишься, подружка. Очень нравишься.

Мирен слегка покраснела, и Кристина поняла, что попала в точку.

– Он тебе нравится! Тоже! – закричала она внезапно, затем понизила голос, чтобы остальные ее не услышали.

– Он... симпатичный.

– Симпатичный? Ты хочешь сказать, что этот парень... – Кристина села на стол поверх записей Мирен и указала глазами на Тома Коллинза, – ...симпатичный?

– Ну, он ничего.

– Скажи это. Скажи громко и четко, что ты бы с ним переспала. Хватит этих детских уловок, Мирен. Мы с тобой одинаковые.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Я бы никогда в этом не призналась, – сказала она и добавила: – Я бы переспала с ним и ничего бы тебе не сказала.

Кристина разразилась смехом.

– Что ты наденешь на вечеринку? Мы должны встретиться заранее.

– Зачем?

– Ты же не пойдешь в таком виде, в джинсах и кроссовках. Сама понимаешь. Так делают все нормальные девушки, Мирен. Ты немного... странная.

– Странная?

– Короче, я приду к тебе попозже с одеждой. Я купила несколько платьев в «Аутфитерс» – запомни эту марку, я от нее без ума. Уверена, они тебе подойдут. Ты ведь носишь размер S?

– Эээ... не стоит... Я вполне могу пойти прямо так.

– Я буду у тебя в пять, – с улыбкой добавила Кристина, не обращая внимания на слова подруги. – Мы переоденемся и поедем вместе. Договорились?

Мирен улыбнулась, и Кристина истолковала это как согласие.

Занятия закончились, и девушка отправилась домой, чтобы хоть как-то занять время. Она приняла душ и некоторое время возилась с волосами перед зеркалом, не зная, как их уложить. У нее были темные прямые волосы до лопаток, а в глазах отражалась неуверенность – результат многих лет, которые она провела в роли невидимки в старшей школе в Шарлотте. Там она всегда была заучкой, любимицей учителей, слишком правильной и никому не нужной. Поступив в Колумбийский университет, Мирен попыталась стать более открытой в надежде вписаться в город, чей ритм так сильно отличался от ее собственного, но ей было трудно выбраться из своей скорлупы. Год пролетел быстро, а единственными людьми, с которыми она достигла взаимопонимания, были, как и в школе, преподаватели. Кристина, с первого дня сидевшая рядом с ней, идеально ее уравновешивала. Они были очень разными и, возможно, именно поэтому сблизились: в их дуэте Мирен была отличницей, той, у кого всегда наготове правильный ответ. Кристина никогда не отвечала в аудитории и воспринимала задания как шутку, но она вращалась вокруг Мирен с простой целью – всегда знать, что делать, хотя всегда выбирала самый легкий путь. Если нужно было написать статью, Мирен брала конкретную новость

или место и строила свою аргументацию с помощью примеров и противоречивых моментов, чтобы читателю было интересно узнать больше. Кристина же, напротив, словно порхала над своими заданиями, не прикасаясь к ним и не желая пачкаться, сообщала о случившемся поверхностно и не вдавалась в подробности, выходящие за рамки произошедшего. Это были два совершенно разных подхода не только к журналистике, но и к любой ситуации вообще. Если хотите чего-то добиться в жизни, у вас два варианта: погрузиться по горло, чтобы с триумфом вынырнуть из трясины, или обойти болото по краю, чтобы не пришлось потом стирать одежду.

Прозвенел звонок, и Мирен подбежала к двери.

– Готова стать классной девчонкой? – спросила Кристина вместо приветствия. Мирен рассмеялась.

– Проходи давай, – ответила она с улыбкой.

Кристина пришла с небольшим чемоданчиком. Бросив его на диван, она открыла застежку, вываливая мешанину блестящих, сверкающих, узорчатых тканей и кожи.

– У тебя есть какая-нибудь музыка? – спросила Кристина, оглядываясь по сторонам.

– Есть диск Стейси Оррико^[5]. Остался от предыдущих жильцов.

– Что за хрень ты слушаешь? Ладно, включай. Сегодня вечером у моей дурочки секс с Томом.

Мирен не знала, как относиться к тому, что Кристина уже воспринимала это как должное. По правде говоря, все это начинало действовать на нервы. Настолько, что она промолчала, подыгрывая Кристине.

Они провели час, примеряя платье, заливисто смеясь, подкрашивая губы и громко, но нестройно распевая «Walking on sunshine»^[6], и не успела Мирен опомниться, как Кристина обхватила ее сзади за талию и развернула к зеркалу. Теперь она смотрелась на себя, поражаясь перемене в своем облике. Мирен никогда не наносила так много косметики, даже не испытывала такого желания: ей казалось, что прятаться за макияжем – символ слабости, попытка укрыться за искусственным фасадом и не нести ответственности.

– Посмотри на себя, Мирен. Ты прекрасна, – прошептала Кристина.

Мирен откинула волосы и выпрямилась, изумляясь, что видит себя такой. На ней было оранжевое платье без бретелек, которое доходило до середины бедер. Подруга нанесла ей тени на веки с мастерством человека, занимавшимся этим много лет, и результат был поразительным. Впервые она выглядела привлекательно. Но затем в ней пробудилась ее обычная застенчивость:

– Мне не нравится, когда на мне столько косметики.... Я не чувствую себя... комфортно.

– Это всего лишь румяна и тени для век, Мирен, бога ради. Тебе больше ничего не нужно. Это просто... финальные штрихи.

– Финальные штрихи... – повторила девушка неуверенно.

– Гребаные финальные штрихи! – ликующе закричала Кристина, ее вопли больше походили военный клич. Она стала напевать песню, которую Мирен никогда не слышала.

Они вышли около семи часов вечера и вскоре добрались до современного многоквартирного дома с видом на Гудзон на 139-й улице. В дверях со стаканами, полными выпивки, курили их одноклассники. Из окна высунулся какой-то парень и крикнул, что кто-то, чье имя Мирен не расслышала, принял идиотский вызов. Девушки поднялись по лестнице, и незнакомый пьяный парень задышал Мирен на ухо, нашептывая всякие гадости, которые она предпочла проигнорировать.

– Это всегда так?

– Ты о чем?

– Я чувствую, как на меня смотрят.

– Здорово, правда? – ответила Кристина.

Мирен покосилась на нее.

Оказавшись на вечеринке, Кристина сразу пошла здороваться с группой людей, которую Мирен не узнала. В этом не было ничего удивительного. Она никого здесь не знала. Мирен огляделась и заметила девушек на курс старше, которые флиртовали со старшекурсниками. Она фыркнула. Тома, хозяина вечеринки, не было видно, хотя слышался его смех, громкий и низкий, который, казалось, пронизывал весь дом, несмотря на то что музыка играла намного громче, чем это было допустимо. Мирен уселась на табурете в кухне и делала вид, будто занята стаканами, когда кто-нибудь подходил, чтобы налить напиток или насыпать льда.

Темноволосый, чисто выбритый парень подошел к ней и, улыбаясь во весь рот, предложил ей стакан.

– Дай угадаю, ты Мирен, да?

– Мм... да, – ответила она. Было бы приятно поговорить с кем-то, чтобы не чувствовать себя такой одинокой. – Это Кристина подслала тебя поговорить со мной?

– Понятия не имею, кто такая Кристина, – ответил он с улыбкой.

– Дай угадаю, ты друг Тома. Из его компашки.

– Ух ты, какая ты наблюдательная. Но не совсем.

– Здесь все – друзья Тома. А кто с ним не дружит? Он очень популярен, все девушки хотят быть с ним... ну, ты понял.

– Ну, я знаком с ним с наезда.

– Как это?

– Ладно. Я ехал по улице и сбил его. С тех пор мы дружим...

– Правда, что ли? – Глаза Мирен расширились от недоверия.

– Вообще-то нет, – неожиданно ответил парень и снова улыбнулся. – Понятия не имею, кто такой Том. Меня сюда просто позвали.

Девушка расхохоталась. Понимая, к чему все идет, она огляделась вокруг и не увидела поблизости ни Тома, ни Кристины.

– Неплохая вечеринка. – Мирен попыталась нарушить трехсекундное молчание.

– Это точно. Тост за отличную вечеринку?

Эта пустая фраза показалась ей избитой, и она решила с ним попрощаться.

– Что ж, мне пора. Я не из тех, кто любит...

– Веселиться? – удивился парень, приподняв брови, и в результате стал еще более симпатичным.

– Пить, предпочитаю читать и сидеть дома.

– Напугала. Я изучаю сравнительную литературу. Целыми днями перечитываю великих писателей. Но одно не отменяет другого. Я люблю веселиться. Прямо как Буковски или... да все писатели.

– Ты даже не на факультете журналистики? – Мирен посмотрела на него, довольная тем, что он упомянул имя одного из ее любимых авторов, и добавила: – «Найди то, что ты любишь, и позволь этому убить себя».

– Буковски также сказал: «Некоторые люди не умеют сходить с ума». Наверное, у них ужасно скучная жизнь, – улыбнулся парень. – Я Роберт, – он чокнулся со стаканом Мирен, который стоял на кухонной стойке.

– Я Мирен. Приятно познакомиться, – ответила она, улыбаясь и беря стакан.

Глава 12

Воображение прячется в повседневности, и, как только ему надоест, оно искрой вырывается наружу, меняя все вокруг.

Мирен Триггс

1998

Я принялась изучать файлы, приложенные к электронным письмам профессора Шмоера. Там были не только записи с камер, но и документы: заявление, подписанное отцом, Аароном Темплтоном, и расшифровка вызова в службу спасения. Все это выглядело как часть полицейского расследования, но, возможно, «Дэйли» удалось раздобыть все это по своим каналам.

Видеофайлы были озаглавлены кодом, который явно указывал на улицу, номер и время. Например, первый файл назывался BRDWY_36_1139.avi. Это пересечение Бродвея и 36-й улицы, недалеко от Геральд-сквер и места окончания парада в День благодарения. Другой назывался 35W_100_1210.avi, обозначая 35-ю Западную улицу и дом 100.

Я включила первое видео, не совсем понимая, что увижу и что искать. По сообщениям, Кира пропала около 11.45 в районе пересечения Бродвея и 36-й улицы, так что если нумерация файлов верна, это случилось через несколько минут после начала записи.

Сперва я увидела зонтики. Сотни зонтов, повсюду. Я не помнила, шел ли в тот день дождь, но это сильно затрудняло съемку с камер наблюдения.

Видео было снято с точки на несколько метров выше зонтов, под которыми люди ждали парада. Их было так много, что картинка напоминала яркий ковер, который покачивался и колыхался кадр за кадром, а вдали угадывались пряничные человечки, шествующие по центру улицы. По другую сторону процессии за серой металлической

оградой стояли люди в плащах и с зонтиками. Над ними возвышалось здание Хайер-билдинг, и я без труда сориентировалась. Камера снимала сцену, делая фотографии каждые две секунды, поэтому между кадрами были большие промежутки.

В центре среди черных зонтов выделялся неподвижный светлый зонт в непосредственной близости от камеры. Я несколько раз перематывала видео вперед, чтобы убедиться, что вся запись такая. Единственное изменение – цветовая композиция искусственного ковра, а пряничные человечки сменились мажоретками. Я искала Мэри Поппинс, раздающую воздушные шарики на углу 36-й улицы, но камера не захватывала этот участок.

Мое внимание привлекала мажоретка, которая подошла к ограждению, расположенному ближе всего к камере, и задержалась там на несколько секунд, как бы маша рукой человеку с белым зонтиком. Я просмотрела все шесть минут записи, вглядываясь в происходящее, насколько позволяла камера: жесты, изменения в положении зонтов, скорость, с которой они двигались, но ничего примечательного не происходило. Затем между ними неожиданно пробежал человек – туда, где за несколько минут до этого остановилась мажоретка. Затем зонт исчез, по-видимому упав на землю в промежутке между кадрами, и я увидела лицо Грейс Темплтон, матери Киры.

Изображение было не особенно четким, но на ее лице угадывалось неверие. На следующем кадре ему на смену пришел ужас. Рядом показался Аарон Темплтон, который словно что-то говорил ей. Затем они оба появились в нескольких метрах справа, между двумя зелеными зонтиками, а потом и вовсе исчезли за пределами видимости камеры.

Внутри меня все сжалось. Я представить не могла, что они чувствовали в тот момент. Потом на всякий случай снова просмотрела эти моменты, но ничего нового не обнаружила.

Открыв pdf-документ, я поняла, что это отчет о поступлении Грейс Темплтон в больницу Белвью. По всей видимости, у нее случился острый приступ панической атаки, и ее привезли туда на «Скорой». Время поступления – 12.50, вскоре после исчезновения Киры. Там был указан ее номер социального страхования, адрес в Дайкер-Хайтс и телефон контактного лица, Аарона.

Я выписала названия остальных видеофайлов на листке бумаги и огляделась в поисках карты города. Отыскав ее наконец, отметила точные места, откуда велась запись с камер наблюдения. Они все сосредоточились на 35-й улице: здесь было с десятков видео с разных частей улицы за несколько минут до и после пропажи девочки. Все указывало на то, что расследование продвигается в этом районе, и я обвела всю улицу на карте.

Мое внимание привлек документ с расширением jpg, прикрепленный к письмам, и только несколько секунд спустя я осознала, на что именно смотрю.

Это была фотография кучи одежды на бежевом мраморном полу. Поверх виднелись небольшие пряди темных волос. Изображение встревожило меня: неужели тело найдено, но пресса еще не в курсе? Было ли в расследовании нечто, о чем не сообщали публично? В те годы нездорового интереса к подобным вещам было гораздо меньше, чем сейчас. Просочившаяся в газеты информация всегда была обоснованной и публиковалась для помощи расследованию, но эта реальность должна была вот-вот измениться навсегда. Дело Киры стало краеугольным камнем, на котором будет строиться журналистика следующих нескольких лет, и колесо было приведено в движение тем самым выпуском «Пресс», лежавшим рядом с моим компьютером. Фотография на первой полосе то и дело притягивала мой взгляд, и, казалось, будто Кира смотрит на меня в ответ и шепчет:

– Тебе меня не отыскать.

Следующие несколько часов я провела за просмотром и анализом видео с камер, но зацепок не обнаружила. Правда, имевшиеся у меня данные едва ли могли дать какие-либо подсказки или пролить свет на дело. Похоже, материалы, которые переслал профессор Шмоер, были направлены на отвлечение внимание или что человек в полиции, который передал пакет информации в «Дэйли», приберег сенсацию на потом.

Уже было почти три часа ночи. Я пометила крестиком и вычеркнула те точки на карте, где камеры не давали никаких подсказок. Например, там были записи из двух мини-маркетов, где было видно только, как люди проходят мимо витрин. Я также посмотрела съемку внутри супермаркета, где ничего значимого не

происходило, и из пиццерии «Пронто пицца», которая недавно открылась на углу Бродвея и 36-й улицы.

Один из видеофайлов был сохранен в другом формате. Его название, CAM_4_34_PENN.avi, мне ни о чем не говорило. Я не сразу разобралась в происходящем: кадры здесь сменялись плавнее, чем на предыдущих видео, но качество изображения было куда хуже. Фокус казался смазанным, что придавало записи полупрозрачную дымку, сквозь которую трудно было пробиться. Черно-белая сцена показывала платформу станции метро, где несколько человек ожидали прибытия поезда. Видео длилось всего две минуты сорок пять секунд, и едва ли такая короткая съемка чем-то могла мне помочь. Какая-то женщина в колпаке Санта-Клауса стояла у одной из железных колонн, на заднем плане беседовала пара мужчин в костюмах, бездомный лежал на скамейке в трех колоннах от женщины. Здесь были и другие пассажиры, но камере удалось запечатлеть только их ноги в верхнем углу кадра.

Внезапно появился поезд, и камеру затрясло, пока он не остановился. В этот момент в зоне видимости появилась пара средних лет с маленьким ребенком, одетым в белые брюки и темное пальто. Я насчитала шестнадцать человек, выходящих из вагона в центре кадра. Следом пара с ребенком и остальные пассажиры вошли в вагон. Вскоре поезд отъехал от станции, люди исчезли, и на платформе остался только бездомный, смотревший в пустоту, будто ничего не произошло.

Глава 13

Только потеряв кусочек, понимаешь, что головоломка больше не имеет смысла.

26 ноября 1998

Следующие несколько часов Аарон прочесывал округу, ища Киру повсюду. Если ему встречалась семья с маленьким ребенком, он подбегал к ним в надежде снова увидеть дочь. Свидетели позже рассказывали полиции, что видели, как Аарон в отчаянии выкрикивает имя Киры снова и снова, но город не отвечал на мольбы. Сотрудники департамента полиции Нью-Йорка также обыскивали каждый уголок, ползали по земле, заглядывали под машины, заходили в подъезды – вдруг она сидит одна-одинешенька на лестничной клетке? Но шли часы, наступала ночь, лампочки и фонари загорались, чтобы противостоять тьме в сердце Аарона, чей голос превратился теперь в едва слышный душераздирающий шепот.

В час ночи полицейский обнаружил Аарона на пересечении 42-й и Седьмой улиц – тот лежал рядом с пожарным гидрантом и безутешно рыдал. Мужчина не знал, где еще искать. Он пробежал, не замолкая ни на минуту, с востока на запад от 28-й до 42-й улицы. То и дело возвращался на середину дороги – перекресток 36-й улицы, где все и произошло. Обыскивал окружающие парки, он выкрикивал имя Киры на станциях метро, молил бога, в которого не верил, и заключал договоры с демонами, которых даже не существовало. Ничего не сработало, как и всегда в реальном мире, где жизни обрываются, а мечты рушатся без предупреждения.

Репортер «Си-би-эс», снимавший трансляцию парада «Мэйсис», перехватил сигнал тревоги по полицейскому радио и снял, как Аарон в иступлении носится из стороны в сторону. На следующий день эта нарезка использовалась для открытия утренних новостей, где ведущая бесстрастным механическим голосом сообщила: «Со вчерашнего дня продолжаются поиски трехлетней Киры Темплтон, которая пропала во

время парада в День благодарения в центре Манхэттена. Если вы что-то видели или у вас есть информация, пожалуйста, свяжитесь со службой «ЭМБЕР Алерт» для поиска пропавших детей, номер которой вы видите на экране». Затем, не меняя ни тона, ни выражения лица, она перешла к новости о пробке на Бруклинском мосту из-за строительных работ на другом берегу Ист-Ривер. В этот момент редакции всех городских СМИ бросились искать изображения измученного отца, приводя в движение механизм сенсации.

Аарон посмотрел на мобильный телефон, который громко звонил, пробиваясь сквозь его горе, и увидел несколько пропущенных звонков с неизвестного номера, пока полицейский помогал ему подняться на ноги.

– Да?

– Я звоню из больницы Белвью. Нам пришлось доставить сюда вашу жену, чтобы проконтролировать приступ. Она стабильна уже несколько часов и просит выписать ее. Сэр? Вы меня слышите?

Аарон перестал его слушать еще на первой фразе. Перед ним стоял тот самый полицейский, который показал ему одежду Киры в подъезде дома номер 225, и, хотя он не мог вспомнить его имени, печальный взгляд и серьезное выражение лица разрушили все надежды. Алистер покачал головой, и Аарон расшифровал это как самое горькое сообщение, которое он только мог получить.

Он зарыдал.

Аарон рыдал, пока сотрудники полиции не подвели его к машине с включенной сиреной и не усадили внутрь. Они предложили отвезти его в больницу к жене и пообещали, что все свободные подразделения продолжат прочесывать местность в поисках Киры. По дороге в больницу мужчина не мог вымолвить ни слова и вглядывался в тени на улице, надеясь увидеть свою дочь на каждом перекрестке. Когда они приехали, его молча провели через больницу, и на другом конце длинного коридора с белым полом и стенами в ожидании с серьезным видом стояла Грейс, но, увидев мужа, она поняла, что Киры рядом с ним нет. Женщина бросилась к Аарону, крича «моя малышка, моя малышка!», и ее вопли разнеслись эхом по зданию, как это бывает только при самых плохих новостях. Плач матери навсегда остался в памяти медсестер, пациентов и врачей, которые оказывали ей помощь. Люди здесь привыкли к смерти, к борьбе с болезнью, к тому, как по

капле утекает жизнь, но не к этому крику безысходности, не к тому, как надежда в одно мгновение сменяется отчаянием. Подбежав к Аарону, Грейс замолотила по его груди, и он молча сносил ее удары, не чувствуя боли, потому что уже чувствовал себя мертвым, уже опустился на самое дно, и ждал с залитым слезами лицом, пока не иссякнут крики и обвинения жены.

Глава 14

Зачастую надежде довольно соломинки.

27 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Грейс, Аарон и Мирен с нетерпением ждали прибытия агента Бенджамина Миллера – тот возглавлял расследование в 1998 году, когда исчезла Кира. Он приехал через два часа после того, как Аарон несколько раз позвонил ему по единственному сохранившемуся номеру, и секретарша несколько минут держала его на линии, а затем прервала звонок, так ни с кем и не соединив, пока играла утомительная мелодия. Только когда он позвонил в пятый раз, секретарша наконец-то внимательно выслушала Аарона:

– Кира! Она жива! Соедините меня с агентом Миллером, пожалуйста. Кира в порядке!

– Прошу прощения?

– Кира Темплтон, моя дочь, жива! – снова крикнул он в трубку.

– Видите ли, мистер Темплтон, мы не можем вернуться к вашему делу в данный момент... Нет ничего нового, и агент Миллер ясно дал понять, что он не готов разговаривать, пока не появятся новые улики. Вы каждый год звоните нам на День благодарения под каким-нибудь предлогом. Вам нужна помощь специалиста.

– Вы не понимаете... Кира жива! Мы видели ее! На видео! Они прислали нам кассету. Она жива!

Помолчав, секретарша отрывисто ответила:

– Секунду, пожалуйста.

Через несколько мгновений на другом конце раздался глубокий, надтреснутый голос:

– Мистер Темплтон, это вы?

– Агент Миллер, слава богу. Вы должны приехать. Кто-то оставил у дома посылку с видеокассетой, а на ней – Кира.

– Новая запись с камеры наблюдения? У нас было несколько записей, сделанных после ее исчезновения, и ни одна из них не дала зацепок.

– Нет. Это не запись с улиц. Это домашнее видео. И это Кира. Сейчас. Ей восемь лет. Она играет в комнате.

– Прошу прощения?

– Кира жива, агент Миллер. Она никогда не умирала. Кира жива! – восторженно крикнул Аарон.

– Вы в этом уверены? – Тот явно колебался.

– Это она. Я в этом не сомневаюсь.

– Ваша жена тоже так думает? Это она?

– Вы должны увидеть запись лично.

– Уже еду. Ждите там и больше не трогайте ее. Возможно... возможно, там есть что-то еще.

* * *

Пока они ждали Миллера, Грейс постоянно улыбалась и плакала от счастья при мысли о том, как Кира спокойно играет в комнате. Аарон сидел за кухонным столом, уставившись в пустоту, и время от времени его лицо озаряла радость. Но на Мирен это видео произвело ошеломляющее впечатление. Она потратила столько времени, анализируя улики, опрашивая людей и просматривая полицейский отчет, насчитывающий более двух тысяч страниц, и ничего не нашла, а теперь простой образ играющей девочки грозил ее выдержке.

Видео длилось буквально минуту, и на нем подросток Кира сначала поиграла с куклой в деревянном домике, затем встала и положила игрушку на кровать. После некоторого колебания она подошла к двери и приложила к ней ухо. На ней было оранжевое платье до колен. Могло показаться, будто изображение застыло, но секунды продолжали отсчет. На тридцать пятой Кира как ни в чем не бывало отошла от двери и подбежала к окну. Затем она отодвинула белую тюлевую занавеску и посмотрела на что-то за пределами кадра.

Как только таймер дошел до пятидесяти седьмой секунды, девочка подошла обратно к кровати и несколько мгновений безучастно смотрела в камеру. Но не успела она протянуть руку, чтобы взять

куклу, которую оставила на покрывале, проигрыватель выплюнул кассету, и экран снова показал снежную рябь, наполняя мир семьи Темплтон белым шумом.

– Вы уверены, что это она? – спросила Мирен, зная ответ. Она видела сотни фотографий Киры в различных семейных альбомах, и сходство было неоспоримым, несмотря на разницу в возрасте, ведь девочка исчезла, когда ей было всего три года.

– Это Кира, Мирен. Разве ты не видишь? Посмотри на ее лицо... ради бога... Я смогу узнать свою дочь, даже если пройдет пятьдесят лет. Это наша дочь!

– Я просто хочу сказать, что качество записи оставляет желать лучшего. Может, нам стоит...

– Это она! Ясно?! – яростно прервала ее Грейс.

Мирен кивнула, как будто ее слова были неопровержимы, и вышла наружу. Она закурила сигарету и поняла, что уже наступила ночь. Вынув телефон из кармана пиджака, девушка позвонила в редакцию – нужно было извиниться за то, что она не вернулась вовремя и не успела закончить статью.

Между тем на улице несколько семей развешивали рождественские гирлянды на крышах домов. Мирен подумала, что Темплтонам наверняка было тяжело видеть, как Рождество с его безудержным счастьем и традиционными посиделками сжимается вокруг них кольцом из тысячи огоньков, невольно подчеркивая темноту. В мире света сумеречная область – это знак. Дом Темплтонов единственный не присоединился к причудливой трате электричества, и невооруженным глазом было видно, что здесь экономят на садовниках. Газон высох, тут и там проглядывала земля. Мирен вспомнила, как впервые побывала здесь: это случилось вскоре после того, как она начала самостоятельно расследовать исчезновение Киры, и первым, что тогда привлекло ее внимание, была великолепная лужайка. Здесь явно жили обеспеченные люди – у входа был припаркован дорогой автомобиль, а картину идеальной семьи довершал почтовый ящик с флажком. Однако теперь все это рассеялось как дым, горе завладело каждым уголком, окрасив в серый цвет не только фасад, сад и окна, но и души всех, кто ступал на порог дома.

В конце концов вдали показался серый «Понтиак» с включенными фарами, и из машины вышел мужчина лет пятидесяти, одетый в костюм, зеленый галстук и серый плащ.

– Не могу сказать, что рад встрече, – произнес агент Миллер вместо приветствия.

В ответ Мирен вздернула бровь и бросила окурок на землю.

– Это правда? – спросил агент, прежде чем войти.

– Похоже на то, – сухо ответила девушка.

Им навстречу вышел Аарон.

– Спасибо, что приехали, агент, – начал он отчаянным голосом.

– У жены индейка в духовке. Надеюсь, это что-то серьезное, – заявил Миллер, давая понять, что задерживаться не собирается.

Грейс ждала на кухне, ее глаза покраснели от слез. Они вошли в дом, и агент обнял ее.

– Как ваши дела, миссис Темплтон?

– Вам нужно посмотреть эту запись, агент. Это Кира. Она жива.

– Кто дал вам эту кассету?

– Она лежала в почтовом ящике, в конверте. – Грейс указала на конверт на столе, и Миллер разглядел, не прикасаясь, выведенную на нем фломастером цифру один.

– Вы его трогали?

Грейс кивнула и поднесла руки к губам.

– Где кассета?

– В плеере.

Видеокассета выступала на несколько сантиметров из щели проигрывателя, обнажив черный прямоугольник, где обычно размещалась наклейка с названием. Белый шум на экране отражался в глазах всех присутствующих.

Вынув ручку из кармана пиджака, полицейский подтолкнул кассету внутрь. Грейс присела рядом и нажала на кнопку перемотки. Несколько секунд спустя раздался щелчок, и на экране вновь возникла ни о чем не подозревающая восьмилетняя Кира – она поиграла с куклой, оставила ее на кровати, подкралась к двери, посмотрела в окно. Девочка снова обернулась к камере, изображение прервалось, и проигрыватель выплюнул кассету, как будто ничего и не было.

– Это она? – с волнением спросил Миллер. – Вы ее действительно узнали?

Грейс кивнула, дрожа. В ее глазах стояли слезы, готовые вот-вот пролиться вновь.

– Вы уверены?

– Мы уверены. Это Кира.

Миллер вздохнул и сел. Немного поколебавшись, он продолжил:

– Это не должно уйти в печать, – агент повернулся к Мирен, стоявшей в проеме кухонной двери. – Нельзя снова превращать это в цирк.

– Даю вам слово, – ответила девушка, – но только если вы возобновите дело.

– Возобновлю? Пока рано говорить. Это просто видео с девочкой, которая... давайте начистоту, это может быть любая девочка, отдаленно похожая на вашу дочь.

– Вы серьезно?

– Я не могу тратить на это ресурсы, мистер Темплтон. Все это неубедительно. Кассета, появившаяся из воздуха пять лет спустя... Да меня просто-напросто засмеют в ФБР. Вы знаете, сколько детей пропадает ежегодно? Знаете, сколько дел у нас открыто?

– Агент Миллер, будь это ваша дочь, как бы вы поступили? Скажите, что бы вы сделали? – громко спросил Аарон. – Просто ответьте. Если б какой-то подонок похитил вашу трехлетнюю дочь, а годы спустя, в день ее рождения, вы получили бы видео, где она играет как ни в чем не бывало, что бы вы почувствовали? Когда у вас отняли самое ценное на свете, а потом, много лет спустя, показали, как хорошо ей без вас живется!

Миллер ничего на это не ответил.

– Все, что у нас есть, – это запись и ваше заявление о том, что на видео ваша дочь. Мне будет чертовски трудно убедить начальство. Я не могу ничего обещать.

– Это Кира, агент, – отрезала Мирен. – Вы прекрасно знаете, что это правда.

– Почему вы так уверены?

– Потому что каждое утро, открыв глаза, я вижу перед собой ее лицо.

Глава 15

Правда более неуловима, чем обман, но она бьет сильнее, стоит лишь потерять бдительность.

Мирен Триггс

1998

На следующее утро будильник зазвонил раньше, чем требовалось моему телу. Я поздно легла спать, просматривая файлы, которые прислал мне профессор Шмоер, и на завтрак мне пришлось довольствоваться ванильным кофе из «Старбакса». Затем я зашла в магазин мобильных телефонов и оплатила картой черный «Nokia 5110», который был буквально у всех, с абонементом, включающим пятьдесят текстовых сообщений и шестьдесят минут звонков бесплатно. Потом направилась к зданию суда, освещенному ярким солнцем. Погода была прекрасной, а при входе дружелюбный полицейский попросил оставить телефон в лотке.

– Мобильные запрещены, – сказал он и забрал мой новый источник контакта с миром, которому было от силы пятнадцать минут.

– Досье, которое я запросила несколько недель назад, готово? – спросила я у секретаря. Завидев меня, та чертыхнулась. Это была афроамериканка лет сорока, поразительно похожая на мать Стива Аркела из сериала «Дела семейные».

– Снова вы?

– Вообще-то это мое право. Согласно Закону Меган, правоохранительные органы штата обязаны обнародовать данные о лицах, совершивших преступления сексуального характера, включая их место жительства и актуальную фотографию.

– У нас пока нет веб-страницы. Ну, знаете? В интернете. То, о чем все говорят.

– Две недели назад вы сказали мне то же самое. Вы не можете отказать мне в моем праве. Это федеральный закон, вы в курсе?

– Мы работаем над этим. Честное слово. Просто объем очень большой.

– Насколько большой?

– Вы и представить не можете. – Она раскинула руки.

– Могу я посмотреть лично?

– На реестр сексуальных преступников? Ни за что.

– Эти данные обязаны быть публичными, сколько раз мне это повторять?

– Ну ладно, я сейчас уточню, – сдалась женщина. – Подождите здесь, пожалуйста.

Секретарь ненадолго вышла в коридор, а я вернулась ко входу и позвонила маме, чтобы она записала мой номер. Но трубку никто не взял, так что я снова оставила телефон и вернулась к секретарю.

– Мисс? Пожалуйста, пойдите со мной. Я отведу вас в архив.

Через несколько минут мы спустились в подвал, и мужчина в галстуке и рубашке с короткими рукавами, читавший газету, посмотрел на нас так, словно не ожидал посетителей.

– Доброе утро, Пол. Как дела? Я тут привела к тебе девушку, которая... короче, она по поводу Закона Меган.

– Сексуальные преступники? Этих у нас полно. Мы оцифровываем архив, но... это же данные за тридцать лет. Работы по уши.

Я подняла руку и сопровождала жест притворной улыбкой.

– Ну что же, подпишите здесь и здесь, – сказал он. – Это документ, где говорится, что вы обязуетесь не использовать собранную вами информацию для причинения вреда, преследования или самосуда, а иначе понесете соответствующее наказание.

– Разумеется, само собой. Даже у преступников есть права.

Пол провел меня по длинному, выложенному плиткой коридору в свете флуоресцентных ламп и остановился перед одной из дверей.

– Здесь у нас хранится все, что мы оцифровываем. Данные о правонарушителях всех трех уровней риска. – Он открыл дверь, демонстрируя гигантский лабиринт металлических стеллажей, забитых картонными коробками. – В интернете будет немного меньше информации, но это то, с чем мы работаем сейчас. Возможно, через пару лет мы сможем привести все в порядок, но... скоро Рождество, и... кому охота сидеть за монитором и вбивать досье?

– Все это? Вы шутите?

Мужчина покачал головой и поджал губы.

– На этих трех стеллажах – дела с 1970-х до начала 1980-х годов. Два других охватывают по пять лет. В общем, все интуитивно понятно. Коробки с желтыми наклейками – третий уровень, самые опасные преступники. Насильники, убийцы, педофилы-рецидивисты. Все остальное... более легкие преступления.

Я сглотнула.

Несколькими годами ранее семилетнюю Меган Канка изнасиловал и убил ее сосед, педофил-рецидивист. Родители Меган утверждали, что если бы они знали правду об их соседе, то не позволили бы ей играть одной вблизи его дома. Случившееся повергло страну в шок, и вскоре, не без сопротивления, был принят федеральный закон, обязывающий власти обнародовать список освобожденных сексуальных преступников, включая их фотографии, текущие адреса и профили жертв, чтобы информировать общественность, если кто-то из сограждан представляет потенциальную опасность. Идея была в том, чтобы знать, кто твой сосед. Но в Нью-Йорке закон еще не заработал в полную силу, и для создания публичного и легкодоступного реестра требовалось время. Пока же вместо него была комната с множеством досье, которые можно было изучать часами.

– Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь, зовите. Я буду за столом у входа.

Пол закрыл дверь, и я осталась одна в окружении коробок, пахнущих сексуальным насилием.

Взяв первую коробку, я удивилась ее тяжести. Кажется, в ней было не менее двухсот папок из желтого картона. Меня замутило, едва я вытащила первое дело. На снимке в верхнем углу был изображен белый мужчина лет шестидесяти с пустым взглядом и трехдневной щетиной. Досье представляло собой типовую форму, заполненную вручную. Взгляд метнулся к графе «Осужден за»: надругательство над ребенком в возрасте до шести лет.

Я закрыла досье и перешла к другому. Это все было не то, и мне не хотелось задумываться о том, что бы я сделала с этим ублюдком. Несколько часов подряд я листала досье, просматривая фотографии и читая описания. Страна прогнила насквозь. Вернее, мужчины

прогнили. Из почти пятисот досье только шесть принадлежало женщинам. Разумеется, то, что сотворили эти шесть женщин, вызвало у меня такое же отвращение, как и злодеяния, совершенные мужчинами, но стало ясно: половые преступления – мужская прерогатива. У некоторых послужной список с годами разрастался: растление, жестокое обращение, изнасилование и изнасилование с последующим убийством. Другие проявляли патологические черты: нездоровую фиксацию на определенном типаже девочек – одинаковые волосы, один рост, один возраст, и склонности эти только усиливались после освобождения из тюрьмы за первые преступления, совершенные двадцать или тридцать лет назад. Но больше всего меня потрясли преступления – а их было большинство – где виновный и жертва были из одной семьи. В досье подробно описывался виктимологический портрет потерпевших, и нередко там можно было прочесть, что речь шла о потерпевших «первой и второй степени родства».

– Вот же твари, – бросила я вслух.

Я вышла, чтобы спросить у Пола, до скольких можно остаться. Мне требовалось гораздо больше времени, чем предполагалось, и он ответил, что я могу поработать до шести. Я решила перекусить рядом со зданием суда и в ожидании заказа позвонила по второму, и последнему, известному мне номеру со своего новенького мобильного:

– Кто говорит? – Профессор Шмоер ответил на звонок.

– Профессор, меня слышно? Это Мирен.

– Мирен, ты видела то, что я прислал?

– Да... ну, пока не все. Но... спасибо.

– Я решил, свежий взгляд не помешает. И твой в особенности. У тебя свое видение. Возможно, это еще не конец истории.

– Спасибо, профессор. Еще не конец?

– Откуда ты звонишь? Тебя еле слышно.

– Со своего нового мобильного.

– Отвратительная слышимость.

– Супер. Я отдала за него больше двухсот долларов. Обожаю выбрасывать деньги на ветер.

Он помолчал и продолжил серьезным тоном:

– Ты, наверное, звонишь насчет новостей.

– Я еще не видела газету. Вы опубликовали звонок в службу спасения?

– Да... но никто не стал читать.

– Что?

– Никто... не прочел. Всем плевать на звонок, Мирен. Это уже никого не интересует, – продолжил Шмоер под шум машин на заднем плане. Должно быть, он был на улице. – Дело прошлое. «Пресс»... стой, ты что, не слышала? В каком мире ты живешь?

– Я в суде по личному делу, – начала оправдываться я.

– Что за личное дело? Предстоит какое-то слушание? Поймали кого-то из тех, кто сотворил... это? Могла бы предупредить меня, я бы пошел с тобой.

– Нет, нет. Я просто роюсь в архивах.

Вздыхнув, Шмоер с сожалением добавил:

– Хорошо... Если тебе понадобится помощь, дай знать. Договорились, Мирен?

– Ладно, но у меня правда все хорошо, – солгала я.

– Хорошо. Но ты в самом деле ничего не знаешь?

– О чем?

– Посмотри сегодняшний выпуск «Пресс». Это потрясающе. Не знаю, как они это делают, но...

– Что такое?

Мне было не по себе. Вся эта таинственность действовала мне на нервы.

– Прочитай первую полосу «Пресс», а потом позвони мне. – Он повесил трубку.

– Что случилось? – спросила я, но на другом конце уже никого не было.

* * *

Я спросила у официанта, но свежего экземпляра «Манхэттен пресс» в ресторане не нашлось. Прежде чем отложить телефон, снова позвонила родителям, но не дозвонилась. Что имел в виду профессор Шмоер?

Мне наконец-то принесли заказ – спагетти карбонара, которые стоили всего семь долларов и девяносто пять центов, включая напиток, – я поспешно проглотила еду, чтобы поскорее выйти и купить

газету. Ресторанчик представлял собой обшарпанное заведение с зеркальными стенами, и основными клиентами здесь были правонарушители и их семьи, проводившие утро в суде. Посмотрев на соседнюю стену, я увидела лицо Киры в отражении телевизора. Тогда я перевела взгляд на другую стену, но так и не поняла, где в лабиринте зеркал находится настоящий экран.

– Можно ли сделать погромче? – попросила я официанта.

Через несколько секунд снимок Киры сменился изображением мужчины – белый, волосы с проседью, на вид лет пятьдесят, серьезное выражение лица. Я никогда раньше его не видела, но бегущая справа налево в отражении строка гласила: «ЗАДЕРЖАН ГЛАВНЫЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ».

К тому времени как официант наконец прибавил громкость, ведущий закончил фразу, а затем перешел к другой теме.

«...женат, двое детей, главный подозреваемый в похищении малышки Киры Темплтон задержан и заключен под стражу».

Глава 16

Говорить о боли – признак силы, не говорить о ней – признак мужества, потому что, когда ты молчишь, она остается внутри, сражаясь против тебя.

12 октября 1997. Нью-Йорк

За год до исчезновения Киры

Мирен понятия не имела, как это случилось, но в следующее мгновение она уже целовалась с Робертом на скамейке в парке Морнингсайд рядом с уличным фонарем, у которого вот-вот грозила перегореть лампочка. В голове шумело.

– Стоп... пожалуйста, – прошептала она, едва соображая.

– Поздно играть в недотрогу.

Роберт продолжал целовать ее, и она закрыла глаза, чтобы не стошнило. Перед глазами все кружилось, и она пыталась сфокусироваться на чем-то помимо вспышек фонаря, которые периодически освещали тень парня над ней. Она не помнила, как напилась до такого состояния. Возможно, просто не привыкла к алкоголю, поскольку никогда раньше не пила, но ощущение было очень неприятным.

– Пожалуйста, ХВАТИТ! – крикнула девушка, отталкивая его.

– Ты с ума сошла?

– Я не могу... Я плохо себя чувствую, – пробормотала она.

Внезапно Мирен ощутила холодный нью-йоркский воздух на своих бедрах и, посмотрев вниз, с ужасом обнаружила, что ее платье задрано до живота, а с одной ноги свисают порванные трусики.

– Прошу тебя... хватит, – взмолилась она. Но Роберт, не обращая никакого внимания, засунул длинные пальцы ей между ног. Мирен пыталась сопротивляться, но силы оттолкнуть его не было, и он продолжил энергичные движения рукой.

Вдалеке послышался мужской голос. Точнее, не один, а несколько перемежающихся, и Мирен закричала, едва соображая. Тогда она еще не знала, что это был ее худший выбор.

Послышались голоса, раздались чьи-то смешки, несколько мужских теней отделились от темноты, которая наступала каждые две секунды, когда гас фонарь. Девушка услышала, как Роберт с кем-то ругается. В следующее мгновение он валялся без сознания на земле с залитым кровью лицом. Перед ней стояло трое парней, и только их ухмылки светились в ночи. Расстегнулась одна ширинка. Затем другая. Потом еще одна – а может быть, все та же.

Мирен закрыла глаза и зарыдала, мечтая, чтобы это поскорее закончилось. Когда-то она читала об Эйнштейне и о том, что время относительно. И это действительно так – относительно того, как сильно ты страдаешь.

Через какое-то время – она так никогда и не смогла подсчитать, сколько точно прошло, – девушка очнулась в темном парке. Ее терзала боль, платье на груди было разорвано. Помада размазалась, а тени для век, которые нанесла Кристина, потекли от слез, придавая ей самый печальный в Нью-Йорке вид. Лампочка перегорела, и дальше пары метров ничего не было видно. Мирен ощупала землю и в конце концов нашла сумочку, но внутри были только ключи. Ее трясло от холода. В тот день с запада дул ледяной ветер, и она вспомнила, что пришла на вечеринку в меховом пальто, но его нигде не было видно. Обхватив руками тело, попыталась идти. Стало ясно, что одна туфля потерялась, и она сняла вторую, инстинктивно сжав ее, будто оружие. Каждая клеточка в теле болела. В поясице что-то хрустело каждый раз, когда Мирен опиралась на правую ногу. Колени были в синяках, в паху все горело огнем. Она зарыдала.

Несколько минут девушка шла в крошечной темноте, пока наконец не оказалась на тротуаре Морнингсайд-авеню у пересечения с 116-й улицей. Она была недалеко от дома. Посмотрела на запястье, но часы украли. Заглянула в сумочку и обнаружила, что кошелек также пропал.

Рядом раздался сочувственный мужской голос:

– Все в порядке, сестра? Что с тобой приключилось?

Не успев даже понять, откуда он доносится, Мирен швырнула туфлю на землю и бросилась бежать. Она была напугана, будто

кролик, услышавший выстрел охотника и боящийся, что следующий выстрел положит ему конец. Девушка бежала босиком, оглядываясь по сторонам, а оказавшись возле дома, ощутила во рту вкус крови. Держась за перила, она поднялась по лестнице и почувствовала, как по ее бедру течет тонкая теплая струя. Опустив глаза, она поняла, что это кровь. Мирен снова заплакала, почти беззвучно, из страха, что ее найдут, что кто-то еще увидит в таком состоянии и присоединится к пиршеству над телом, которое, казалось, было разбито на тысячу осколков.

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вставить ключ в замок. Руки тряслись, и брелок звенел, будто колокольчик, привлекающий новых охотников. Она сглотнула и, попав наконец внутрь, заперлась и прислонилась к двери, крича снова и снова, изо всех сил, что у нее еще остались.

Оглянувшись, Мирен увидела телефон на прикроватной тумбочке рядом с диваном. Непрерывно плача и рыдая, она поползла до него и приложила трубку к уху. Через несколько секунд на другом конце раздался сонный женский голос:

– Алло? Кто звонит в такой час?

– Помоги мне, мама, – прошептала она, всхлипывая.

Глава 17

Можно скрыть огромный шрам на коже, но нельзя скрыть простую царапину на душе.

26 ноября 1998

Какое-то время детектив Алистер просто стоял рядом с родителями Киры – те сжимали друг друга в объятиях на полу больницы, а все их мысли были лишь о том, что они могли сделать по-другому в этот день, чтобы дочь была рядом. Грейс вспомнила: когда они собирались выйти на улицу и увидели дождь, ей пришло в голову, что, может, им не стоит идти на парад. За пару недель до этого Кира подхватила простуду, и теперь Грейс переживала из-за возможного рецидива, но все сомнения рассеялись, стоило ей увидеть, как дочь радостно выпорхнула из дома, предвкушая свой первый парад в честь Дня благодарения. Затем женщине вспомнилось, как Кира с утра дулась, потому что у них закончились ее любимые хлопья «Лаки Чармс», и ей пришлось есть более полезный и менее яркий завтрак, чем эти сладкие шарики. Аарон перебрал в уме каждое событие утра, каждый жест Киры, каждый момент, когда все могло пойти по-другому, и нашел столько вариантов предотвратить эту катастрофу, что было непонятно, как же она вообще произошла. Потом он вспомнил, как накануне поздно вернулся с работы, а дочка уже спала и он не смог поиграть с ней или почитать ей сказку, как почти всегда перед сном. Исчезновение Киры запустило механизм самоуничтожения в сознании каждого родителя, и оба принялись искать в своем поведении все, что могло усилить боль. Упущенные моменты, поцелуи, которых не было, дни, полные работы, наказания без поощрений.

– Мистер и миссис Темплтон, – подал голос детектив Алистер, – я знаю, вам трудно вернуться домой, как будто ничего не случилось, но доверьтесь нам. Мы найдем вашу дочь. Уверяю вас. Все имеющиеся подразделения прочесывают территорию и собирают информацию с

камер наблюдения – вдруг на записях есть что-то полезное. Доверьтесь нам.

– Но... одежда... и волосы... Кто-то похитил ее. Кто-то держит ее у себя. Прошу вас, вы должны ее отыскать, – взмолился Аарон, беспокоясь о том, что жена еще ничего не знает.

– Волосы? О чем ты? – удивленно переспросила Грейс.

Алистер поджал губы. Он не привык приносить такие плохие вести и взвешивал каждое слово.

– Об этом мы тоже хотели поговорить. На данный момент мы не исключаем никакие версии, поэтому за дело взялось ФБР. Нам нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов агенту Миллеру, сотруднику отдела ФБР по розыску пропавших без вести. Он сейчас ждет ответа, где может с вами встретиться.

– ФБР? Да, конечно. Все, что угодно, лишь бы Кира нашлась. Где он?

– Вы должны подать заявление в полицейском участке и ответить на несколько вопросов. Вы готовы поговорить с ним там? Я уверен, он поможет. Он один из лучших.

Алистер проводил Грейс и Аарона к полицейской машине, и около трех часов ночи они приехали в участок. В этот час в полицейском отделении южного округа было пустынно. Они встретили не более пяти сотрудников – все с усталыми лицами и покрасневшими глазами. Зато в подвале кипела жизнь. Около тридцати задержанных, в основном карманники и мелкие воришки, томились в ожидании утра, когда им предъявят обвинения. Аарон и Грейс сели за стол и дали показания детективу Алистеру, который, казалось, больше хотел потянуть время до прибытия ФБР, чем задавать дополнительные вопросы и бередить тем самым рану.

Из официального отчета Алистера следовало, что отец и мать находились с ребенком на пересечении Бродвея и 36-й улицы с 9.45 до 11.45. Затем Аарон отошел от жены, чтобы купить дочери воздушный шарик, и в последующие минуты та пропала. Аарон упомянул женщину в костюме Мэри Поппинс и всех, кто находился поблизости, как возможных свидетелей произошедшего. Он попытался вспомнить какие-нибудь лица, но безуспешно. Все они были незнакомцами, и в этот поздний час, после всего пережитого за день, их образ стерся из памяти. Грейс упомянула стоявшую рядом семью, их сын был на вид

ровесником Киры. Глядя на него, она вообразила Майкла – сына, которого носила под сердцем, в этом возрасте и прослезилась. Затем к ним подошла мажоретка и дала пять Кире, потому что ее позабавили смех и восторг ребенка. Аарон подтвердил оба воспоминания, а затем Грейс повторила, что не заметила никакого переполоха, чем озадачила мужа.

Закончив брать показания, детектив Алистер попросил фотографию Киры. В бумажнике Аарона нашелся крохотный снимок, где дочь с удивленным выражением лица смотрела в камеру. Неделью спустя «Пресс» разместит на первой полосе и растиражирует по всей стране эту самую фотографию под заголовком: «Вы видели Киру Темплтон?»

Агент Миллер прибыл ровно в тот момент, когда Аарон подписывал показания, и вместо приветствия сказал: «Мистер и миссис Темплтон?» У него был глубокий, хриплый голос, и, обернувшись, Темплтоны отметили дружелюбное выражение лица.

– Вы агент ФБР?

– Агент Бенджамин Миллер, отдел розыска пропавших без вести. Сожалею о случившемся. Мы собрали команду специально для вашего дела и уже ведем поисковые работы. Не волнуйтесь. Ее найдут.

– Вы считаете, ее похитили? – с ужасом спросил Аарон.

– Мистер и миссис Темплтон, давайте говорить откровенно. Я не стану приукрашивать ситуацию, потому что уверен, так будет хуже. ФБР берется за такие дела только тогда, когда возникает вероятность похищения. Поэтому нам необходимо, чтобы вы находились дома, если вам позвонят с требованием выкупа. Риск очень высок, и... похитители так или иначе попытаются выйти на контакт.

– Выкуп? Бога ради... – Грейс поднесла руки ко рту.

– Видите ли... это не что-то из ряда вон выходящее. В других странах это встречается чаще, чем вам кажется. Есть ли у вас враги? Кто-то, кто хочет вам навредить? Могли ли они организовать похищение ради выкупа?

– Враги? Деньги? Я директор отделения страховой компании! Я подписываю страховые договоры, – с досадой ответил Аарон. – Это... обычная, повседневная работа.

– Вы никому не отказывали недавно в выдаче страховки?

Грейс неодобрительно посмотрела на Аарона.

– Что? – спросил он жену. – Ты правда думаешь, это из-за меня?

– Твоя работа, Аарон. Все это случилось из-за твоей проклятой работы. Все эти люди... все эти отчаявшиеся люди, – гневно заметила она. – Я уверена, что...

– Это здесь вообще ни при чем, Грейс, – перебил Аарон. – Как ты можешь такое говорить? Агент, поймите, я отказываю кому-то в страховании, но это не мое решение. Это всегда приходит сверху. Есть определенные требования, поймите. Если клиент не принесет денег, его нельзя одобрить. Какой отель пустит постояльца, зная, что он разгромит номер?! – воскликнул он в исступлении.

– Я не критикую вашу работу, мистер Темплтон. Но есть один неоспоримый факт: на вашей работе можно нажать врагов. И в подобных делах... существует вероятность, что кто-то хочет вам навредить. Личная вендетта или финансовые проблемы.

Грейс со вздохом поджала губы.

– Нам понадобится список клиентов, которым за последние годы было отказано в страховании или возмещении убытков, – сказал Миллер, записывая что-то на листе бумаги.

– А я говорила тебе, Аарон! Но ты вечно хвастался своими дурацкими показателями эффективности. Как ты мог...

– Сможете составить его для меня? – настойчиво попросил агент, пытаясь положить конец этой теме.

Кивнув, Аарон сглотнул, пытаясь избавиться от кома в горле, из-за которого было трудно дышать.

– В любом случае мы сейчас прорабатываем любые версии. Если завтра не будет никаких новостей, возможно, вам стоит развесить листовки. Вдруг кто-то что-то видел.

Внимательно выслушав его, Грейс кивнула: агент Миллер казался ей единственным человеком, держащим ситуацию под контролем.

– Пожалуйста, найдите ее поскорее, – взмолилась она.

– Она отыщется. Большинство таких дел раскрывают в первые двадцать четыре часа. Прошло всего... – он сделал паузу и посмотрел на часы, – ...четырнадцать, если я не ошибаюсь. Осталось десять, и для города, полного глаз и ушей, этого более чем достаточно.

Глава 18

Среди внутренних руин мне встретились лишь осколки моей души.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

Громкий звонок в дверь разорвал тишину, изгнавшую жизнь из этого дома. Все вокруг покрывал тонкий слой пыли, и сам воздух был настолько серым, что казалось, будто виновником удручающего отсутствия чистоты послужил пепел от пожара. Но причина была не в этом. Рамки с фотографиями на столе из красного дерева в гостиной блестели так, словно их полировали ежедневно. Они были единственным, что сияло в комнате. На них была запечатлена счастливая молодая пара: мужчина не старше тридцати, женщина – еще моложе. На других снимках помимо пары присутствовала веселая девочка лет трех с темными волосами и зелеными глазами. На всех фотографиях девочка смеялась, обнажив щель между молочными зубами.

Снова позвонили, на этот раз настойчивее, и Грейс Темплтон поднялась из-за кухонного стола и направилась к двери. Усталость или обреченность тому виной, но ее шаги были уже далеко не такими легкими, как раньше. Было 27 ноября, и телефонный звонок мужа вновь пробудил самые сокровенные страхи.

В тот день Грейс проснулась с тяжелой смесью чувств: волнение, надежда, отвращение, грусть и отчаяние. Каждая из этих эмоций была вызвана одним и тем же парадом, который каждый год напоминал о несчастье. Грейс Темплтон положила постаревшую руку на дверь и, пошатнувшись, открыла ее. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти с бородой и обеспокоенным выражением лица. Они молча смотрели друг на друга, а затем она опустила взгляд – в руках мужчина держал конверт.

– Где он был на этот раз? – спросила Грейс усталым голосом вместо приветствия.

– В почтовом ящике у нашего старого дома, как и в первый раз. Свагхаты позвонили мне. Я предупредил Миллера. Он уже в пути. Передал, чтобы мы были осторожны и подождали, пока он прибудет с криминалистами.

– И снова ее день рождения, Аарон. Как с первой записью. Какого черта им нужно? Почему они так с нами поступают?

Аарон промолчал. Боль укоренилась столь глубоко, что уже не имела значения.

– Я уже достала торт из холодильника, прежде чем... узнала, что появилась еще одна запись. Я заказала его в той пекарне, которую мы видели, когда гуляли напротив восточной части Центрального парка. Чудесная работа. Они украсили его маленькими оранжевыми цветами из мастики. Ты должен это увидеть.

– Грейс... Прошу, перестань превращать день рождения Киры в праздник. Сегодня мы получили новую запись. Пожалуйста... не в этот раз. Я знаю, каждый год мы собираемся вместе в ее день рождения, но... это новая запись. Слишком много эмоций за раз. Давай... просто ее посмотрим? Это четвертое видео нашей дочери. Я должен посмотреть его и поплакать в тишине.

– Торт – единственное, что не дает мне сойти с ума, Аарон. Не отнимай у меня и это. Ты уже принес мне достаточно боли, тебе так не кажется?

Он лишь вздохнул, и жена, развернувшись, ушла на кухню. Чуть позже она вернулась с белой коробкой в руках и направилась в гостиную. Аарон последовал за ней и увидел торт.

– Прелесть, правда же? Кира была бы в восторге.

– Без сомнения, Грейс, – пробормотал он в ответ.

– Чего ты ждешь? – Она выдвинула деревянный ящик, где стопками были уложены коробки спичек. – Сегодня ей пятнадцать. Один, пять.

Грейс ушла в другую комнату и почти сразу же вернулась с двумя свечами в форме цифр – Аарон не сомневался, что они уже были у нее наготове. Он застыл, наблюдая, как его бывшая жена энергично снует туда-сюда по дому, то появляясь, то исчезая из комнаты, и прилагал все усилия, чтобы не разрыдаться прямо перед ней.

– Хочешь шоколадный молочный коктейль? – спросила Грейс, снова двигаясь в сторону кухни.

– Я предупредил Мирен. Мне кажется, ей важно быть здесь. Вдруг на видео есть что-то новое, и ей будет полезно это увидеть.

Грейс, вернувшись из кухни, никак на это не отреагировала.

– Шоколадный или ванильный? Торт морковный, а начинка – сливочная.

– Ты слышала меня? Я позвонил Мирен. Она скоро приедет.

– Значит, ванильный, – как ни в чем не бывало продолжила Грейс и принесла стакан с бледно-желтой жидкостью.

– Грейс, пожалуйста. Возможно, она сможет что-то разглядеть на видео. Не будем терять надежду. Она способная, я правда в это верю. Сейчас мы настолько, насколько можно, близки к...

Внезапно стеклянный стакан разбился о стену прямо за спиной Аарона, который даже не успел шелохнуться.

– Только через мой труп, Аарон. Ясно тебе? Позвони ей прямо сейчас и скажи, чтобы не приходила сюда. Хватит с меня прессы, сующей повсюду свой нос.

Мужчина снова вздохнул. С каждым годом этот день становился все труднее и труднее для них обоих. Это было непосильным бременем для любого, но для них боль стала уже невыносимой. На первый взгляд Грейс вела себя нормально. Она улыбалась, говорила спокойно и лишь изредка вспоминала о Кире. Но для них с Аароном это была единственная возможная тема. Они годами не говорили ни о чем другом. Когда они были вместе, значение имело только одно – отсутствие Кире.

– Хорошо, я напишу ей и скажу, что это ложная тревога. Покажу ей в другой раз.

Грейс кивнула, в ее глазах стояли слезы.

Аарон положил конверт на стол и отправил сообщение Мирен:

«Не приезжай. Грейс не хочет тебя видеть».

Но и это, и предыдущие сообщения, предупреждающие о четвертой кассете за двенадцать лет, остались непрочитанными.

– Ну что, начнем? – сказала Грейс, включив телевизор с диагональю 26 дюймов, стоявший на металлической тумбе напротив кухонного стола. На нижней полке располагался старый серебристый видеопроигрыватель «Сони», который работал только благодаря

заботам Грейс и Аарона. Они купили его в 1997 году, когда Кире было два года, чтобы та могла посмотреть коллекцию детских фильмов, подаренную ей на Рождество. Ее любимицей была Мэри Поппинс, которую Аарон теперь возненавидел за ее песни, праведность и правильность, за ее проклятое счастье. Когда он думал о Кире, перед его глазами возникал образ Мэри Поппинс, протягивающей дочери воздушный шарик; если б не этот шарик, Кира по-прежнему была бы с ними.

Аарон открыл конверт с номером четыре и вытряхнул на стол содержимое – 120-минутную видеокассету фирмы «ТДК» с белой наклейкой, на которой от руки было выведено «КИРА».

Грейс присела. Этим утром она проснулась в хорошем настроении, надеясь, что на этот раз сможет выдержать эмоциональное давление дня рождения Кире, но звонок Аарона с сообщением о новой записи одним махом уничтожил всю ее выдержку.

– Все хорошо? – спросил Аарон, который тоже был на грани.

С усилием кивнув, женщина сделала глоток из стакана воды на столе.

– Пожалуйста, давай начнем.

Аарон вытащил из кармана белые латексные перчатки и надел их. Затем осторожно взял кассету и вставил ее в проигрыватель.

Он сел за стол рядом с Грейс, торт стоял перед ними. Она чиркнула спичкой и зажгла свечи с цифрой пятнадцать, и те озарили теплым светом маленькие оранжевые цветы, украшавшие торт, и полные горя души родителей. Аарон и Грейс взялись за руки.

Это был единственный момент перемирия между ними. Каждый год в день рождения дочери они собирались вместе, чтобы пересмотреть последнюю полученную кассету. Затем, если время позволяло, разговаривали и обсуждали, как обернулась их жизнь, а потом расходились. На этот раз все было по-другому. Ни один из них еще не видел это видео, и, пожалуй, ни один из них не был готов к такому накалу эмоций: одновременно день рождения их дочки и встреча с ней спустя несколько лет.

Они обменялись усталыми взглядами, а затем закрыли глаза и дали волю слезам, не в силах больше выдерживать напряжение. Повисла тишина, которую нарушало лишь их дыхание, как вдруг оба родителя запели: «С днем рождения тебя».

Закончив песню, они наклонились к торту и задули свечи за Киру.

– Что ты загадала на этот раз? – спросил Аарон бывшую жену.

– Как и всегда. Пусть она будет здорова.

Мужчина кивнул.

– А ты?

– Как и всегда. Пусть она вернется домой.

Грейс горько вздохнула – с губ словно бы сорвались вереницей сдерживаемые мечты – и склонила голову на плечо Аарона. Он протянул руку через стол, взял пульт и включил телевизор. На экране замерцали помехи. Мужчина увеличил громкость, и белый шум усилился. На старом телевизоре – черный «Филипс» с диагональю 26 дюймов, форматом экрана 4:3 с возможностью дистанционного управления – не были настроены каналы. Раритетная техника с возможностью подключения видеопроигрывателя все еще работала, несмотря на возраст и удары, нанесенные Аароном в ночь первой записи. В правом верхнем углу пластмассового корпуса змеились две трещины – результат падения с той самой тумбы, на которой он теперь стоял. С помощью пульта Аарон включил проигрыватель. Экран телевизора почернел, и в нем отразились тоскливые лица Аарона и Грейс. Затем в правом углу появился таймер, застывший на отметке 00:00.

Отсчет начался, и Грейс сжала руку Аарона. Спустя несколько мгновений, которые ощущались как вечность, хотя таймер показывал 00:02, черный экран сменился знакомой комнатой, но кое-что было иначе, и внутри все заледенело.

– Что это? – воскликнула Грейс.

На видео, съемка которого велась с одного из верхних углов комнаты, была спальня, оклеенная обоями с узором из оранжевых цветов на темно-синем фоне. У одной стены стояла деревянная кровать с оранжевым покрывалом в тон цветам на стенах. Напротив на деревянном столе громоздились кипа бумаги, блокнот и ручка, а перед ним стоял стул, похожий на кухонный. Белые марлевые занавески окна в центре висели неподвижно.

– Где Кира? – спросила Грейс. Аарон словно застыл на месте.

Они ждали, что она вот-вот появится, как обычно. На каждой из трех предыдущих записей всегда была Кира, каждый раз на несколько

лет старше. Но к их неверию секунды безостановочно продолжали отсчет.

– Нет! Это какая-то ошибка! – воскликнула Грейс. – Где моя дочь?

В дверь позвонили, но родители продолжали безучастно смотреть на изображение пустой комнаты, где не было Киры.

Когда таймер достиг 00:59, изображение замерло, и проигрыватель тут же выплюнул кассету. Экран на мгновение окрасился в голубой цвет, а затем переключился на белый шум, черно-белые точки заплясали от одного края экрана к другому.

– Нет! – закричали они в унисон, внезапно осознав, что дочь снова исчезла.

Глава 19

Разве есть что-то сильнее надежды найти то, что ищешь?

28 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Агент Миллер согласился возобновить дело при условии, что Мирен не будет ничего публиковать в течение недели, а по истечении этого срока он даст краткий комментарий, чтобы не ставить под угрозу расследование, и изложит свою точку зрения в первой статье, которая задаст темп и тон остальным публикациям при дальнейшем освещении дела.

Кассета наделала много шума в нью-йоркском отделении ФБР, где несколько агентов вызвались помочь выяснить происхождение видео и проанализировать кадр за кадром в поисках зацепок. Они сделали несколько копий видео, а оригинальную кассету разобрали на части в попытке найти малейшие отпечатки и исследовать магнитную полосу. Конверт также отправили на проверку. На нем не было марки, и он не проходил ни через одно почтовое отделение, так что, скорее всего, кто-то лично оставил его в почтовом ящике Темплтонов.

Команда специалистов отправилась на место, чтобы опросить соседей, не крутился ли кто-нибудь вокруг дома Темплтонов накануне, но все показания сводились лишь к тому, что был праздник, на улице играли дети и ничего подозрительного они не заметили.

На кассете и на конверте были отпечатки пальцев Грейс – их сняли в тот же день, чтобы не возникло путаницы. Из ста двадцати минут на кассете фирмы «ТДК» запись длилась лишь 59 секунд. Остальная часть была пустой, без каких-либо следов записи на оставшихся ста девятнадцати минутах. Это была кассета известной марки и самой распространенной длительности – такие по-прежнему продавались в многочисленных магазинах по всему городу, несмотря

на резкий рост популярности DVD-дисков. Было понятно, что видеокассеты вскоре исчезнут из-за недостатка качества записи, продолжительности и, что немаловажно, хрупкости. Магнитная лента VHS обречена медленно разрушаться до тех пор, пока записанное на ней не исчезнет – с другой скоростью, но с той же неизбежностью, что постигла Киру. Новые цифровые форматы позволили повысить качество изображения и звука и даже его продолжительность – и все это в формате компакт-диска, добавив при этом эффектные элементы, такие как меню, дополнительные материалы или возможность выбора сцен. Кроме того, они могли служить более пятидесяти лет, в два-пять раз дольше, чем видеокассеты, у которых уже через несколько лет портилась цветопередача. Цифровые файлы в формате DVD также содержали дополнительную информацию о типе записывающего устройства, дате его создания, а иногда даже геолокацию места записи, скрытую в метаданных стандарта EXIF для каждого из файлов на диске. Все эти атрибуты отсутствовали на видеокассете, и отследить ее происхождение было невозможно. Формат VHS не давал возможности обнаружить и установить, когда или где была создана запись. Единственное, что позволяли видеокассеты, – определить по расположению магнитных частиц на ленте, на каком устройстве они были записаны, подобно тому как пистолет оставляет уникальный отпечаток на каждой выпущенной пуле. По следам на магнитной ленте эксперту удалось установить, что запись была сделана на видеомэгнитофон «Саньо» 1985 года: известный производственный дефект в одной из серий приводил к тому, что магнитная головка, которая собирает частицы на дорожке для записи изображения и звука, оставляла непрерывный узор на краю каждой ленты. Но это ничего не давало: «Саньо» был одним из ведущих брендов на рынке в то время.

В течение недели группа графологов анализировала почерк, которым были выведены имя Киры на кассете и цифра 1 на конверте, и по результатам химического анализа чернил было сделано заключение, что они были написаны от руки с помощью маркера «Шарпи» – самой продаваемой марки в стране. Судя по нажатию и по изгибу в букве «А» и цифре «1», обе надписи были сделаны одним и тем же человеком. Когда через три дня пришел отчет о следах на кассете, агент Миллер потерял надежду. Других отпечатков, кроме отпечатков Грейс, обнаружено не было. Отчет об отпечатках на конверте ожидался

поздним утром, но агент лично посетил семью Темплтон, чтобы обсудить малый прогресс в расследовании.

Аарон и Грейс с нетерпением ждали его визита. Он вышел из машины с серьезным лицом и огляделся вокруг, отмечая, что все вокруг дышит счастьем. Двое детей зигзагами катались на велосипеде вокруг конусов на тротуаре. Пожилая женщина подстригала гортензии в саду, мужчина средних лет заканчивал расставлять перед забором солдатиков-щелкунчиков в натуральную величину. Все здесь было наполнено духом Рождества, и Миллер тяжело сглотнул, прежде чем подойти к единственному дому, который словно утонул в печали.

– Вам удалось что-то обнаружить? – спросил Аарон, едва заметив его.

– Еще рано делать выводы. Пока мы делаем шаг за шагом, пытаюсь выжать все из этих пятидесяти девяти секунд.

– Какие-нибудь следы? Должно же быть хоть что-то.

– Не на кассете. Мы ждем результатов экспертизы конверта, но все это выглядит не слишком многообещающе, мистер и миссис Темплтон. Раз этот парень позаботился о том, чтобы не оставлять следов на кассете, едва ли он был неосмотрителен с конвертом.

– А что насчет самой видеозаписи? Ничего, что помогло бы определить ее местонахождение? Это наша дочь... и мы должны ее найти, – заметила Грейс.

– Качество изображения настолько плохое, что невозможно определить вид за окном, поэтому выяснить, где она и с кем, трудно. Мы думаем, это частный дом, зеленый оттенок за белой занавеской может быть садом, но... это ничего не дает. Даже угол падения солнечных лучей в комнате не поможет нам, поскольку мы не знаем, в какое время суток велась съемка, а это необходимо, чтобы понять направление и, возможно, приблизительную широту. Здесь мало зацепок. Пока рано говорить вам это, но если мы больше ничего не найдем, видео будет служить лишь свидетельством, что с вашей дочерью все в порядке, даже если вы не знаете, где она. Считайте это... доказательством жизни.

– Что это значит?

– При похищениях доказательство жизни используется для подтверждения того, что похищенный здоров, и для выплаты выкупа.

Здесь нечто похожее, пускай даже... Пускай даже они об этом не просят.

– Значит, надо сделать так, чтобы попросили, – с мрачным видом отчеканил Аарон.

– Вы снова хотите обратиться в СМИ?

– Почему бы и нет?

– Они будут мешать нашей работе и... Я не хочу, чтобы случилось то же, что и пять лет назад.

– Если это поможет найти мою дочь, я это сделаю. Даже не сомневайтесь.

– Погиб человек, мистер Темплтон. Это не должно повториться.

– Это не моя вина, агент Миллер. Помните об этом. Не я разжег то пламя.

Глава 20

*Никогда не знаешь, куда приведет дорога,
которую ты выбираешь в ночи.*

Мирен Триггс

1998

Мне всегда было интересно, что происходит в душе человека, когда кто-то исчезает, будто его никогда и не было. В течение многих лет я размышляла над концепцией поиска. Возможно, именно поэтому я решила изучать журналистику, именно поэтому мне понравился этот мир. В конце концов, журналистика – это и есть поиск. Поиск того, что скрывают сильные мира сего, что скрывают политики, что скрывает любой, кому не выгодна правда. Поиск в темноте историй, которые можно рассказать, загадок, персонажей, затерявшихся в сознании. Все это о том, как искать – и как найти.

В детстве я читала рассказы о Шерлоке Холмсе, но меня интересовал не преступник, а то, что случилось на самом деле. Большую часть времени я наслаждалась, пытаюсь предугадать, что произойдет, но история всегда удивляла меня, и я никогда не находила правильный ответ сама. Возможно, дело Киры захватило меня с самого начала именно потому, что какая-то часть меня знала: я не смогу ее отыскать.

Я обрадовалась, увидев на экране фотографию арестованного. Я провела всего одну ночь, погрузившись в ее историю, но почему-то она вызвала у меня сильные эмоции. Может быть, это было из-за ее взгляда, потому что в глазах Киры я прочла свой собственный страх, удивление и недоумение при виде зла в мире.

Первую полосу газеты «Пресс» в тот день украсило лицо задержанного под заголовком: «Он забрал и Киру Темплтон?» Репортаж, помещенный на четвертую страницу, после редакционной статьи, занимал целые две полосы. В нем рассказывалось, как

накануне вечером мужчина с первой полосы, некий Дж. Ф., был арестован за попытку похищения семилетней девочки в районе Геральд-сквер. По словам свидетелей, мужчина схватил девочку за руку и повел ее на север по Бродвею в направлении Таймс-сквер, пока она не начала кричать, поняв, что родителей поблизости нет, а человек, обещавший отвести ее к ним, ей совершенно незнаком.

Крики девочки привлекли внимание прохожих. Объяснения мужчины никого не убедили: он утверждал, будто обнаружил девочку одну в толпе, без родителей, и решил отвести ее в ближайший полицейский участок на углу Таймс-сквер. Накал вокруг исчезновения Киры и тот факт, что это случилось в том же районе, сработали как сигнал тревоги, когда раздались крики девочки, и, по данным газеты, та уже была в безопасности с родителями.

Они также сделали заявление в статье, поблагодарив всех, кто помог задержать мужчину, и призвали других родителей помнить о сексуальных преступниках. Полиция тут же связала это происшествие с Кирой. Автор статьи выразил мысль, что инцидент не случайно произошел неделю спустя в том же районе: преступник убедился, что выбрал верный путь. Наверняка с Кирой все произошло так же, и теперь оставалось лишь вырвать у него признание, чтобы найти девочку.

Последний абзац гласил, что подозрения окончательно развеялись, когда полиция обнаружила, что задержанный включен в реестр сексуальных преступников за правонарушение, совершенное 26 годами ранее, – растление несовершеннолетней.

Я убрала газету, чувствуя удивление и радость от того, что дело Киры скоро разрешится. Еще раз позвонила профессору Шмоеру, и он снял трубку со второго гудка.

– Полагаю, ты все узнала, – вместо приветствия.

– Это хорошая новость. В «Пресс» очень толковые журналисты, этого у них не отнимешь.

– Да уж. Они молодцы. Я же... сам по себе. Весь мой отдел анализирует отчетность компаний из индекса NASDAQ или рейтинга «Стэндард энд пурс», и я единственный, кто время от времени пытается освещать несколько более... скажем так, трагичные происшествия.

– Но ведь кто-то должен это делать?

– Возможно, ты права, Мирен. В любом случае это хорошая новость. И... не беспокойся о задании. У тебя еще есть время написать статью об утечке, как у других.

– Киру пока не нашли. Мое расследование пока не завершено, профессор. Я могу представить доклад, который охватывает развитие событий до этого момента, но предстоит еще много работы.

– Отлично, Мирен. Лучшее качество журналиста, который ведет расследование, – упорство. Я всегда это говорил. С этим нужно родиться, это нельзя развить. Любознательность – вот что нас определяет, это желание расставить все по своим местам, как бы трудно это ни было.

– Я знаю. Ты всегда повторяешь это на занятиях.

– Это единственное, что стоит запомнить. В этой работе больше страсти, чем таланта, больше настойчивости и усилий, чем гениальности. Конечно, это полезные качества, но если тема тебя захватила, ты не сможешь отказаться от нее, пока не выяснишь правду.

– А правда заключается в том, что Киру до сих пор не нашли.

– Именно, – подтвердил он.

Я заметила, что Шмоер говорил как-то странно. Его голос дрожал, но я списала это на плохую передачу звука.

Повесив трубку, я вернулась в здание суда с бречелем для Пола. Он показался мне неплохим парнем – типичный клерк, на которого никто не обращает внимания, и мне было немного жаль, что он томится в архиве в одиночестве. Выпечку я купила в сетевой уличной палатке, и Пол поблагодарил меня улыбкой.

– Ты меня избалуешь, – сказал мужчина радостно. Он все так же сидел за столиком у входа, и я попросила его об одолжении, прежде чем снова нырнуть в ту полную мерзости комнату.

– Можешь мне помочь отыскать кое-что? – Я сделала жалобное лицо.

– Конечно, без проблем. У меня особо нет дел, кроме как разобрать всю эту кучу бумаг, но это потерпит.

Я улыбнулась и положила на стол газету с лицом Дж. Ф. на всю обложку:

– Можно ли как-то разыскать его дело в реестре сексуальных преступников?

– Если он совершил преступление в штате Нью-Йорк, то должен быть здесь.

– А ты сможешь мне найти его?

– Как его зовут?

– Не знаю. Если верить статье, это Дж. Ф. и ему вынесли приговор двадцать шесть лет назад.

– Я посмотрю.

– Спасибо, Пол.

– Пожалуйста.

Мы вместе вошли в комнату с делами, и я продолжила с того места, на котором остановилась. Пол начал перебирать коробки из семидесятых годов. В какой-то момент он спросил меня, почему я ищу в девяностых, на что пришлось дать пространственный ответ и продолжить откладывать досье в сторону после просмотра фотографий. После случившегося годом ранее мне стало трудно оставаться наедине с незнакомыми мужчинами, я перестала доверять им, и содержимое этих коробок отнюдь не облегчало мои внутренние страхи. Теперь, когда Пол открывал коробки и просматривал их содержимое на столе, мне было не по себе.

Вскоре послышался крик:

– Нашел! Вот он! Джеймс Фостер. Дж. Ф. Обвинен в сексуальных отношениях с несовершеннолетней по обоюдному согласию в 1972 году.

– По обоюдному согласию?

– Ммм, похоже на то. Потерпевшей было... Где это указывают?

– В графе «возраст потерпевшей», – с серьезным видом подсказала я.

– Ах да. Семнадцать. А ему тогда было... восемнадцать.

– Что? Это какая-то ошибка...

– Он женат и живет в Дайкер-Хайтс с женой и двумя детьми, двенадцати и тринадцати лет.

– Ты уверен, что это он? Дайкер-Хайтс?

Пол протянул мне досье. Это был один и тот же человек. Обычный мужчина, если рассматривать фотографию. Но трудно судить о таком по внешнему виду. Он производил впечатление хорошего отца, не казался опасным и не имел истории жестокого обращения с детьми. Но все написанное не имело значения. Такие

люди хорошо скрываются. Это их главное умение. Среди них есть судьи, врачи, полицейские, учителя и священники, и их фасад настолько безупречен, что не вызывает ни малейшего подозрения, пока их не поймают с поличным. И даже если поймают, их нормальность обескураживала на допросах. Все это было просто омерзительно.

– Какие-то дополнительные сведения?

– Не по закону Меган. В этой комнате можно ознакомиться только с кратким содержанием дела и приговором, то есть с тем, что будет доступно в цифровом формате.

– А ты не можешь раздобыть полное досье?

– Боюсь, нет. Это закрытая информация, доступная только адвокату и... ну, в общем, государству.

– Ладно.

– Тебе нужно что-то еще?

– Побывать в одиночестве, – бросила я с натянутой улыбкой. Мои слова застали Пола врасплох. Я ощутила укол вины. Его присутствие меня немного напрягало, и я перегнула палку. Он уже выходил из комнаты с недовольным видом, когда я крикнула:

– Большое спасибо, Пол. Прости.

Его губы дернулись, и он исчез в коридоре, оставив меня одну. В окружении горы коробок я чувствовала себя ужасно.

Я вернулась к досье девяностых годов. Закончив перебирать содержимое коробок, я переставляла их на другую сторону стола. Потом они вернутся на свои обычные места и будут и дальше собирать пыль на полках. Здесь были досье жестоких насильников, тех, кто мастурбировал на публике, худших преступников, но всех их объединяло одно: это были мужчины всех социальных слоев и любых национальностей. Я очень устала и уже собиралась закончить и вернуться на следующий день, когда в голове вспышкой пронесся образ самой темной ночи в моей жизни. Лицо на снимке нельзя было ни с кем спутать. Это было единственное неизгладимое воспоминание о тех минутах. Передо мной лежало досье одного из мужчин, изнасиловавших меня в прошлом году.

Глава 21

Удивительно, как бежит время, когда ты хочешь, чтобы оно замерло, и как медленно оно тянется, когда тебе нужно, чтобы оно ускорилося.

1998

Следующие десять часов пролетели как один миг. Каждая минута без Киры ощущалась острой иглой в сердцах родителей; было двенадцать часов следующего дня, и они с потерянным видом сидели в гостиной в присутствии нескольких полицейских на случай, если кто-то позвонит и потребует выкуп.

– В настоящее время мы допрашиваем всех жильцов и арендодателей дома 225 по 35-й улице, где была найдена одежда Киры, – сообщил агент Миллер, как только приехал на следующее утро. – Мы также опрашиваем заведения в округе и запросили копии записей с ближайших камер наблюдения. К счастью, на предприятиях, вокзалах и в общественных зданиях Манхэттена расположено более трех тысяч камер наблюдения. Если человек, у которого находится ваша дочь, прошел мимо одной из них, мы найдем ее.

Речь звучала гладко, но реальность была не такой радужной.

Большинство камер в 1998 году функционировали как небольшая замкнутая система, записывая и перезаписывая видео на одну и ту же кассету, и в лучшем случае один цикл записи длился от шести до восьми часов. То есть это были камеры для наблюдения в режиме реального времени с целью предотвращения краж и вандализма. Система редко использовалась для поиска преступников, но агент Миллер предпочитал держать эту информацию при себе, не желая признавать, что они блуждали в потемках. В любом случае это был дополнительный инструмент, а не основа расследования.

Следствие также сосредоточилось на поиске одной из немногочисленных свидетельниц исчезновения – актрисы, нанятой для раздачи воздушных шаров детям в конце парада. ФБР связалось с

универмагом «Мэйсис», и его руководство дало доступ ко всем архивам, камерам наблюдения, контрактам, а также выразило готовность приложить все усилия, чтобы отыскать компанию, ответственную за наем персонала и, в частности, девушки в костюме Мэри Поппинс.

После четырех часов дня в офис ФБР в Нижнем Манхэттене вошла молодая хрупкая девушка, готовая дать показания агентам.

Но и это заявление не смогло пролить свет на случившееся или стать поворотным пунктом в расследовании. Согласно показаниям актрисы, она видела девочку – ее она опознала по выданной фотографии – улыбающейся и с отцом. Затем произошла небольшая суматоха, и вскоре отец вернулся, отчаянно расспрашивая всех про свою дочь. Чуть позже актриса, как и несколько людей в толпе, присоединилась к крикам, но после этого она больше ничего не видела. У нее сняли отпечатки пальцев и разрешили отправиться домой. Ее версия полностью совпала с версией Аарона, который в то время вместе с группой волонтеров, соседей и коллег расклеивал по центру Нью-Йорка плакаты с фотографией своей дочери.

К полуночи второго дня лицо Киры можно было увидеть повсюду: на фонарных столбах и будках, на киосках с хот-догами, на дверях каждого кафе и каждого ресторана, на мусорных урнах и летящим по городу – напоминание о девочке, которая вот-вот станет самой большой загадкой в стране. Дни пролетали, а новостей о Кире не было, что только усугубляло боль охваченных ужасом родителей. Неделю спустя, когда рана была еще совсем свежа, Америка, проснувшись, увидела лицо Киры на первой полосе «Манхэттен пресс» с заголовком: «Вы видели Киру Темплтон?»

В статье подробно описывалось все, что произошло после ее исчезновения, и указывалось несколько телефонных номеров, по которым можно было сообщить о местонахождении несчастной девочки. Один из них был номером примитивного колл-центра, который Аарон и Грейс создали у себя дома: несколько телефонов, подключенных между собой на столе, где четыре добровольца, соседи и близкие друзья, отвечали на звонки и записывали любую информацию.

В тот день телефон разрывался. Сомнительные зацепки поступали со всей страны: очень похожая на Киру девочка играла в парке в Лос-

Анджелесе, подозрительный парень проходил мимо школы в Вашингтоне, им диктовали бесконечный список номерных знаков белых фургонов, припаркованных в бедных кварталах вот уже несколько дней, малоимущая пара удочерила девочку в Нью-Джерси. Кира была везде и нигде одновременно. Она превратилась в призрака, который в одно мгновение пронесся по всей стране, – милая девчушка, которую все обожали, но никто не знал. Тем же вечером некоторые ассоциации по поиску пропавших детей организовали марши в знак протеста против очевидного бездействия властей, которые еще не заняли определенную позицию по этому вопросу. Звонки поступали на коммутатор один за другим, и все они слегка присыпали тайну, но никто этого не заметил, пока не стало поздно. Первые минуты свидетельств сменились первыми часами, первые часы – ночью, и ее начали видеть в каждой тени, а на рассвете все эти крупинки превратились в плотный серый слой, где невозможно было уже ничего разобрать. В течение дня Аарон и Грейс несколько раз выходили на встречу с представителями прессы, которые проявляли повышенный интерес к этому делу после того, как новость вышла на первой полосе «Пресс», и делали заявления для различных СМИ, надеясь придать поискам дочери новый импульс. Но к полуночи пришло осознание – они сидят совершенно без сил на диване в собственном доме, сквозь шторы мерцают рождественские огни всего района, а телефоны разрываются от все более абсурдных сообщений: медиум предлагает вызвать ее дух, экстрасенс разглядела труп в кофейной гуще, какой-то испанский писатель утверждает, что девочка стала мишенью подпольной секты.

У дома припарковался серый «Понтиак», и Аарон с Грейс вышли навстречу. Лицо агента Миллера было серьезным.

– Что происходит? Какие-то новости?

– Мы полагаем, что задержали виновного, мистер и миссис Темплтон, – выдохнул он.

– Ее нашли?!

– Не так быстро. Пока нет. Мы задержали подозреваемого и допрашиваем его.

– Кира у него? Где она?

– Пока неизвестно. Вчера мужчина пытался похитить девочку неподалеку от места исчезновения Киры, и мы ничего не исключаем.

Возможно, он где-то держит ее. Мы проверяем его слова, пока рано что-либо утверждать. Из его автомобиля изъяли различные предметы, и мы хотим выяснить, принадлежат ли какие-либо из них Кире.

Агент достал прозрачный пластиковый пакет с белой блестящей заколкой, и слеза, скатившаяся по лицу Грейс, накрыла ее губы с нежностью легкой океанской волны. Это была радость пополам с печалью. Эта слеза никогда не будет похожа на другие, и Грейс не тронула ее, ощущая влажность на коже, пока та не испарилась.

– У нее много похожих, – неуверенно сказала она.

– Вы думаете, это может быть ее заколка?

– Я не... Я не знаю. Возможно.

– Хорошо.

– Агент, вы думаете, Кира у него? – перебил Аарон, в нем боролись надежда и страх.

Миллер промолчал. Любое неверное слово в ответ могло стать ударом для родительской души.

– Пустите меня к нему. Мне нужно увидеть его лицо, – решительно заявил Аарон.

– Нет, мистер Темплтон. Это невозможно. Пока рано.

– Агент Миллер, я должен увидеть лицо этого ублюдка. Прошу вас.

– Мы все еще не знаем, виновен ли он.

– Пожалуйста.

Миллер посмотрел на Грейс, а затем снова перевел взгляд на него. Аарон выглядел жалко. Беспорядочно торчащая щетина, глубокие серые круги под глазами, красные и отчаявшиеся глаза. Он уже несколько дней подряд не менял одежду.

– Я не могу, Аарон, правда не могу. Это не принесет пользы ни вам, ни расследованию. Мы обязательно найдем Киру. Оставайтесь здесь, и завтра я сообщу вам все новости. Мы трудимся без остановки. Я приехал лично, потому что считаю, это самое малое, чего вы заслуживаете. Мы уже близко.

Аарон обнял Грейс, и на секунду она почувствовала тепло мужа. Всю прошлую неделю он был холоден, как будто его прикосновения ничего не значили, как будто каждый жест привязанности был намеком на скрытое извинение. Но в этот раз это было похоже на надежду. Ведь когда тонешь, невозможно чувствовать любовь, когда болит душа,

сердце способно лишь искать виновных. Эта новость прикрыла рану бинтом, как будто в ее силах было исцелить отношения и заштопать проблемы, которые начали возникать на фоне взаимных обвинений. Грейс вздохнула в объятиях мужа, почувствовав некоторое облегчение; тем временем Миллер попрощался и сел в машину. Они смотрели, как красные огни автомобиля уносятся на запад, и думали о том, как перестали любить друг друга, когда Кира исчезла, потому что до ее рождения они и подумать не могли, что смех этой маленькой девочки, до сих пор звучащий в памяти, станет для них необходим как воздух.

– Они найдут ее, – сказал Аарон. – И скоро нас снова будет четверо.

Он погладил живот жены, ощутив легкий изгиб под водолажкой Грейс, и понял, что в последний раз делал это неделю назад, всего за несколько мгновений до исчезновения Киры.

– Как Майкл?

– Не знаю. Он не шевелится уже несколько дней.

Глава 22

Самое страшное в темноте – наблюдать, как догорает пламя последней свечи.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

Миллер прибыл при первой возможности. На въезде в тоннель Хью Л. Кэри, соединяющий Манхэттен с Бруклином, он попал в продолжительный затор из-за лобового столкновения двух автомобилей. Агенту пришлось сделать несколько звонков, извиняясь, что он не заедет в офис, и когда два часа спустя он смог тронуться с места, его взгляду предстал кран, поднимающий обломки двух автомобилей, и две машины «Скорой помощи», делающие то же самое с тремя телами. Несколько парамедиков оказывали помощь раненым в результате смежных аварий. Миллер не привык к свежим трупам, и вид полиэтиленового мешка поблизости вызвал у него тошноту. Большинство дел, над которыми он работал, заканчивались хорошо за редким исключением, когда пропавшие люди исчезали бесследно. Порой недели, а то и месяцы спустя в какой-нибудь глуши находили тело – уже без крови, зачастую просто кости, и боль была уже не такой острой, хотя горе от этого не становилось менее душераздирающим. Миллер припарковался у дверей четырехэтажного многоквартирного дома из красного кирпича рядом с Проспект-парком, где последние пять лет жила Грейс.

– Как вы? – спросил он с порога.

– Ты припозднился, Бен. Где ты был? – нервно спросил Аарон, распахнув дверь с такой скоростью, что у Миллера перехватило дыхание.

– На въезде в тоннель серьезная авария, не проедешь ни назад, ни вперед. Ужасное зрелище. Когда расчистили проезд, я увидел труп на

асфальте и много раненых. Почему такая срочность? Что-то случилось?

– На этот раз все по-другому, Бен, – сказал Аарон.

– Что случилось?

– На кассете. Ее нет. Киры там нет, – взволнованно вставила Грейс.

– О чем ты?

Миллер ничего не понимал, но сохранял спокойствие. Оглядевшись по сторонам, он отметил, что квартире Грейс не помешала бы уборка.

– Такого раньше не было. Никогда! – воскликнул Аарон. – За эти годы мы получили три записи, и Кира всегда была на них. Но сейчас... на четвертой... ее нет. Комната пуста.

– Я могу посмотреть видео?

– Конечно, кассета уже вставлена, – ответила Грейс.

Его проводили в гостиную и, перемотав запись, нажали на кнопку старта. Поняв, что Грейс и Аарон говорят правду, Миллер поднес руки ко рту.

– Где кассета была в этот раз? Кто вам ее дал?

– Дома. В нашем старом доме. Как и в первый раз.

Не отрывая взгляд от экрана, Миллер кивнул.

– В прошлые разы вторая и третья кассета появились в твоём кабинете, Аарон, и на скамейке в парке, так?

– Да.

После развода супругов в 2000 году Грейс какое-то время продолжала жить в доме, где они официально были семьей Темплтон, но в 2007 году им пришлось сдать его в аренду. Грейс не выносила одиночества в этих стенах, с нетерпением ожидая любого звонка, подсказки или новости о судьбе Кире. Невыносимая боль и постоянные упреки привели к тому, что бывшие супруги поддерживали отношения только тогда, когда вновь появлялась надежда найти Киру. Но эта иллюзия появлялась и исчезала лишь на пару недель раз в несколько лет в виде случайно появляющихся кассет. Рождественские огни квартала стали метафорой их жизни, потому что Темплтоны с горя перестали украшать свой дом, а соседи, по утрам дарившие им сочувственные взгляды, вечером зажигали гирлянды,

напрочь позабыв о боли, которая царила в единственном доме в округе, где сад не наводнили олени, эльфы и пластмассовые снеговики.

Дом Темплтонов сняла семья индийцев с двумя детьми, чей отец владел парой супермаркетов в центре города. В день подписания договора аренды Аарон и Грейс попрощались с супругами, слыша смех двух детей, играющих и поющих на хинди в комнате, которая когда-то служила колл-центром для получения информации о Кире. Мистер Свагхат с женой обещали, что наполнят этот дом счастьем и немедленно сообщат, если для Аарона и Грейс придет посылка. Они согласились на это странное условие в обмен на небольшую скидку. Но за исключением первого года единственной почтой, которую они получали по этому адресу, были письма из казначейства с требованием уплаты местных налогов.

Первая кассета появилась в почтовом ящике в 2003 году, в День благодарения, когда Грейс еще жила там, но следующие две появились случайным образом в разных местах. Так, в августе 2007 года вторая кассета целую неделю пролежала в кустах возле страховой компании Аарона, где тот раньше работал. Обнаружив ее, бывшая коллега позвонила Аарону: она видела статью Мирен Триггс в «Манхэттен пресс», когда прислали первую кассету.

Третья, и последняя, запись очутилась в феврале 2009 года на скамейке в бруклинском Проспект-парке, недалеко от места, куда переехал Аарон, и только спустя почти три дня бездомный за пару сотен долларов передал ее «Си-би-эс».

Эти три записи Киры произвели такой фурор, что последнее видео показали в новостях еще до того, как его увидели родители и изучила полиция. Местный сатирический журнал даже опубликовал раскритикованную позже карикатуру – рисунок переполненного пляжа с надписью «Где Кира?» по аналогии с популярными книгами «Где Уолли?». Терпение Аарона и Грейс лопнуло, и они решили держаться подальше от СМИ.

Поиски Киры, некогда объединившие половину планеты, теперь превратились в спектакль, и безутешные родители чувствовали себя ужасно. Штат Нью-Йорк срочно принял закон о запрете демонстрации и распространения жизненно важных улик во время расследования, чтобы хоть как-то ограничить цирк, в который превратилось это дело. Так называемый закон Киры прошел в марте 2009 года без затруднений

и изменил отношение к следственным процессам, хотя он также иногда использовался политиками и бизнесменами для защиты своих медийных задниц, когда их обвиняли в каких-то нарушениях. Закон Киры подвергся общественной критике как ограничивающий свободу информации, и вскоре под давлением прессы, которая требовала большей прозрачности расследований, его пришлось отозвать. В результате в 2009 году был принят новый закон Киры – Хьюм – по имени предпринимательницы, которая подала в суд на газету «Уолл-стрит дэйли» за публичное раскрытие серьезных нарушений, которые Федеральная торговая комиссия обнаружила в ее компании, проводившей анализы крови. Новый закон запретил распространять информацию о текущем расследовании преступлений, связанных с похищением, убийством или изнасилованием, но не в случае коррупции, мошенничества и других серьезных экономических преступлений. Это означало, что в случае появления нового видео с Кирой медийного цирка удастся избежать. В итоге некие коллекционеры кассет начали выставлять на торгах видеозаписи с Кирой на нелегальной онлайн-площадке «Силк-роуд» по все более заоблачным ценам.

На каждой из трех записей люди пытались отыскать какую-нибудь зацепку, которая помогла бы в расследовании, но все попытки за эти двенадцать лет оказались тщетными: проводились анализы отпечатков пальцев и ДНК, в районе искали свидетелей, а камеры наблюдения в округе проверялись на предмет совпадений между записями разных лет.

Запись 2007 года, казалось, пролила некоторый свет на это дело. Кассету подбросили к бывшей страховой компании Аарона, где были установлены камеры наблюдения на фасаде и на углу здания. На одной из записей за август было видно, как чей-то силуэт, похожий на женщину с вьющимися волосами, подошел перед рассветом к офису и оставил там мягкий коричневый конверт, в котором позже нашли кассету. Были проанализированы камеры в зонах, у банкоматов, супермаркетов и магазинов, даже на въездах в тоннели и автострады, но ни на одной из них силуэт не появился вновь.

Тогда агент Миллер разъяснил семье Темплтон ход событий и передал им несколько изображений темной фигуры в кадре, но это привело лишь к тому, что две исстрадавшиеся души начали видеть эту

ть в каждом встречном человеке. Дело нисколько не сдвинулось с места, а лишь растравило надежды и боль измученных родителей с незаживающей пустотой в сердце. Первая кассета в 2003 году воспринималась иначе. Тогда эмоции были куда сильнее и продолжительнее, потому что надежда стала словно лезвием ножа – чем острее оно ранит, тем больше боишься дотронуться вновь. Впоследствии, когда появлялось новое видео с Кирой, в сердцах Аарона и Грейс зажигался слабый огонек, ненадолго разгоняющий тьму, от которой не было спасения.

– Что это, по-твоему, значит, Бен?

– Не знаю, Грейс. Возможно, это последняя кассета, которую мы получим.

Глава 23

От чего еще бежит человек, как не от монстров из прошлого?

Мирен Триггс

1998

Когда я вышла из судебного архива, было уже темно, и я почувствовала себя в опасности, едва ступила на тротуар. Выйдя на Бивер-стрит в Нижнем Манхэттене, я на мгновение заколебалась, не позвонить ли снова профессору Шмоеру, который всегда был готов проводить меня домой, но почему-то не смогла заставить себя сделать это. Часть меня простила его за то, что он меня оттолкнул, но встретиться с ним лично было выше моих сил. До дома пешком было слишком далеко, и единственным вариантом было метро. Ближайшей станцией была «Уолл Стрит», и мне предстояла сорокапятиминутная поездка в северном направлении до «116-й улицы». Оттуда всего одна улица – и я дома. На словах проще простого, но для меня это было испытанием.

Я шла к станции метро, борясь с холодным южным ветром, который дул с Нижнего Манхэттена и замораживал любой выбившийся волосок, и не успела спуститься по лестнице, как мой страх дал о себе знать. Какие-то парни прислонились к двери по обе стороны, спасаясь от холода, и болтали то ли о бейсболе, то ли о баскетболе. Я с независимым видом прошла мимо них (другого варианта не было), и их разговор оборвался. Они устремили на меня взгляды, облизали губы, собираясь наброситься на добычу, и, прибавив шаг, я оставила парней позади.

Мимо турникетов проходила молодая пара, и я догнала их. Замедлив шаг, пошла рядом с ними, как будто наличие свидетелей каким-то образом могло спасти меня от страхов. Два парня бодро шагали навстречу, и я снова ускорила шаг, двигаясь к платформе третьей

линии в сторону Гарлема. Парни последовали за мной и показали на меня пальцем. Они обменялись заговорщицким взглядом, и я начала озираться в поисках кого-то, кто мог бы мне помочь.

Здесь.

Не было.

Ни души.

Нужно было бежать. Нужно было спешить отсюда. На мгновение во мне проснулось желание спрыгнуть на пути и скрыться в темном тоннеле, но я знала: это верная смерть.

Я не могла допустить, чтобы это случилось со мной снова.

Подняв голову, заметила, что камера наблюдения как раз направлена туда, где я стояла, – если остаться здесь, то хотя бы один охранник заметит происходящее и придет на помощь.

Глубокий вдох.

На платформе между двумя путями через каждые несколько метров были установлены синие колонны, и я прислонилась к одной из них, надеясь, что парни потеряют меня из виду и успокоятся.

– Эй, ты! – крикнул один из них.

– Послушай, почему ты бежишь? – вторил ему другой.

Их голоса раздавались менее чем в десяти метрах. Я перепроверила, что нахожусь в поле зрения камеры. «Если ты ее видишь, то и она видит тебя», – сказала я себе и несколько раз отчетливо прошептала «помогите», надеясь, что охранник по ту сторону экрана придет мне на выручку. Эти секунды показались мне вечностью. Я чувствовала себя одинокой и беззащитной.

Снова.

Задыхаясь, я закрыла глаза и увидела, как мерцают огни фонарей в том парке, как лицо из досье улыбается мне сверху, вспомнила, как между ног струилась горячая кровь, когда я вернулась домой.

Звук приближающегося поезда ворвался на станцию, и, когда колеса закрипели по стали рельсов, двое парней остановились рядом со мной с недоуменным выражением лица.

– Ты в порядке? – спросил один из них.

– Ты это выронила, – пояснил другой, протягивая папку с именем моего насильника, которую я выкрала из суда.

Помедлив, я кивнула.

– Точно все в порядке? – переспросил парень недоуменно.

– Да... все в норме, – ответила я, одной рукой вытирая слезы, а другой ухватившись за папку. – Повздорила... с начальством.

Один из них фыркнул, второй слегка улыбнулся и мягко сказал:

– Не волнуйся, найдешь другую работу. Это город возможностей, подруга. Здесь происходит только хорошее.

Я промолчала. Поезд остановился и открыл двери, и я проскользнула внутрь, чтобы закончить разговор.

Всю дорогу я перечитывала досье этого парня. Джереми Аллен, разведен (сукин сын). Осужден за сексуальное насилие над пьяной девушкой возле ночного клуба в Бронксе. Возраст потерпевшей: 21 год, чернокожая. Похоже, ему нравятся незащищенные жертвы. Четыре месяца в тюрьме и двенадцать месяцев общественных работ. Текущий адрес: Нью-Йорк, 124-я Западная улица, 176, пятый этаж.

Этот сукин сын жил всего в десяти улицах от меня. Я доехала до станции «116-я улица» и перед выходом из метро набрала домашний номер. Трубку сняла мама.

– Мама? Наконец-то. Я тебе весь день звоню.

– Ох, Мирен. Прости. Твоя бабушка упала, спускаясь с лестницы, и мы весь день провели в больнице.

– Бабушка? Как она?

– Синяки на лице и спине и перелом лучевой кости. Дедушка нашел ее без сознания на лестничной клетке. Порвался пакет с покупками, она потеряла равновесие и упала с верхней ступеньки. Ты же ее знаешь. Вбила себе в голову что-то насчет экологии и признает только бумажные пакеты.

– Но почему она вообще пошла в магазин? Почему вы ей не помогаете? Разве нельзя нанять кого-то, чтобы помогать бабушке и дедушке по хозяйству?

– Помогать им? Твой дедушка не выносит посторонних в доме, ты же знаешь.

– Да какая разница, что думает дедушка? Сам-то он ничего не делает. Разве что яйца чешет, но тут ему помощники не нужны.

– Мирен, не говори так. Это твой дедушка.

– И он шовинист, – отрезала я.

– Он вырос в другую эпоху, Мирен. Его так воспитали. Раньше мужчин воспитывали... ну, по-мужски.

– По-мужски? С каких это пор это считается мужским поведением? В его детстве телевизора не было, а теперь – пожалуйста. Он неплохо адаптировался к тому, что его интересует.

Мама вздохнула. Ее беспокоило, как я отзываюсь о ее отце, но я воспринимала это иначе. С самого детства, когда я приходила к ним в гости, меня всегда раздражало, что меня заставляют убирать со стола, пока моим двоюродным братьям разрешалось играть. Однажды я возмутилась, и ответ дедушки был однозначным:

– Мальчики не моют посуду, Мирен.

Моя бабушка мирилась с этим, и хотя я обожала их обоих, внутри меня кипела злость из-за подобной несправедливости.

– Я слышу шум, Мирен. Ты купила мобильный телефон?

– Да.

– Скажешь мне номер?

– Ммм... я его не знаю. Перезвоню тебе из дома, когда выясню.

– Ты на улице в такое время? – воскликнула она в ужасе.

– Еще не поздно, мама.

– Да, но уже темно. Ты ведь поэтому мне позвонила?

Звук моих шагов по улице отдавался эхом в телефоне. Мимо проехало несколько машин, а через каждые два-три дома у входа болтала группа мужчин. Проходя мимо них, я задавала вопрос маме, чтобы они знали, что я разговариваю по телефону.

– Да, – призналась я. – Я уже почти дома. Мне... мне было слегка одиноко.

– Ты можешь звонить мне, когда захочешь, хорошо, дочка?

– Я знаю. Как дела у папы?

– Тебе еще далеко?

– Две минуты.

– У него все хорошо. Телевизор смотрит. Ты купила билет, чтобы приехать на выходные? Бабушка будет в восторге.

– Я была занята. Завтра обязательно куплю.

– Хорошо. На улице все спокойно?

– Здесь есть люди, но я бы предпочла поболтать с тобой. Точно не отвлекаю?

– Конечно, нет, дорогая. Секундочку, только огонь потушу.

– Что ты готовишь? – спросила я, миновав последнюю группу перед домом.

– Сосиски, но твой отец уже машет, что не будет ужинать. Хочешь поговорить с ним?

– Да нет, я уже почти пришла.

– Я рада, дочка.

– Все, дома.

– Точно?

– Да, открываю дверь.

Когда зазвенели ключи, мама выдохнула гораздо спокойнее.

– Я люблю тебя, дочка.

– И я тебя люблю, мама. Если завтра купишь сотовый, позвони мне, и я сохраню твой номер.

– Хорошо. Завтра обязательно все сделаю. Сладких снов, милая.

– Папе привет.

– Передала.

Нажав отбой, я вошла в дом – здесь было темно, как и во всем районе. Я повернулась запереть замок, но, едва дверь закрылась, из тени наверху лестницы послышался мужской голос:

– Мирен, постой. Это я.

Глава 24

Порой невинность играет на стороне зла.

28 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

В кармане брюк агента Миллера зазвонил телефон, и он извинился перед Аароном и Грейс, которые смотрели на него с недовольством и тревогой.

– Агент Миллер? – поздоровался собеседник. – Это Коллинз, криминалист.

– Что-то срочное? Я сейчас говорю с семьей, – ответил Миллер и отошел в сторону тротуара.

– Мы нашли пять отпечатков на конверте. Правая рука полностью.

– Правда? Это фантастика!

– Да. Но... не все так просто. Вы не поверите.

– В чем дело?

– Это детские отпечатки.

– Детские?

– Вы не ослышались. Они маленькие, размером с руку ребенка восьми-девяти лет. Сначала мы подумали, они могут принадлежать Кире.

– Вы серьезно думаете, что Кира передала кассету?

– Дайте мне закончить. Это была наша версия, но она не подтвердилась. Через дактилоскопическую систему мы сделали модель на основании имеющихся у нас отпечатков Киры с поправкой на возраст. Они хранятся у нас в базе с момента ее запуска в 1999-м – это было через год после ее исчезновения. Так вот, ни структура, ни пальцевые узоры – ничто не совпало. Это не ее отпечатки. Мы еще ждем от отдела судебной экспертизы анализа элементов ДНК на конверте, но в это верится с трудом. Это другой ребенок, точно говорю. Вероятно, также пропавший. Мы проверяем совпадения в базе данных

по отпечаткам пальцев и уже провели поиск по реестру разыскиваемых детей с 1990 года, но безрезультатно. Возможно, у того, кто похитил Киру, есть еще один ребенок.

Пока агент Миллер внимательно слушал, Аарон и Грейс обменивались встревоженными взглядами, пытаясь уловить, не идет ли речь о какой-то зацепке в деле.

– Мы тут обсудили это дело, возможно, удастся надавить на правительство штата... – продолжил Коллинз немного нервно, – чтобы запустить кампанию и выдавать детям удостоверения личности в школах. Возможно, тогда нам удастся... ну, идентифицировать отпечатки пальцев на конверте.

– Но ведь есть шанс, что этот ребенок не станет делать удостоверение личности? И тогда все это будет зря.

– Ну... ничто другое нам пока на ум не пришло. Это первый случай, когда главным подозреваемым является ребенок.

Миллер вздохнул.

– Не волнуйтесь, думаю... – Он оборвал себя на полуслове и с виноватым видом огляделся вокруг. Женщина, ранее занимавшаяся гортензиями, теперь подрезала секатором живую изгородь, дети бросили велосипеды на землю и рисовали мелом на тротуаре, мужчина средних лет доставал из почтового ящика экземпляр журнала «Нью-Йоркер» – на обложке красовался портрет известного кинорежиссера, который пару месяцев назад угодил в тюрьму.

– ... я перезвоню, Коллинз.

– Что происходит? Что они обнаружили? – с обеспокоенным видом спросил Аарон, едва Миллер приблизился к ним.

Тот закончил звонок и вскинул руку, призывая к терпению. Аарон положил ладонь на плечо Грейс, и этот жест был полон печали, как он ни старался это скрыть. Миллер подошел к соседу и попросил у него журнал. Мужчина с удивлением смотрел, как затем агент приблизился к детям и присел на корточки.

С того места, где стояли Аарон и Грейс, разговор не был слышен, но они увидели, как Миллер сунул руку в пиджак, вытащил купюру и протянул ее мальчишкам. Один из них вскочил на ноги, схватил банкноту, а затем журнал. Другой последовал за ним, и они побежали в направлении дома Темплтонов. У почтового ящика они остановились: один из мальчишек открыл его, а другой свернул журнал и засунул его

внутри. Потом дети побежали обратно к агенту, и тот выдал им еще по купюре.

Разговор затягивался. Мальчик повыше ростом пару раз кивнул, а второй просто стоял рядом. Несколько минут спустя Миллер вместе с темноволосым мальчиком направился в сторону дома Темплтонов, а хозяевам оставалось только теряться в догадках.

– Мистер и миссис Темплтон, позвольте представить вам вашего соседа...

– Зак. Я Зак Роджерс... живу через четыре дома отсюда. Мои родители – Джон и Мелинда Роджерс.

Мальчик сунул руки в карманы, явно чувствуя себя неудобно.

– Отлично, Зак. И о чем ты хочешь рассказать? Волноваться не о чем.

– Мне очень жаль, честно-пречестно, – сказал он, опустив голову.

Грейс опустила на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. Аарон нахмурился, и его лоб прочертила кривая линия, предвосхищающая будущее.

– В чем дело, дружок? – мягко спросила Грейс. – Пожалуйста, не волнуйся. Что бы это ни было, все будет хорошо. Знаешь, у нас есть дочь, примерно твоего возраста... Вы бы с ней обязательно подружились. Надеюсь, вам однажды удастся поиграть вместе.

Зак, казалось, слегка успокоился и сглотнул, прежде чем продолжить.

– Простите за конверт... Я не хотел... Я не хотел, чтобы вы плакали, миссис Темплтон.

– Что? – озадаченно переспросила она.

Мальчик занервничал и устался на землю. Миллер слегка похлопал его по спине, призывая продолжать.

– Не волнуйся, Зак. Ты не сделал ничего плохого. Расскажи им. Они поймут. Ты правильно поступил, – сказал он ободряющим тоном.

Вскинув голову, Зак несколько раз громко шмыгнул, пытаясь втянуть соплю.

– Одна... женщина дала мне десять баксов, чтобы я положил конверт в ваш ящик. Я не знал, что вы расстроитесь, а то бы не стал так делать.

– Женщина?! – удивленно воскликнул Аарон.

– Кто она? Как она выглядела? – спросила Грейс.

– Не знаю... я ее раньше не видел... У нее светлые кудрявые волосы... но она обычная. Я подумал, это почтальон. Она дала мне конверт и десять долларов и сказала положить его в ящик. Я не знал, что это плохо... Простите. Она плакала, и я хотел ей помочь. Я сказал, что денег мне не надо, но она настаивала. Честное слово, я отказался от денег, но она сказала, я их заслужил.

– Дружище... ты действительно не сделал ничего плохого, – повторил агент Миллер. – Наоборот. Это нам очень поможет.

– Как? – спросил мальчик.

– Банкнота все еще у тебя? Мы можем взять с нее образец ДНК.

– Эээ... да. У меня дома, в копилке, – с тревогой ответил Зак.

– И ты помнишь, как выглядела эта женщина?

– Я же вам сказал. Блондинка с вьющимися волосами.

– Да. Но... знаешь, что такое фоторобот? – улыбнулся Миллер, а Грейс, выпрямившись, поднесла руку к губам.

Мальчишка кивнул, и Миллер звучно выдохнул:

– Она у нас на крючке!

Глава 25

Шаткость карточного домика осознаешь только тогда, когда кто-то вытаскивает одну из карт.

1998

Лицо гинеколога было непривычно серьезным, брови нахмурены, чего не было ни на одной из предыдущих консультаций. Грейс вздохнула, прежде чем набраться смелости и заговорить. Аарон крепко сжимал руку жены, а она раздраженно морщилась от постоянного давления аппарата УЗИ, пока врач настойчиво пыталась найти удобное положение.

– Что случилось? С Майклом все хорошо? – спросила женщина, вздрогнув от очередного прикосновения гинеколога.

Доктор Эллис вела еще первую беременность Грейс. Она была милой и доброй, и с первого же приема создавалось впечатление, что она обращается и к матери, и к ребенку, шутит с обоими, как будто крошечный эмбрион, растущий в утробе, мог ее слышать. Аарон был напряжен. С тех пор как Грейс сказала, что не чувствует Майкла, он был настороже: обычно жена все время чувствовала слабое бульканье в животе – словно трескаются зерна попкорна – из-за крошечных толчков плода длиной всего несколько сантиметров.

– Возможно, Майкл ведет себя смиренно из-за беспокойства о Кире. Он наверняка думает о своей сестре и поэтому не так активен, как обычно, – успокоил Грейс муж, услышав об этом впервые.

Но одна за другой проходили минуты, казавшиеся вечностью, а доктор Эллис по-прежнему не улыбалась и не отпускала шутки, как вырос негодник Майкл, какое положение он занял в утробе матери, застенчив он или общителен, и родители поняли, что что-то не так.

После нескольких минут молчания доктор выключила аппарат УЗИ и посмотрела на родителей, осознавая, что ее слова станут для них последней каплей.

– Мне трудно говорить об этом... но... вы должны знать, плод не развивается. У него нет пульса, и он перестал расти около трех или четырех дней тому назад, судя по размеру бедренной кости и окружности черепа.

Грейс отпустила руку Аарона и поднесла ладони к лицу.

– Нет... нет... пожалуйста, Эллис, нет... это какая-то ошибка. Майкл в порядке. Я знаю, что он в порядке.

– Грейс, послушайте меня, – ответила доктор серьезным тоном. – Я знаю, сейчас это трудно принять, но такое случается. Вы не бесплодны, у вас еще могут быть дети. Такое происходит гораздо чаще, чем все думают, это не катастрофа.

– Но... две недели назад все было в порядке. Этого не может быть. Что случилось? – вскричал Аарон в поисках ответа.

– Я не могу сказать. Причин бывает множество. Я знаю, у вас сейчас трудный период. Лучше не думать об этом и сосредоточиться на главном. Это ничего не значит.

Аарон заметил, что доктор избегала называть Майкла по имени.

Грейс не слышала ни слова из их разговора, ее мысли вернулись к тому моменту, когда однажды вечером они на всякий случай сделали тест на беременность, считая, что задержка случайна. Но после того, как на тесте появились две линии, однозначно означавшие положительный результат, неуверенность тут же сменилась счастьем: теперь их станет четверо. Эйфория от того, что у Киры будет братик или сестричка, затем сменилась страхом, что они не смогут справиться, следом – сомнениями в способности финансово позволить себе еще одного ребенка, и наконец, после того как Грейс обнаружила младенческие боди и ползунки Киры, – чувством любви и единения, какого они никогда не испытывали раньше. Грейс вспомнилось, как они зашли к Кире, спавшей в своей белой кровати, поцеловали ее, обняли и прошептали на ушко, что она никогда не будет одна.

Но эти воспоминания лишь отвлекали от трагедии их жизни, в которой вся радость испарилась в один миг, когда Санта-Клаус ехал на санях, мажоретки танцевали и весело маршировали под дождем, а белые воздушные шары навсегда затерялись в небе.

Врач продолжала говорить, объясняя, что делать дальше, но Грейс только кивала и отвечала как будто со стороны, а мысли о недостижимом теперь счастье вызывали на ее глазах слезы.

Чуть позже Грейс и Аарон сидели в неудобных пластиковых креслах, пока в операционной готовились к удалению плода, как его называла врач, или Майкла, которым он остался для них обоих. Голова Грейс покоилась на плече у мужа, ее глаза были закрыты, а он невидящим взглядом уставился на место стыка двух плиток на стене коридора: одна плитка была белой, как воздушные шары, которые терялись в вышине, другая – серой, как отражение будущего семьи из четырех человек, превратившейся в скорбящую пару из двух.

Доктор Эллис в белом халате подошла к ним, не поднимая взгляда.

– Идем, Грейс? Все готово, – сказала она своим самым теплым тоном, на который только была способна в этот момент.

Аарон поднялся и поцеловал жену в лоб.

– Это будет быстро. Не волнуйтесь, Аарон. Вы можете подождать здесь. Пройдет пара месяцев, все это станет просто плохим воспоминанием, и вы сможете сделать другую попытку. Я знаю пары, которые пытались забеременеть много раз, у одной было аж восемь выкидышей. Это более распространенное явление, чем вы думаете.

Аарон кивнул и попытался сглотнуть комок, который пережимал его голосовые связки. Силы покинули его, и тихое «Увидимся позже, милая» прозвучало не громче вздоха. Грейс отпустила руку мужа, и их пальцы разъединились с незнакомой прежде легкостью.

Грейс мрачно шла по коридору, как будто с каждым шагом пол под ногами разверзался, и, глядя ей вслед, Аарон осознал, что больше никогда не почувствует нежность жены, ускользающую с кончиков пальцев.

Глава 26

У всех нас есть секреты, которые мы раскрываем близким людям, но некоторые способны запереть их на замок и выбросить ключ на дно озера.

Мирен Триггс

1998

Профессор Шмоер вышел из тени на лестнице, оглушенный моим криком, а у меня чуть не случился сердечный приступ.

– Прости, что напугал, – прошептал он.

Дверь соседки напротив открылась, скрипучий и пронзительный голос миссис Эмбер прогремел на лестничной клетке так, будто исходил не из ее рта, а из громкоговорителя.

– Дорогуша, ты в порядке?

– Прошу прощения, – сказал профессор. – Я напугал вашу соседку.

– Не волнуйтесь, миссис Эмбер. Все в порядке, – сказала я громко и прошептала Джиму: – Ты напугал меня до полусмерти. Что ты здесь делаешь?

– Если я услышу крики, вызову полицию. Ясно, дорогуша? Твоя мама заставила меня пообещать.

– Да. Все правда в порядке. Это пришел... мой друг.

Дверь соседки захлопнулась, и, хотя намерения у нее были благие, я знала, что связываться с миссис Эмбер не стоит. При встрече она всегда хвасталась, столько раз выговаривала почтальону за рекламу, и ей просто перестали присылать всякую чушь. Поверить в это было нетрудно: я видела, как она спорила с кассиром из соседнего супермаркета, что их пакеты рвутся от одного только взгляда, что в упаковках с хлопьями воздуха больше, чем самих хлопьев, или даже почему с ней не здороваются по имени, хотя она полжизни ходит сюда

за покупками. Она производила впечатление сильной, упорной и злопамятной старухи, которая добивалась своего благодаря несогласию и выдержке. Я могла представить, как она участвует в протестах против войны во Вьетнаме в 1960-х, бранясь на полицейские машины, которые угрожают мирному течению демонстрации. За ее глазами скрывалась воительница, постаревшая амазонка – такую не ранить неопытному противнику. Но однажды, возвращаясь домой, я увидела, как она перекладывает рекламу из своего почтового ящика в мой. Я поздоровалась с ней, и она ответила как ни в чем не бывало. В тот день я, как обычно, предложила отнести ее пакеты с покупками наверх, и миссис Эмбер согласилась, заявив, что молодежь уже не та. Когда мы поднялись, она схватила бумажный пакет, что-то пробурчала и захлопнула дверь, не поблагодарив меня.

– Я звонил тебе несколько раз, но твой телефон был выключен, – прошептал профессор Шмоер. Я приглашающе махнула ему рукой. Мне не хотелось, чтобы миссис Эмбер подслушала наш разговор: с нее стало бы все передать маме. Шмоер вошел, и я закрыла дверь.

– Я была в метро, возможно поэтому, – ответила, немного нервничая.

– Такое дело... Мирен... Все кончено.

– Что? О чем ты?

– Меня уволили из «Дэйли».

– Почему? Из-за «Пресс»? Ты поэтому пришел?

– Причин несколько. Все гораздо сложнее, но да, «Пресс» тоже сыграла свою роль. Они всегда на шаг впереди моих статей. За последние пару месяцев мы потеряли много читателей. Отчасти по вине интернета, отчасти – из-за того, что люди узнают экономические новости из разных источников. Из-за оттока аудитории «Дэйли» находится в кризисе, и руководство искало козла отпущения. Выбор пал на меня, так как мои расследования в меньшей степени соответствовали редакционной линии. Я знал, что к этому все идет, но... не думал, что это произойдет так скоро.

Он выглядел потерянным, и я не знала, как реагировать. С момента расцвета интернета я прочла несколько статей, где говорилось о переходе читателей на новости «Яху» и других цифровых платформ, возникшие из ниоткуда, и печатные газеты искали способы адаптироваться к новому миру, который открывался перед ними. Одни

видели в этом возможности, другие – ограничения, где скоро не останется места длинным журналистским расследованиям, характерным для традиционных СМИ. Люди жаждали сиюминутных новостей, событий, о которых можно быстро прочитать и забыть, и для этого не требовалось направлять команду журналистов на подготовку одной многостраничной статьи. Более того, за публикацией каждой статьи следовало судебное разбирательство, а газеты, ресурсы которых все больше сокращались из-за оттока аудитории, страдали в том числе от необходимости содержать юридический отдел для защиты от судебных исков со стороны компаний, которым были посвящены эти расследования.

– У тебя есть преподавание, – я попыталась утешить его. Но мне было мало что о нем известно. В те месяцы, когда мы больше всего общались и он помогал мне, мы говорили о сюжетах, которые я выбирала, или о моих сомнениях относительно учебного плана, или о том, как лучше раскрыть определенную тему в задании. Но я ничего не знала ни о нем, ни о его семье, ни даже о том, где он живет. – Ты всегда можешь продолжать преподавать и зарабатывать этим на жизнь. У тебя это хорошо получается. Ты вдохновляешь, – сказала я.

– Это не приносит мне удовлетворения, Мирен. Мои студенты смирились и выбирают легкий путь. Прекрасный пример – проклятое задание на этой неделе. Я уже получил двенадцать эссе об утечке на «ФармаЛюкс». Все как под копирку. Об этом уже полгода говорят в редакции, для всех изданий это секрет Полишинеля, и никто еще не опубликовал полноценную статью только потому, что не хочет связываться с гигантской фармацевтической компанией. Этот мир прогнил, Мирен. И журналистика тоже. Мы скованы. Никто не готов рискнуть, чтобы сделать шаг вперед и изменить ситуацию. Никто не публикует ничего исключительного, и я как преподаватель не могу увлечь никого настолько, чтобы увидеть свет в конце тоннеля. Прессу ждут сложные времена, и, если она разучится идти против течения, мы проиграем. Выиграют сильные мира сего.

– Это мотивирует меня искать дальше, профессор. И если из каждой группы выпустится всего один хороший журналист, я уверена, это сделает мир лучше.

Шмоер молча глядел на меня сквозь очки в роговой оправе. Он стоял передо мной ближе чем в полуметре, и его лицо было серьезнее,

чем когда-либо.

Он страдал.

Он был расстроен.

Он был уязвим.

Его лицо отражало сотни противоречивых мыслей внутри, и казалось, они вот-вот взорвутся, как и мое сердце, – от нервов.

Внезапно он повернулся и, фыркнув, подошел к дивану. Мужчина со вздохом сел и, подняв руки, отбросил назад волнистые пряди, которые тут же вернулись на лоб. Шмоер достал из внутреннего кармана ветровки компакт-диск и положил его на стол.

– Что это? – спросила я.

– То, что мне удалось забрать из редакции по делу Киры. У нас было много материала, но для меня это слишком. Я не смог все это просмотреть. Это все, что есть. Я отправил тебе часть.

Я взяла диск и вставила его в компьютер.

– Разве так можно? – удивилась я. Это было что-то невероятное.

– Нет, но никто не знает, что он у меня. Это данные от информатора для будущего журналиста. Никого не касается, откуда ты их получила. Возможно, это пригодится для твоего эссе.

– Я еще не начала его писать. Может, и не стану. Слишком много информации. Но я не верю, что основной подозреваемый виновен. Здесь что-то не складывается.

– Почему ты так считаешь? Они арестовали мужчину с историей сексуального насилия над несовершеннолетними, когда тот похитил семилетнюю девочку в районе, где исчезла Кира. Он маньяк, это понятно.

– Именно это и вызывает вопросы. Я видела его досье, и он не подходит под профиль.

– Ты видела полицейский отчет? Расскажи. Насколько понимаю, сексуальные преступники не похожи на сексуальных преступников.

Я открыла рюкзак и достала досье задержанного. Шмоер открыл первую страницу и начал читать с недоверчивым видом.

– Что это? Его приговор?

– Это его досье из реестра сексуальных преступников согласно закону Меган. Я выкрала его из архива.

– Правда?

Я кивнула с гордым видом. Он с удивлением посмотрел на меня. Поправив очки, профессор снова принялся читать.

– Не то чтобы я одобряла связи с несовершеннолетними, – продолжила я, – но в его случае говорится об отношениях по обоюдному согласию с семнадцатилетней девушкой, когда ему самому было восемнадцать. Кроме того, год спустя, когда жертве исполнилось восемнадцать, обвинения сняли. Я не вижу логики в том, чтобы спать с девушкой на год младше, а потом ждать двадцать шесть лет, чтобы начать похищать детей.

– И каков твой вывод? – спросил Шмоер заинтересованным тоном. Мне нравилось чувствовать себя в центре его внимания. Это... бодрило. Как будто он мог зажечь во мне искру, способную ненадолго осветить тень моего внутреннего мира.

– Я думаю, это типичная жалоба чрезмерно заботливых родителей, когда они узнают, что у дочери есть парень постарше, и их застали вместе в кровати. Не пойми меня неправильно, я не его оправдываю, но у моей подруги был парень на год старше, и в какой-то момент ему уже исполнилось восемнадцать, а ей еще нет, и я все шутила, что он окажется в тюрьме.

– Правда?

– Если б ее родители застукали их и узнали, чем они занимаются в таком возрасте, они бы заявили на него, и тогда бы у него было такое же пятно на репутации и он оказался бы в этом же реестре.

Взглянув на папку, я продолжила:

– Я не верю, что тот, кого они задержали, на самом деле похитил Киру. Более того, думаю, он женат на той самой семнадцатилетней девушке. Я хотела проверить это по данным о бракосочетании. Возможно, смогу выяснить девичью фамилию его жены и сверить, совпадает ли она с фамилией потерпевшей. Знаю, скорее всего, имя жертвы защищено и это конфиденциальная информация, но что-то мне подсказывает, что я права.

– Но он взял девочку за руку и повел ее в сторону Таймс-сквер, подальше от того места, где ее потеряли родители.

– Ближайшее отделение полиции находится как раз на Таймс-сквер. И это как раз то, что он сказал полиции.

Шмоер кивнул.

– Что, если это правда? Я хотела бы ошибиться, Джим, хорошо бы виновный в исчезновении Киры уже нашелся, но не думаю, что это он. Кира спрятана где-то у своего настоящего похитителя и громко кричит, мечтая вернуться к своей семье, – сказала я убежденно.

– Ты кому-нибудь рассказала? Полиция изучит прошлое задержанного?

– Думаю, да, – взволнованно ответила я, – и рано или поздно его отпустят. Но страшнее всего другое: пока он находится под стражей и является главным подозреваемым, никто не будет искать Киру.

Глава 27

Порой плохие воспоминания – это единственное, что позволяет тебе создать что-то хорошее.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

После того как Миллер ушел с четвертой кассетой, Аарон остался в новой квартире Грейс, не зная, что сказать. Постоянный шум помех на включенном телевизоре отвлекал, но со временем они оба нашли в нем утешение и поддержку. Аарон прошел по гостиной и увидел фотографии на столе, где они были вместе, веселые, с Кирой на руках.

– Мы были так молоды, – сказал он печально, взяв в руки рамку, чтобы рассмотреть снимок поближе.

Грейс сделала глубокий вдох и сжала губы, пытаясь успокоиться. Затем, после борьбы с внутренними демонами – те являлись ей в виде объявлений, расклеенных на уличных фонарях, – она принялась за ритуал, которому следовала каждый год в день рождения маленькой девочки.

Она грустно подошла к столу и начала собирать фотографии в рамках, помещая их в небольшую коробку на антикварном столике в гостиной. Под каждой рамкой был такой же слой пыли, как и на остальном столе, как будто их только что расставили на этот плотный серый ковер.

– Почему ты продолжаешь это делать, Грейс? Каждый год ты расставляешь их, как будто все осталось по-прежнему, как будто ничего в нас не изменилось, но посмотри на нас. Посмотри на мои седые волосы, на эти морщины. Ради бога, посмотри на эти темные круги под глазами. И ты... ты тоже изменилась, Грейс. Мы больше не та счастливая пара с фотографий. Перестань отрицать то, что произошло. Хватит вести себя так, будто Кира здесь.

– Аарон... замолчи. Я не могу... не хочу думать об этом, это так больно.

– Посмотри на эту фотографию. Мы втроем улыбаемся. Когда ты в последний раз улыбалась, Грейс? Когда я в последний раз слышал твой смех?

– А у тебя как будто получилось.

Аарон молча покачал головой.

– Нет никакого смысла каждый год праздновать ее день рождения, как будто ничего не изменилось. Я прихожу, а ты ведешь себя так, будто Кира здесь. Торт, фотографии, даже эта квартира с лишней спальней, чтобы можно было превратить ее в комнату Киры. Но... Киры здесь больше нет. Ты понимаешь? С тех пор не осталось ничего. Ни тебя, ни меня, ни счастья с этих фотографий. Они только причиняют тебе боль. Кире было бы больно видеть тебя такой. И ты это знаешь, Грейс. Быть может... эта последняя запись, где ее нет, – это лучшее, что когда-либо случилось с нами, понимаешь?

– Как ты смеешь говорить такое?

– Может, если у нас больше не будет кассет, мы перестанем думать о ней. Перестанем представлять себе то, чего не испытали, все то, что упустили, и сосредоточимся на том, что у нас было. Помнишь? Помнишь, каково это было – читать ей сказки? Помнишь, как она гладила тебя по руке, когда хотела спать? Нам нужно сосредоточиться на этом, а не на том, чего у нас нет. Нам нужно двигаться дальше, вперед.

– Ты вообще слышишь себя? Перестать думать о Кире? Притвориться, что ее никогда не существовало?

– Грейс, многие теряют детей и, в конце концов... в конце концов, они живут дальше.

– Дальше? Дальше? Никто не может жить дальше после такого. Никто. И уж тем более мать. Она была внутри меня девять месяцев, она вышла из моего тела, Аарон. Но тебе этого не понять. Куда тебе. Ты работал сутки напролет и возвращался только вечером. Это со мной она проводила весь день. Весь день, – повторила женщина, повысив голос. – Это ко мне она прибежала, споткнувшись и ушибив колено. Может, ты и способен жить дальше как ни в чем не бывало, но я не могу, Аарон. Мне нужно знать, что с ней все в порядке. Мне нужно знать, что ей не больно. Возможность видеть ее время от времени...

немного облегчала боль от потери. Может, для тебя эти записи были пыткой. Для меня... для меня они были той единственной минутой раз в несколько лет, которую я проводила с ней.

Грейс разрыдалась так, как никогда в жизни. В груди все сжималось, глаза щипало, и это было неизбежно. Долгие годы она держала эти объяснения при себе, но ей нужно было вывалить это все на Аарона, который вел себя так, словно боль – это какой-то придаток, с которым можно жить. И так оно и было на самом деле, во многих случаях, когда горе было ограничено контролируемой средой: расставание, увольнение, неожиданная трагедия. Но ничто не могло сравниться с потерей ребенка, не говоря уже о том, чтобы терять его несколько раз за последние двенадцать лет.

– Что? Как ни в чем не бывало? Кира и моя дочь, Грейс. Я тоже люблю ее как никого. Ты несправедлива. Я просто говорю... возможно, ее отсутствие на записи поможет нам жить дальше и мы прекратим поиски.

– Я никогда не перестану искать свою дочь, Аарон, пока не узнаю, где она и у кого она. Понятно тебе? Никогда! – завопила Грейс.

Аарон не знал, стоит ли продолжать спор. Его бывшая жена, казалось, была навеки прикована к некоему мрачному месту, но сам он больше не чувствовал себя таким жалким, таким несчастным, таким потерянным в глубинах собственной души. Любил ли он свою дочь? Любил ли он свою жену? В тот момент он сомневался во всем, включая самого себя. Но в этих сомнениях не было ничего нового. Они продолжались много лет. И чем ближе был День благодарения, тем упорнее он притуплял эту неуверенность алкоголем.

Накануне он, как и каждый год, пил дома, пока не заснул в четыре часа дня на диване – по телевизору показывали баскетбольный матч из девяностых, где Джордан забил штрафной с закрытыми глазами. Таков был его распорядок дня с 1999 года в течение нескольких недель перед Днем благодарения. Он просил небольшой отпуск в своей страховой компании в счет Рождества – ему охотно давали его, поскольку это означало, что офис не останется без присмотра в конце года, – и запирался в доме, напиваясь до беспамятства. Ему потребовалось время, чтобы научиться пить дома, в 2003 году он сорвался и был арестован – как раз в тот год они получили первую кассету. После этого эпизода Аарон старался контролировать эти порывы в четырех

стенах. Незадолго до Дня благодарения он шел в супермаркет и закупался дешевым пойлом, как будто готовился к урагану, и пил до тех пор, пока водка не выступала на его глазах слезами. Его организм постепенно научился перерабатывать алкоголь до такой степени, что на следующий день он просыпался лишь с легким похмельем и хрипотой, да и ту снимал двойным эспрессо на завтрак. Ритуал повторялся ежедневно с момента начала отпуска вплоть до дня рождения Киры, когда Аарон прекращал пить, чтобы присоединиться к Грейс и несколько часов вести себя как примерный семьянин, которым он когда-то был.

– Как думаешь, что теперь будет? – неуверенно спросила Грейс.

– Не знаю, – прошептал он. – Я только надеюсь, что с Кирой все в порядке.

Глава 28

Есть люди, которые могут держать в голове две противоречивые мысли, если это позволяет им не сойти с ума.

1998

Место неизвестно

Белый диван, на котором сидела Айрис, контрастировал со стенами – те были оклеены обоями синего и оранжевого цвета с повторяющимся цветочным узором. Напротив нее, по другую сторону стеклянного стола со стеклянными же вазами, Уильям размашисто шагал из левого угла в правый, пытаясь сдержать нервное напряжение из-за того, что они только что сделали.

– Уилл, девочка зовет мать. Это нехорошо. Она плачет уже два часа подряд. Давай исправим все. Мы еще успеем, – умоляла Айрис, не сводя глаз с мужа.

– Заткнись и дай мне подумать, – прошипел тот, не глядя на нее.

– Уильям, послушай, мы можем остановить это. Давай вернемся в центр и оставим ее там. Нас никто не заметит.

– Ты в своем уме? Нас увидят и посадят за попытку похищения. Мы обрезали ей волосы и переодели ее, чтобы увести, Айрис! Теперь ты жалеешь об этом? Теперь? Теперь уже нет пути назад. Ты должна была сказать «нет» тогда. Какого черта ты тогда молчала? Тебя все устраивало. Ты, как обычно, промолчала. Я всегда принимаю решения, а ты... ты просто соглашаешься. Порой я не понимаю, человек ты или камень.

– Я не знала, что ты собираешься делать, бога ради. Как я могла знать, что мы заберем ее?

– Вот только не надо лгать.

– Она была одна, и я хотела защитить ее. Девочка потерялась... и... Я просто увела ее подальше от этой суматохи – Айрис сделала

паузу, пока мысли перескакивали с одного на другое. – С ней могло что-то случиться!

– А почему ты купила детскую одежду в магазине, когда я об этом попросил? Если мы вернемся, это будет первое, о чем тебя спросят. И что ты тогда ответишь? Ты сможешь объяснить полиции, почему ты подстригла чужого ребенка и сменила ему одежду? Я скажу тебе, что они на это ответят: «Попытка похищения»!

– Не знаю, Уилл. Я не знаю, почему я промолчала. И это не я остригла ей волосы. Это был ты!

– Я сделал то, что должен был, Айрис. Я хотел сделать тебя счастливой. Разве не это ты всегда говорила? Что ты хочешь семью? Что ты хочешь читать сказки своему сыну на ночь и качать его на руках, когда он безутешен?

– Но не так, Уилл! Мы не можем оставить этого ребенка. Она не наша. Ты с ума сошел? Я хочу быть матерью, но не такой ценой.

– Айрис, послушай меня, это то, о чем мы всегда мечтали. Это подарок небес. Мы не можем от него отказаться. Ты понимаешь? Лучший подарок, который когда-либо преподносила нам жизнь. Сколько лет мы пытались? Сколько?

– Небес? Подарок небес? Ты вышел из дома с ножницами, Уилл. Это и был твой план.

– Да, ну и что?

– Что значит «ну и что»? Ты предложил пойти на парад, сказав, что это наша возможность помечтать, представить, какой была бы наша семья, будь у нас дети. Ты ведь уже тогда об этом задумался? Ты с самого начала хотел забрать с парада какого-нибудь ребенка. Скажи мне правду, Уилл.

Он ответил не сразу.

– Я не думал, что это будет так просто, Айрис. Клянусь. Это просто была абсурдная идея. Я больше не могу выносить столько выкидышей. Я не могу больше смотреть, как ты страдаешь, понимаешь? Восемь выкидышей подряд!

Рука Айрис дрожала, ее переполнял страх. Она посмотрела в сторону двери в конце коридора, откуда доносились крики Киры, приглушенные деревом. Дверная ручка сияла, и Айрис не отрывала от нее взгляд дольше, чем требовалось.

– Айрис, выслушай меня. Помни, что сказала доктор Эллис. Мы не сможем иметь детей. Это факт. Мы не сможем. Твое... твоё тело не...

– Она никогда такого не говорила, Уилл. Она просто сказала, что мы должны рассмотреть другие варианты. Что многие пары усыновляют детей и они счастливы.

– Ради бога, Айрис. Ты себя слышишь? Разве это не то же самое, что сказать тебе, что ты не можешь иметь детей? Я попросил доктора, чтобы она смягчила удар, но ты явно не умеешь читать между строк.

Плач Киры за дверью зазвучал громче.

– Айрис, соберись уже. Твои чертовы яичники не работают, а матка уже отвергла восемь попыток ЭКО. Мы не можем иметь детей. Вернее, ты не можешь. Я-то могу иметь их от другой женщины.

– Ты сукин сын, Уильям. Ты гребаный сукин сын.

– Мы вместе, Айрис. Я сделал это ради тебя.

– Ради меня? Я никогда не просила тебя похищать ребенка, Уилл. Я просто... Я просто хотела быть матерью.

– И теперь ты ею стала, понимаешь? Мы наконец-то стали родителями прекрасной малышки, и все будет так же, как если бы она была нашей собственной. Мы будем узнавать ее понемногу, выяснять, что ей нравится, что заставляет ее смеяться, успокаивать ее, когда она плачет, Айрис. Мы сможем вырастить ее как нашу дочь, с любовью, здесь, дома, дорогая.

Айрис помнила каждую провальную попытку. Помнила радость, озарявшую ее лицо, когда новости были хорошими, а потом, недели спустя, – капли крови в воде унитаза. Она помнила каждую чистку, каждую тщетную подсадку эмбриона, который ее организм изо всех сил пытался отвергнуть. Страховка покрыла только первую попытку, после чего им приходилось все глубже залезать в долги, чтобы оплатить гигантские медицинские счета. Она помнила лицо директора страхового офиса: серьезный темноволосый мужчина вел себя с Айрис так отстраненно и холодно, что она почувствовала неизбежную боль в груди, услышав очередной отказ.

– Уильям... пожалуйста... скажи мне, что мы можем остановиться сейчас и продолжать пытаться самостоятельно. Она не наша дочь.

– И дальше выбрасывать деньги на ветер? Ты этого хочешь? Айрис... правда, ты должна это понять. Мы не можем больше влезать

в долги. Мы уже брали вторую закладную на дом, чтобы оплатить терапию, и ничего не вышло. Мы не можем продолжать попытки, не зная, что произойдет. Каждый раз, когда мы это делаем, мы все равно что отправляем десятки тысяч долларов в мусорную корзину. Ты понимаешь это? Айрис, это важно. Ты должна это понять. Мы не можем иметь детей. У нас больше нет денег.

– Мы можем продать дом...

– Айрис... – Уильям подошел к жене, сел рядом и погладил ее по лицу, вытирая слезы. – Ты не понимаешь, да? Мы не можем его продать, пока не расплатимся по обоим закладным. Мы застряли здесь, пока не выплатим долг. У нас нет альтернативы, Айрис.

– Страховка может...

– Айрис! Пожалуйста, остановись. Ты знаешь, что я прав, и ты должна...

Внезапно она удивленно посмотрела в сторону спальни и вскинула руку, призывая мужа к молчанию.

– Она перестала плакать... – прошептала Айрис, ее глаза загорелись мечтой. Внутри нее неведомо для себя самой пробуждалась ее темная сторона: молчание ребенка заставило женщину примириться с тем, чего она желала с того самого момента, как протянула девочке руку в суматохе парада. Это она, пока Уильям ждал в подъезде, вышла в соседний магазин, чтобы купить детскую одежду, которая скроет девочку от взгляда родителей. Это она, пока они шли по 35-й улице, снова и снова повторяла Кире, что ведет ее на встречу с родителями, которые вынуждены были уехать, не предупредив ее, потому что возникла проблема с рождественскими подарками. По мере того как они удалялись все дальше и дальше от места, где они ее подобрали, на пересечении 36-й и Бродвея, супруги понимали, что пересекают черту невозврата, нарушают все возможные и невозможные границы, и в тот самый момент, когда они вошли в метро на станции «Пенн», направляясь домой под равнодушным взглядом бездомного, они поняли – у этого путешествия во тьму будет только один конец.

– Видишь? – едва слышно выдохнул Уильям. – Она должна привыкнуть к нашему дому. Это лишь вопрос времени, когда мы станем счастливой семьей, Айрис. Понимаешь? – Уильям подошел к жене, обхватил ее лицо и заглянул ей в глаза.

– Бедняжка, должно быть, совсем обессиленна от слез, – прошептала она, положив голову ему на грудь. – Она просто хочет вернуться к родителям. Ей страшно. Она не знает, что случилось.

– Ее родители? Родители бросили ее посреди толпы, Айрис. Ты веришь, что они заслуживают быть родителями, а мы нет? Ты правда в это веришь? Разве это справедливо?

Айрис встала и подошла к двери спальни, беспокоясь, что с девочкой что-то случилось. Впервые в жизни она испытывала такой страх за кого-то, кроме себя, и ей нравилось чувствовать себя защитницей беспомощного существа. Она в страхе открыла дверь и, взглянув на пол у порога, не смогла сдержать счастливой и жалостливой улыбки.

Кира уснула, свернувшись калачиком на ковре, ее волосы были коротко подстрижены. На ней была одежда, которую Айрис схватила в магазине: пара белых брюк и криво застегнутое темно-синее пальто. Ее маленькое личико было мокрым от слез, и Айрис, склонившись, провела пальцами по соленой полоске на левой щеке.

– Ты представить не можешь, как больно мне слышать ее плач, Уильям. Душа болит, когда она так рыдает. Я не знаю, смогу ли я это сделать. Не знаю, способна ли я. Это... слишком тяжело.

– Милая, она теперь наша дочь. Я понимаю, тебе больно. Но постепенно все наладится. Мы должны быть сильными. Ради нее. Чтобы защитить ее от этого ужасного, безжалостного мира.

Глава 29

Тяжело просить о помощи, но еще тяжелее – признавать, что она необходима.

29 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

С каждым новым штрихом художника в офисе ФБР Зак колебался все сильнее. Он с родителями находился в небольшой комнате на четвертом этаже рядом с сотрудником отдела распознавания лиц, который рисовал, стирал и исправлял набросок с помощью десятка карандашей разных цветов, лежавших на столе рядом с ластиками из разных материалов. Агент Миллер молча ходил взад-вперед за спиной портретиста, время от времени поглядывая на мальчика, а тот боялся, что провалит задание.

– Что скажешь? Нос достаточно длинный? – спросил художник после нескольких минут молчания, пока набрасывал эту часть лица. До этого он более получаса менял и корректировал треугольник, который определял расположение глаз по отношению к верхней части носа.

– Я не... я не знаю. Я думаю... может быть, как раньше. Я не уверен.

– Как раньше? Какая из последних двадцати версий? – вскричал агент Миллер, теряя терпение.

Слеза скатилась по щеке Зака, он уже жалел о своем признании, что оставил кассету в почтовом ящике Темплтонов. Мать мальчика в ужасе уставилась на агента, который начал выходить из себя из-за постоянных изменений черт лица. Они сделали так много версий фоторобота этой загадочной женщины, что с каждым новым наброском ее лицо казалось все более нереальным.

По правде говоря, Зак мало что помнил о женщине, которая заплатила ему десять долларов. Она сидела внутри белого автомобиля в солнцезащитных очках, и единственное, что он помнил отчетливо, –

это короткие вьющиеся светлые волосы. Женщина была одета в черный свитер, и у нее была маленькая машина, но, увидев протянутую через окно купюру, Зак больше ни на что не обращал внимания.

– Не смейте говорить с моим сыном в таком тоне. Ясно вам? Мы согласились, чтобы он помогал, но мы не обязаны терпеть ваши плохие манеры. Он всего лишь ребенок, ради бога.

– Миссис Роджерс, если он не будет сотрудничать, это помешает уголовному расследованию и против него могут быть выдвинуты обвинения. На кону жизнь ребенка, и она зависит от того, захочет ли ваш сын вспомнить, как выглядела эта чертова женщина.

– Как у вас хватает наглости говорить подобное? Как? Вы как будто хотите переложить на нас вину за девочку. Это ужасная история, но мой сын просто пытается помочь. Мы хотим сделать все, что в наших силах, но не так. Не под таким давлением.

Миссис Роджерс погладила лицо сына и прошептала ему что-то на ухо. Посмотрев на агента, отец Зака покачал головой, а затем тоже склонился, негромко утешая сына.

– Сынок, ты можешь остановиться в любой момент. Слышишь меня? Ты не обязан этого делать.

– Вы неправильно меня поняли, мэм. Ваш сын – единственный, кто может нам сейчас помочь найти девочку. Вы помните ее? Дочка ваших соседей, Темплтонов. Он должен сосредоточиться. Кира Темплтон сейчас была бы ровесницей Зака. Это понятно?

Мальчик настороженно кивнул, а затем прошептал:

– Ну... у нее был более округлый подбородок, не такой заостренный, я думаю.

Портретист вздохнул и сдался, бросив карандаш вместе с другими на стол. Он встал и попросил агента проводить его к выходу.

– Агент, поймите. Ребенку трудно рассказать подробности того, что было для него несущественным. Это совсем не похоже на то, как жертва пытается опознать преступника, понимаете? В момент нападения мозг под напряжением работает с необычайной скоростью, и память, будто фотоаппарат, способна вычленивать все мелкие детали для составления фоторобота. Но без этого напряжения... Мне жаль, но это нормально, что мальчик плохо ее помнит. Все, что мы нарисуем, будет смесью его воспоминаний с воображением, особенно сейчас,

когда он думает, что чем скорее он скажет, что это была она, тем скорее сможет вернуться домой.

– Марк... это все, что у нас есть, понимаете? Этот мальчик единственный видел женщину, которая похитила Киру Темплтон. Я не могу позвонить родителям и сказать им, что фоторобот недостоверен. Я не могу. Это действительно выше моих сил.

– Другого выхода нет, агент. Я никогда раньше не сталкивался с делом, где детали настолько противоречат друг другу. Сколько раз он менял подбородок? А структуру прядей? Блондинка с вьющимися волосами. Вот все описание. Больше мы ничего не знаем. Остальное – догадки. Никаких особых примет, никаких необычных черт лица. Когда я нарисовал острый подбородок, он сказал, что все верно. Потом я округлил его, и он сказал, что все верно. Затем я снова сделал его острым, и он ответил, что это идеально. Он даже не помнит форму солнцезащитных очков. Это чушь, агент. Это недостоверный портрет, говорю вам это прямо сейчас. Я не знаю, что вы скажете семье, но это никуда не годится.

– Черт... – единственное, что мог ответить Миллер. Он посмотрел на часы – они провели в комнате уже шесть часов, никуда не продвинувшись. Обычно эта процедура занимала от силы час-полтора, а значит, что-то было не так. Агент подошел к двери комнаты и помахал родителям, которые стояли рядом с сыном, что-то шептали ему и гладили его по волосам. Отец вышел из комнаты и заговорил, прежде чем Миллер успел это сделать.

– Мы уезжаем, агент. Это бессмысленно. Зак устал и больше ничего не помнит. Мы действительно хотим помочь, бог свидетель, мы знаем, что такое гражданская ответственность, но... – Поколебавшись, он продолжил: – Но это не наша дочь. Мы должны заботиться о своих собственных детях, агент. Мир – ужасное место, и мы должны защищать друг друга. Мой сын больше не может. Если он захочет повторить завтра или в другой раз, мы попробуем, но на сегодня с Зака хватит.

Миллер со вздохом вынужден был признать, что по-прежнему блуждает в потемках, но теперь он в довесок получил дополнительное видеосвидетельство, что не смог найти маленькую девочку, и ровесника Киры, плачущего в одной из комнат офиса ФБР.

– Я понимаю, мистер Роджерс. Уже поздно. Я очень ценю усилия Зака и его желание помочь. Я позвоню вам, если еще что-нибудь понадобится. Не волнуйтесь.

Он проводил их до дверей здания и попрощался с мальчиком, погладив его по волосам. Миллер попросил, чтобы кто-нибудь из агентов отвез семью домой, но никто не согласился, и ему пришлось еще раз извиниться. Затем он направился к своему рабочему столу на третьем этаже, думая о том, как все усложнилось. Мужчина включил экран компьютера и несколько секунд молча сидел, закрыв лицо руками.

– Тебе звонила та пронырливая журналистка из «Пресс», – сообщил коллега, усатый мужчина на несколько лет моложе Миллера, но выглядевший почти на десять лет старше. Агент Спенсер был заметной фигурой в отделе ФБР по розыску пропавших без вести, но не из-за особых талантов или способности распутывать сложные дела, а потому, что ему посчастливилось заниматься чередой дел со счастливым концом. Он получил прозвище Талисман, потому что всякий раз, когда ему поручали поиски пропавшей девочки-подростка, она обнаруживалась через несколько дней в доме своего парня, или, когда речь шла о ребенке, оказывалось, что один из родителей нарушил совместную опеку. Он был своеобразным магнитом для дел, где разыскиваемый волшебным образом появлялся в другом штате, потому что сбежал с новым партнером или второй семьей в другой конец страны. Миллеру же, хоть он и был компетентным и решительным агентом, который всегда работал сверхурочно, досталось подряд несколько дел, которые зашли в тупик.

– Она позвонила сюда, напрямую?

– Да. Я взял трубку и сказал, ты перезвонишь. Что ты занят фотороботом.

– Она единственная в своем роде.

– Горячая штучка?

– Я не об этом, идиот. Я имею в виду, она единственная, кто до сих пор не прекратил поиски девочки. Возможно, нам от нее будет толк.

– Нам? Ты бредишь, Бен. Не впутывай меня в историю с этой девочкой. У меня безупречный послужной список. Я не хочу его

запятнать. Если буду продолжать в том же духе, возможно, однажды стану твоим начальником.

Миллер фыркнул, потому что знал: это всего лишь слепая удача. Агент Спенсер не нашел бы в темноте собственные яйца, но Миллер держал свои мысли при себе, зная, что начальство смотрит только на коэффициент раскрываемости, а у Спенсера он был стопроцентным, так что не исключено, что однажды ему действительно придется отвечать перед ним.

Телефон на столе зазвонил снова, и Миллер попросил Спенсера молчать.

– А вот и она. Жду от тебя потом подробностей. Она красотка, даже по голосу слышно.

Миллер поднял трубку, надеясь, что Мирен этого не слышала.

– Агент Миллер, у вас есть новости? – ровным голосом спросила девушка. За годы работы в «Пресс» и плотного сотрудничества с полицией, адвокатами и компаниями, деятельность которых она расследовала, Мирен Триггс научилась понимать, когда можно надавить, а когда стоит быть более обходительной. В деле Киры было понемногу и того и другого. Журналистка явно хотела найти девочку и не мешать расследованию, но она также знала, что ее положение в «Пресс» позволяет ей вмешаться, прежде чем опубликовать смелую статью. Ранее она согласилась повременить с разглашением содержимого видеозаписи, но после разговора с родителями тем утром выяснилось, что соседский ребенок видел того, кто принес кассету. Это меняло темп расследования. Фоторобот распространился бы среди СМИ, как лесной пожар, и, возможно, его публикация помогла бы найти тех, кто удерживал Киру.

– Мисс Триггс, вспомните наш уговор. Вы обещали мне ничего не публиковать в течение четырех дней.

– Агент, если у вас есть портрет, не лучше ли распространить его в прессе?

– Да, но проблема в том, что у нас его нет.

– Что значит у вас его нет? – удивленно переспросила Мирен.

– Ровно то, что я сказал. Мальчик не... он плохо ее помнит.

Агент Спенсер сделал нецензурный и плохо переводимый жест бедрами и одними губами произнес какую-то пошлость. Миллер нахмурился и покачал головой.

– И что вы намерены делать? Что еще вы будете делать в ближайшие три дня?

– На этом все, мисс Триггс. Больше нет никакой информации. На пленке нет отпечатков, никто ничего не видел, кроме мальчика, который не помнит лица женщины. Команда ищет информацию об обоях с таким рисунком, но качество настолько плохое, что это могут быть любые цветочные обои. Они также выясняют тип деревянного дома, возможно, это что-то редкое и необычное, что поможет нам выяснить, где он был продан, и в конечном итоге найти Киру, но это задача для гораздо большей команды, чем у нас есть на данный момент. Из-за того бедолаги мое начальство очень настороженно относится к этому делу, а с учетом того, что мне помогают только трое, а у меня есть только неделя, дело снова пойдет в тупик.

– Они правда не собираются выделять на это больше ресурсов? – недоверчиво уточнила Мирен. Даже по телефону в ее голосе слышалась сталь.

– Мисс Триггс, дело сложнее, чем кажется. Вы знаете, сколько детей ежегодно пропадает в одном только штате Нью-Йорк? Прямо сейчас у нас есть более сотни открытых дел о пропавших детях, о которых мы вообще ничего не знаем. И это только те дела, которые расследуют уже более года.

– Сто дел?

– Ужасно, правда? И в среднем двадцать заявлений о пропаже поступают ежедневно поверх этого. У большинства из них счастливый исход, но к этим ста каждый год понемногу добавляются еще и еще. Существует подразделение, которое занимается исключительно тем, что пытается спрогнозировать, как изменится внешность этих детей с годами, чтобы их могли узнать, если кто-то встретит их на улице сегодня. Дело Киры – капля в море, мисс Триггс, и, поверьте мне, я делаю все, что могу. У меня нет лишних глаз. Я связан по рукам и ногам.

– Вам нужны глаза, чтобы просмотреть эту запись? Вы это хотите сказать? – В голове Мирен начала формироваться идея.

– Я просто говорю, что у нас много расследований и мало ресурсов. Мы работаем как можем с тем ограниченным штатом, который у нас есть.

– Агент. Если вам нужны глаза, то завтра у вас будет два миллиона глаз, которые отсмотрят это чертово видео.

Глава 30

*Статья, опубликованная в «Манхэттен пресс» в четверг,
30 ноября 2003*

«Снежная девочка», автор: Мирен Триггс

Пять лет назад маленькая Кира Темплтон, которой было всего три года – помните ее? – пропала посреди бела дня в центре Нью-Йорка во время парада «Мэйсис». Родители описывают Киру как счастливую, улыбчивую девочку, которая обожала пса Плуто и мечтала стать коллекционером ракушек с пляжей Лонг-Айленда, когда вырастет. С момента ее исчезновения наши жизни тесно переплелись; в конце концов, я работаю журналистом «Манхэттен пресс» именно потому, что мне повезло оказаться в нужное время в нужном месте – и с нужным взглядом на жизнь. Объясню почему.

Однажды меня изнасиловали.

Да. Вы все правильно прочитали.

Трудно написать это слово без дрожи и ощущения, будто клавиши ускользают из-под кончиков пальцев. Меня не просто изнасиловали – виновного так и не арестовали. Однажды ночью в октябре 1997 года, когда я не сумела различить за улыбкой тигриную пасть, он, будто призрак, схватил меня за руку и повел в глубины самой темной пещеры моей жизни. Из этой пещеры трудно выбраться. Какое-то время у меня не получалось. Никто не говорит, как это сделать, никто этому не учит. Ты даже не знаешь, как вести себя после такого. Ты смотришь в зеркало и ищешь, что с тобой не так. Почему ты больше не плачешь – или почему не можешь перестать. Ты размышляешь о мести, хочешь купить пистолет, словно это сможет защитить твою душу от уже нанесенной раны. Как будто, оказавшись в

такой же ситуации, ты сможешь нажать на курок и положить травме конец.

Впервые узнав о Кире, я представила, как она пожимает руку такому же улыбчивому и сладкоречивому тигру, который обещает ей, что они хорошо проведут время. Затем я представила, как она соглашается поиграть в стрижку и переодевание, совсем как я согласилась пойти в тот парк посреди ночи, как будто это что-то веселое, что я оценила только в хмельном угаре, как будто это я была трехлетним ребенком, который не знает, что за улыбками прячутся клыки. Стрижка и новая одежда сделали ее невидимкой в городе с населением восемь миллионов человек, и даже сегодня никто не знает, где сейчас Кира Темплтон, так же как я не знаю, где сейчас Мирен Триггс шестилетней давности: она исчезла в тот самый миг, когда тень утащила меня к себе во тьму.

Сегодня я впервые предаю гласности свое изнасилование: оно невольно связало меня с Кирой Темплтон, потому что с тех пор, как я узнала ее историю, я видела в ней ту девочку, которой я была когда-то, девочку, которую никто не смог отыскать в глубине пещеры. И потому что Кира, как это случилось со мной, нуждается в ваших руках, чтобы вывести ее из тьмы.

Последние пять лет я искала ее, пытаюсь заодно найти себя, и на прошлой неделе, как бы тяжело это ни было, я снова увидела ее.

Да, вы все правильно прочитали.

Когда я говорю «увидела ее», это не значит, что она явилась мне во сне. Нет, я увидела ее живой и сидящей в комнате на видеокассете, которую через пять лет после похищения безжалостно отправили ее родителям. Эта кассета – словно мираж, это ужасный удар для родителей, которые уже потеряли все, что у них было, и все, что у них осталось, – это надежда, что однажды она воссоединится с ними.

На первом изображении, сопровождающем статью, вы можете увидеть фотографию максимально возможного

качества того, как Кира Темплтон выглядит сегодня, в возрасте восьми лет, сделанную с этой видеокассеты, на случай если кто-нибудь узнает ее или видел ее когда-либо в последние несколько лет. На втором снимке вы увидите комнату, где Кира тихо играет, на случай если кто-то узнает какие-либо предметы или что-либо относящееся к делу, что может помочь найти ее. На следующих двух страницах вы увидите все узнаваемые предметы, которые находятся в комнате и которые есть в кадре в максимальном приближении. Там есть кровать, покрывало, шторы, дверь, платье, деревянный дом и плитка на полу.

Когда я закончила смотреть присланную родителям запись – всего лишь пятьдесят девять секунд на 120-минутной видеокассете, – на экране остался лишь вечный белый шум, похожий на снег, – те самые помехи, которые вы видите в телевизоре, когда сигнал исчезает. В нем я снова увидела Киру, но на этот раз в переносном смысле. Как будто девочка, которую я всегда искала, превратилась в снег – не тот, что тает между теплыми пальцами, а тот, что невозможно поймать – черно-белые точки, перескакивающие с одного места на другое. Кира Темплтон потерялась в этом снегу и нуждается в вашей помощи.

Если у вас есть информация о Кире Темплтон, пожалуйста, позвоните по телефону 1-800-698-1601, добавочный номер 2210.

Глава 31

*Сама о том не подозревая, печаль кружит
среди равных себе.*

Мирен Триггс

1998

Профессор Шмоер помогал мне в течение нескольких часов, пока я искала в интернете информацию о Джеймсе Фостере, человеке, арестованном за похищение Киры, и его жене. Он также давал мне объяснения, пока я бегло просматривала содержимое его компакт-диска, пытаясь, по-видимому, не чувствовать себя одиноко. С тех пор как я поделилась с ним опасениями по поводу подозреваемого, он выглядел несколько взволнованным и нервным, на смену воодушевлению пришла задумчивость – скорее всего, он размышлял, что делать дальше.

Дождавшись, пока загрузится допотопный сайт регистрации актов гражданского состояния, – выглядело это так, будто кто-то крутит педали, – мы наконец-то получили доступ к открытым данным о семейном положении задержанного. В штате было почти четыреста Джеймсов Фостеров, но только сто восемьдесят имели почтовый индекс, относящийся к центру Манхэттена. Дата его рождения была указана в досье Меган, и мы нашли данные о его семейном положении после получаса сверки каждого имени с его ссылкой, которая после просмотра окрашивалась в фиолетовый цвет.

Джеймс Фостер был женат на некой Маргарет С. Фостер, и профессор прошептал «эврика», обнаружив, что она была ровно на год моложе его. Моя гипотеза становилась все весомее. Если все это правда, значит, я наткнулась на важную информацию раньше многих других. Возможно, я даже могла бы исключить его из числа подозреваемых раньше полиции – те наверняка будут допрашивать его до истечения положенных семидесяти двух часов, а затем посадят за

попытку похищения девочки в центре – и пусть даже это благонамеренная ошибка, это значит, они временно прекратят поиски Киры. Я не совсем понимала, чем мне поможет тот факт, что в его случае обвинение в растлении малолетних обусловлено строгим толкованием закона, но разум твердил: сначала нужно удостовериться точно. Не кто иной, как профессор Шмоер объяснял нам, что журналистские расследования – дело небыстрое. Когда команда решала взяться за какую-то тему, могли пройти месяцы, порой даже годы, прежде чем их расследование увидит свет, и у них были готовы несколько набросков: продвигаясь вперед шаг за шагом, они вставляли каждую крошечную шестеренку в сложные швейцарские часы, которые в итоге точно указывали время, и статья зачастую имела непредвиденные последствия. Сначала они разрабатывали одну версию, пока она полностью не исчерпает себя, а затем переключались на другую, осушая озеро догадок в поисках скрытого чудовища. Этим чудовищем была правда, часто болезненная, часто незначительная, часто настолько простая и элегантная, что она напоминала знаменитое уравнение старого ученого.

– Как мы можем выяснить, что именно Маргарет С. Фостер была предполагаемой жертвой Джеймса, профессор? – спросила я в растерянности.

– Зови меня Джим, пожалуйста. Не знаю, почему ты всегда называешь меня профессором.

– Не хочу, чтобы ты перестал им быть. Я бы не хотела, правда. Это... мой любимый предмет.

– Как насчет техники интервьюирования? Я слышал, ее преподает легендарная Эмили Уинстон.

– Она такая зануда. Твердит до тошноты, как хороша она была в «Глобусе». Весь предмет о ней и о сотнях ее интервью. И, по правде говоря, не думаю, что она так уж хороша. Да, она добывает информацию, но та не всегда имеет отношение к делу. В последней статье, которую я читала, она брала интервью в тюрьме у обаятельного серийного убийцы женщин, и знаешь, чего она добилась? Убийца показал ей письма, которые получал от поклонниц, и свои ответы. Она написала прекрасную статью, сопроводив ее замечательными фотографиями, о том, как чудесно он переписывается с десятком своих поклонниц и как сильно заботится о них. Я уверена, после этой статьи

нашлась хотя бы одна женщина, которая начала восторгаться тем, какой он красивый и какой внимательный. Не знаю. Не думаю, что представлять преступников в хорошем свете – лучший путь для журналистики.

– Но даже если они преступники, они все равно люди.

– Некоторые из них – монстры, – сказала я серьезно и категорично, – и никакая статья этого не изменит.

Он кивнул и привычным жестом поправил очки указательным пальцем. Затем Шмоер на некоторое время замолчал, и я поняла, что мой гнев не остался незамеченным.

Я до смерти ненавидела этот вид существ, убийц и насильников, способных причинять вред, не чувствуя страха в глазах своих жертв. Я много читала о них. За последние несколько лет на телевидении стало модно рассуждать о зле, которое они способны причинить, и всегда находился какой-нибудь журналист или комментатор, который с явным восхищением и одновременно отвращением отмечал, как психопаты дистанцируются от чувств других. После того, что со мной произошло, я чувствовала себя именно так: вдали от своего тела, от своей сексуальности, от своих эмоций. Кто-то раздавил мою душу и превратил меня в испуганную рохлю, которая прячется дома, как только наступает ночь. Часть меня хотела, чтобы мои эмоции были там, где они всегда были, рядом с моим сердцем, а не там, где они, казалось, остались – в темном углу парка, через который я больше не хотела проходить даже при свете солнца.

– Видишь ли, Мирен, – сказал профессор наконец, – возможно, твоя гипотеза стала бы хорошей основой для статьи. Ни одно издание сейчас не думает об этом. Я в этом уверен. Никто не осмелится противоречить «Пресс».

– О чем ты?

– Если в конечном итоге ты окажешься права насчет невиновности Джеймса Фостера, тот, кто опубликует эту статью, в глазах общественности будет носить медаль, от которой не откажется ни один главный редактор. Поверь мне. До сегодняшнего дня я был главным редактором «Дэйли». Я знаю, что происходит в руководстве таких газет. Имидж, доверие. Вот почему я ухожу. Я всегда был на шаг позади и поплатился за это. Такие смелые шаги – вот что любая газета ищет в своих журналистах.

– Но что, если он виновен?

– Мы в одном шаге от того, чтобы это выяснить, Мирен. Мяч уже на обруче сетки, и тебе нужно только подтолкнуть его. Разве ты не видишь?

– Но... Но как? – недоуменно спросила я.

– Самое ценное оружие любого журналиста – источник. У тебя есть его адрес из реестра сексуальных преступников. Ты можешь поговорить с его женой и подтвердить свою историю. Это делается не на ощупь. Нельзя просто так прийти и попросить рассказать всю историю. В этом и есть сенсация. Журналист-расследователь работает, подтверждая гипотезы, Мирен. И в твоём случае не хватает только «да» или «нет» от Маргарет С. Фостер. А для этого достаточно просто задать вопрос и понаблюдать за ее реакцией.

Я была озадачена. Никогда раньше я не решалась на такой шаг, как беседа лицом к лицу. Во время учебы я выполняла задания, где брала интервью у однокурсников или профессоров. Иногда даже писателей или политиков, но всегда по телефону.

– Ты сможешь, Мирен, – сказал он.

Я ненавидела выходить на улицу по ночам, а сейчас, наверное, было уже девять часов. Мы могли еще добраться до дома Фостеров и попытаться поговорить с Маргарет до того, как главные газеты уйдут в печать. Профессор Шмоер обещал, что, если я подтвержу свою гипотезу и напишу достаточно основательную и убедительную статью об аресте, он разошлет ее своим коллегам из других газет, чтобы посмотреть, не повезет ли мне с первой публикацией. Если я права, Маргарет С. Фостер сейчас находилась либо в полицейском участке двадцатого района, ожидая новостей о своем муже, либо дома с двумя детьми, плача и не понимая, что происходит и почему его так долго не отпускают из-за простого недоразумения.

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросил профессор.

Часть меня хотела сказать «нет», но за окном было темно, и мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Согласно досье, дом Фостеров находился в Дайкер-Хайтс, и профессор согласился оплатить поездку на такси, которая должна была обойтись в кругленькую сумму. Во время поездки я впервые почувствовала себя настоящим журналистом. За окном мелькали уличные огни, и я чувствовала, что город – это целая история, которую

можно рассказать. Из труб валил пар, похожий на гигантские занавески, свисающие с небоскребов; мы без задержек ехали по маршруту, выбранному таксистом, и я впитывала в себя воспоминания о городе с его огнями и тенями, таком смелом и таком застенчивом, как будто он хотел, чтобы я раскрыла, что происходит за каждым углом, и в то же время просил мир никогда не исследовать, что он скрывает. Когда мы перебрались на другую сторону, миновав Бруклинский мост, и приблизились к месту назначения, мои чувства стали меняться. Здесь было темно, здесь скрывалось что-то, что напоминало мне о той ночи в парке. Профессор молчал большую часть пути, но в этот момент он, наверное, ощутил, как мои страхи выходят из своих пещер, потому что вдруг спросил:

– Ты простила этого... Роберта? Того, кто отвел тебя в парк в тот день.

– Что?

– Смогла ли ты простить его за... за то, что не смог защитить тебя? Насколько я понимаю, он сбежал, оставив тебя наедине с... с теми парнями.

– В полиции он заявил, что его избили и обезоружили, но я ничего такого не помню. Помню, он сбежал, как трус. У него даже не хватило смелости подтвердить на опознании личность единственного типа, которого арестовали.

– Я знаю, он указал на кого-то другого, а не на того, на кого указала ты. Потом заявил, что было слишком темно, чтобы подтвердить, и указал на кого-то еще. Я читал отчет. Этим он все усложнил, – сказал Шмоер сочувствующим тоном.

– И благодаря ему... он на улице. Насильник на свободе. Еще один.

– Роберт извинился перед тобой?

– Ему потребовалось несколько месяцев. Он появился в дверях класса и... прочитал мне строчку из Оскара Уайльда о прощении. Это был самый детский поступок, что я видела от парня за долгое время. Я сказала ему, чтобы он уходил и я больше никогда не хочу его видеть.

– Думаю, этим он пытался помочь себе, а не тебе, – проницательно заметил профессор.

– Я так и подумала.

Такси остановилось перед домом, на котором новогодние гирлянды были развешаны не до конца. За исключением пары темных пятен вдали вся улица была уже украшена, и дома светились ярко, будто днем. Рождество в этом районе всегда наступало рано – традиция, заведенная жителем 84-й улицы в середине 1960-х годов и вскоре распространившаяся среди соседей.

– Родители Киры живут где-то здесь, в одном из этих домов, – сказал профессор, выйдя из машины.

– Наверное, ужасно узнать, что твой сосед украл твою дочь.

– Возможно, это был не он. Для этого мы здесь. Чтобы выяснить хотя бы это.

– Да, но они еще об этом не знают.

На улице не было ни души, хотя в это время года она считалась туристическим местом, и у меня закружилась голова. Словно по подвесному мосту, я прошла по плитке к двери дома семьи Фостер, внутри которого горел свет. Мы трижды громко постучали позолоченным дверным молотком, и дверь открыла брюнетка в халате с темными кругами под глазами.

– Что вам нужно? Кто вы? – спросила она растерянно, не понимая, что мы здесь делаем.

Глава 32

Радость заставляет поверить, что рядом кто-то есть, печаль, напротив, – что ты всегда был одинок.

1998

Аарон проводил Грейс в спальню, чтобы та отдохнула после больницы, и стоило только рухнуть на домашний диван, как он зарыдал от отчаяния. С одной стороны гостиной, на столе, который обычно был заставлен рамками с фотографиями, где они трое были вместе, теперь молчали телефоны, трезвонившие до этого дни напролет. Добровольцы ушли домой несколько часов назад, убедившись, что звонки иссякли. Вдруг один из телефонов настойчиво зазвонил, и Аарон резко встал, заливая трубку слезами, которые пропитали его бороду.

– Алло? Вы знаете что-то о Кире? – с надеждой спросил мужчина.

Но на другом конце эхом отдавался смех пары подростков, которые звонили ради розыгрыша.

– Это вас должны были похитить, сукины дети! – прокричал он с тоской. – Моя трехлетняя дочь исчезла. Вы понимаете, каково это?

Он подумал, может быть, кто-то на другом конце извинится, но несколько секунд спустя из телефона снова донеслись лишь два обидных смешка.

Аарон закричал.

Он кричал так громко, что ему вторил вой собаки с улицы. Затем, не в силах выдержать больше ни секунды, мужчина схватил телефоны и дернул, вырвав провода из усилителя, соединяющего телефонный узел. Он бросил трубки в мусорный бак и проклял себя за то, что вообще пытался заставить мир помочь ему.

За годы работы в страховой компании Аарон всегда старался как-то выручить своих клиентов. Он немного подделывал документы, чтобы их приняло начальство, закрывал глаза на первоначальные

анкеты медицинского страхования, составлял отчеты о повреждениях нетронутых автомобилей с единственной целью – изменить цвет краски. Это не была работа его мечты, но именно она позволяла ему оплачивать счета и жить безбедно, а единственным недостатком было то, что иногда ему приходилось переступать через себя и отказывать в страховом покрытии, когда начальство жаловалось на низкую рентабельность офиса. Он довольствовался тем, что достигал минимальной нормы, выполняя, но никогда не перевыполняя установленные показатели. Благодаря этому его любили клиенты, хотя и не все. Нельзя достичь всеобщей любви, когда тебе приходится отказывать в дорогостоящем лечении рака или сообщать, что после несчастного случая, где человек лишился обеих рук во время ремонта в гараже, страховка покроет протез только для одной из них.

Он считал себя хорошим человеком и помогал где мог: ежемесячно жертвовал тридцать долларов в неправительственную организацию, призванную улучшить жизнь детей в Гватемале, наладил сортировку мусора, старался участвовать в пожертвованиях, которые собирали в их районе. Возможно, именно поэтому соседи помогали ему – знали, что он хороший человек. Но люди, которые не знали его, все те люди, которые сопереживали его истории лишь из болезненного любопытства, вызванного исчезновением Киры, все они хотели только зрелища. Сюрприз здесь, новый поворот событий там, рыдания на экране в прайм-тайм. Но отыскать Киру было все равно что сделать тройное сальто-мортале между трапециями без сетки в конце циркового представления. Если получится – наградой служат аплодисменты и одобрительные возгласы. Если же нет... люди все равно уходят домой довольными, потому что они уже видели, как львы прыгают через пылающий обруч.

Он все еще не мог поверить в случившееся и то, как сильно все изменилось всего за одну неделю. Исчезновение Киры, выкидыш Майкла. Прикосновение пальцев дочери, ее голос, зовущий папу. Аарон вышел на улицу, пытаясь противостоять ужасной мысли, которая закрадывалась из глубин тела в его сознание – словно темная горгулья, желающая взгромоздиться на его макушку, чтобы наблюдать за развалом его семьи.

И тут зазвонил мобильный. Аарон достал его из кармана и увидел, что это агент Миллер. В этот момент ему нужно было что угодно,

чтобы вцепиться зубами и не провалиться в пустоту, пусть даже это будет лишь слабый проблеск надежды: небольшого продвижения или противоречия в показаниях задержанного хватило бы, чтобы удержаться.

– Скажите мне, что этот сукин сын признался, где Кира, – сказал он, как только поднял трубку.

– Я не могу, мистер Темплтон. И... мы думаем, он не виновен. Я должен был сообщить вам.

– Что?

– Его объяснения удовлетворительны. Он кажется хорошим парнем. Работает в «Блокбастере», женат, двое детей.

– Но... это ничего не значит. То, что он кажется хорошим парнем, не значит, что это так и есть.

– Разумеется, и я понимаю, что вы хотели бы, чтобы это был он, но его даже не было в городе, когда Кира исчезла.

– Вы хотите сказать, это не он?

– Я понимаю, это трудно осознать, мистер Темплтон. Люди жаждут справедливости, и обложка в «Пресс» несколько осложнила нам жизнь. Но этот парень просто хотел помочь.

– Помочь? Он пытался забрать маленькую девочку в том же районе, где была похищена Кира. Это должен быть он, агент. Должен быть. – Голос Аарона звучал почти умоляюще.

– Вы слышали, что я сказал? Его не было в городе, когда Кира исчезла.

– Вы проверили? Почему вы так уверены?

– У него есть судимость, но обвинения были сняты. Он был во Флориде на прошлой неделе. Мы проверили журнал полетов, и это правда. Он сел в самолет 24 ноября и вернулся позавчера. Мы проверили камеры на Таймс-сквер, и нигде он не применяет к девочке силу. Просто... родители были на взводе и слишком остро отреагировали, увидев ее с незнакомцем. Судимость и общественная истерия из-за... из-за Киры довершили дело.

– А девочка? Что она говорит? – в отчаянии спросил Аарон.

– Я не должен рассказывать вам столько подробностей, но я делаю это, потому что сочувствую вам. У меня есть племянница возраста Киры, и все это просто душераздирающе, но мы не можем взять и наброситься на первого встречного.

– Но что говорит девочка?

– Девочка говорит, что потерялась, а он сказал ей, что отведет ее к родителям, мистер Темплтон. Что бы вы ни думали, у нас нет ничего, что указывало бы на то, что Кира у него.

– Дайте мне поговорить с ним. Пожалуйста.

– Мы освобождаем его, мистер Темплтон. Поэтому я и звоню вам. Чтобы вы узнали об этом раньше газет. Я думаю, это меньшее, что мы можем сделать. Мы делаем все возможное и... «Пресс» сделала только хуже. Они подрезали нам крылья. Его адвокат подал жалобу, потому что против его клиента не было весомых улик и... он прав.

– Но вы можете допрашивать его дальше.

– Мы не можем. Так будет лучше для следствия. Все время, которое мы тратим на него, мы не тратим на другие версии. Вы понимаете? Я знаю, вы в отчаянии, но я прошу вас доверять полиции. Возможно, так лучше. Мы будем продолжать поиски, анализировать новые зацепки и проверять существующие, но это – тупик. Этот парень невиновен.

Аарон перестал слушать в тот момент, когда агент попросил его довериться полиции. Всего за три минуты его единственная надежда испарилась. Холод Дайкер-Хайтс ударил ему в лицо, свет в доме Мартина Спенсера резко погас, вероятно по расписанию, вдалеке показался силуэт желтого такси, пересекающего улицу в южном направлении. Это привлекло его внимание: редко кто приезжал сюда на такси из Манхэттена, но он забыл об этом, почувствовав, как снежинка приземлилась на кончик его носа. Он швырнул сотовый телефон на газон в саду и вернулся в дом, который казался еще более пустым, чем несколько минут назад.

Вдруг Аарон услышал шум, доносившийся из спальни, где он оставил Грейс отдыхать, и поспешил вверх по лестнице. Подойдя ближе, мужчина узнал повторяющийся звук пружин кровати, как тогда, когда Кира пробиралась в комнату и прыгала на нее. На мгновение он забылся и представил, что это действительно Кира. Ему показалось даже, что он слышит ее смех, ее немного надрывной смех, который всегда напоминал ему ловкое движение пальцев на высоких нотах фортепиано. Но когда Аарон поднялся наверх и заглянул за порог, стало ясно: Грейс переживает эпилептический припадок во сне.

В этом не было ничего необычного. На самом деле Грейс часто шутила, что она страдает эпилепсией, только чтобы поиздеваться над мужем, пока он спит, но на самом деле приступы случались, только когда она испытывала стресс или что-то не давало ей покоя. Мать Грейс также страдала эпилепсией, и помимо чувствительного характера это было единственное, что она передала своей дочери перед смертью.

Аарон сел на краю кровати и на протяжении всего припадка гладил ее по волосам, шепча, что он скоро пройдет. Когда спазмы наконец закончились, Грейс приоткрыла глаза, сонно осознавая, что приступ прошел, и одарила мужа измученной улыбкой. Аарон прошептал ей на ухо, что всегда будет любить ее, и она снова закрыла глаза, зная, что это правда, но это уже не имело значения.

Глава 33

Мы лжем, чтобы скрыть правду или не причинить боль, но также мечтаем, чтобы ложь не была ложью.

1998

Место неизвестно

Уильям вернулся домой, одетый в комбинезон мастерской, где он работал, неся несколько пластиковых пакетов. Его руки были грязными, с жирными черными пятнами по краям ногтей. Он помахал рукой и остановился в дверях, увидев, что Кира сидит на коленях у Айрис и они вместе смотрят телевизор. Девочка посмотрела в сторону двери и снова повернулась к Айрис, которая в течение последней недели изобретала все более неубедительные причины, почему она не может увидеться с родителями.

– Как прошел день? Лучше?

Айрис вздохнула и тепло обняла девочку, которая была увлечена развернувшейся на экране сценой из «Джуманджи» – кассету они купили пару лет назад, но так и не успели посмотреть. Группа обезьян, прыгая вверх и вниз, ворвалась в магазин видеотехники, и смех Киры отдавался в ушах Айрис как небесная музыка.

– Ты что, дурак? Немедленно закрой дверь. Холодно, и Мила простудится.

– Мила? – спросил он удивленно.

Айрис посмотрела на девочку и улыбнулась ей широко и ласково.

– Да. Это Мила. Мне всегда нравилось это имя, правда, Мила?

– Нет! Я... Я... Кира, – запротестовала та, неуверенно улыбаясь.

– Не говори так! Это очень некрасиво! Ты не Кира. Ты Мила. Тебя зовут Мила.

– Мила? – озадаченно переспросила Кира.

– Да... Верно! – радостно воскликнула Айрис, вскинув колени, и для Кире это было похоже на американские горки.

– Смотри, обезьяна! – девочка показала на экран и рассмеялась. За этот день ее настроение менялось не единожды. Она проснулась в замешательстве на диване, после того как провела всю ночь, свернувшись калачиком рядом с Айрис, которая ни на секунду не переставала гладить ее по волосам, наблюдая, как она спит, в полумраке, а свет полной луны лился через единственное окно в комнате. Потом она несколько раз, как и в предыдущие дни, спрашивала о матери, а затем поиграла с Айрис фарфоровыми фигурками, украшавшими мебель в гостиной. Позже, во время обеда, Кира расплакалась и просилась к отцу, спрашивая, почему он не вернулся, чтобы пообедать с ней, как всегда. Эти вопросы причиняли Айрис боль, и какая-то ее часть злилась и протестовала, но она заметила, что с каждым днем – прошла уже неделя – Кира все реже спрашивала о своих родителях. Она уже начала привыкать к их компании, к их выдуманым играм со всевозможными предметами в доме, такими как соковыжималка, рамка для фотографий или лампа в китайском стиле, купленная в том же магазинчике для ремонта, что и обои на стенах. Когда Кира спрашивала о родителях, Айрис объясняла, что им пришлось уехать в путешествие и они не смогут вернуться какое-то время. Однажды она сказала ей, что родители очень сердятся на нее за то, что она задает так много вопросов, и они не хотят ее больше видеть, но девочка разрыдалась так, будто у нее только что отобрали самое драгоценное.

Айрис оглянулась на мужа и тоном на три октавы ниже, чем тот, которым она обращалась к Кире, практически шепотом, спросила:

– Ты все принес?

– Да. Я купил всего понемногу в разных магазинах.

– Кто-нибудь видел тебя?

– Конечно, Айрис. А как еще, по-твоему, я должен ходить по магазинам? – прошептал он.

– Я имею в виду кого-то из соседей.

– Я был в торговом центре в Ньюарке и в каждом месте купил только одну вещь. Продавцам сказал, что это в подарок.

– Ты пошел в таком виде, грязный с работы?

– А как ты хотела? Я пошел сразу после мастерской, ради бога. Айрис, ты становишься психопаткой. Никто не узнает о нас. Никто не должен ее видеть. Она наша маленькая девочка.

– Она была в новостях, Уилл. Ее ищут повсюду.

– Что?

– Ее ищут. ФБР даже провело пресс-конференцию, посвященную развитию событий. Они найдут нас, Уилл.

– Послушай меня. Никто не отнимет у нас нашу девочку. Ты это понимаешь? Если понадобится, она никогда не выйдет отсюда. Она будет нашим маленьким личным сокровищем. Никому не нужно заходить к нам.

– Невозможно вырастить ребенка, не выпуская его из дома. Всем детям нужно гулять, играть и общаться с другими детьми. Мила очень живая и со временем захочет выйти на улицу. Играть в парке, бегать по траве.

– Она будет делать то, что мы скажем, потому что она наша дочь, – запротестовал он, повысив голос, и Кира удивленно посмотрела на него.

– А как же папа? – спросила девочка, ее лицо озарял свет экрана.

– Мила... дорогая... я уже объяснила... – прошептала Айрис, повернувшись к ней и погладив ее короткие волосы. – Уилл тоже твой папа. Он очень любит тебя и будет заботиться о тебе, как забочусь о тебе я.

Кира пристально посмотрела в глаза Айрис и прошептала заплетающимся языком:

– Я хочу спать... можешь... можешь рассказать мне сказку?

Айрис посмотрела на Уилла, сглотнула и вздохнула.

– Конечно, милая. Какую историю ты хочешь услышать?

– Про то, как... как приехали мама и папа.

Глава 34

Люди читают газеты, чтобы найти ответы, а не вопросы, и, возможно, в этом и заключается проблема.

30 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Статья Мирен Триггс произвела в стране эффект информационной бомбы. Хотя другие газеты уже писали об исчезновении Киры в День благодарения, публикуя короткие статьи в пару абзацев, никто не ожидал ничего подобного. Каждый новостной канал в утро публикации пытался получить копию пленки, стараясь вскочить на волну популярности, запущенной в мир.

Пятью годами ранее лицо Киры на первой полосе «Манхэттен пресс» вызвало немалый переполох, но в конце концов люди привыкли к мысли об исчезновении ребенка. Печальное событие, но первоначальное волнение рассеялось еще до конца года. Страна привыкла к лицам пропавших детей на пакетах молока в США в течение 1980-х и начала 1990-х годов, которым они с горечью заливали хлопья. Эта система объявления на упаковках, которая перестала использоваться после введения системы «ЭМБЕР Алерт», настолько глубоко проникла в подсознание американцев, что все знали о ее существовании, но мало кто видел лично хоть один из тех пакетов молока с черно-белым лицом ребенка.

Когда такая газета, как «Пресс», опубликовала статью, радикально отличающуюся от их обычного стиля, попросив о помощи и предоставив несколько ключевых фрагментов загадки, на которую не было очевидного ответа, люди хлынули в редакцию. Мир читает газеты в поисках ответов, а не вопросов, и, возможно, в этом проблема. Может быть, именно поэтому вся страна набросилась на эту статью.

Когда Мирен пришла в редакцию в то утро, она обнаружила, что улыбающаяся секретарша за стойкой регистрации принимает звонок с включенной гарнитурой.

– Фил приехал?

– Подождите минутку, – сказала она в трубку, обращаясь к собеседнику. – Он пришел и уже трижды спрашивал про тебя. Он хочет тебя видеть. Я проводила ребят к твоему столу. Они ждут тебя там.

– Сколько человек пришло?

– Двое.

– Всего двое?

Секретарша кивнула с улыбкой. Мирен подняла голову и увидела мальчика и девочку, немного моложе ее, стоящих за столом в отдалении.

– Эли, Фил очень зол?

– Не знаю. Кажется, он всегда такой.

– Когда ты увольняешься? – спросила Мирен, снимая свое серое пальто, чтобы выиграть время.

– На Рождество. Посмотрим, как я справлюсь.

– Уверена, все будет хорошо. Тебя будет здесь не хватать.

– Не думаю. Со мной тут едва здороваются.

– Это... довольно напряженная работа. Но не волнуйся. Когда ты станешь знаменитой, тебя обязательно позовут на интервью. И тогда ты будешь победно улыбаться, а им придется выдавливать из себя ответную улыбку. Я бы с удовольствием на это посмотрела.

Элизабет улыбнулась и опустила голову.

– Он в своем кабинете?

Секретарша подняла руку, посмотрев в другую сторону, и кивнула. Затем она продолжила диктовать почтовый адрес газеты человеку на другом конце трубки, и Мирен перестала слушать.

Девушка поспешила к своему столу, чувствуя на себе пристальные взгляды коллег, пока пересекала редакцию, и взмахом руки поприветствовала гостей. Затем указала на звонящий телефон на своем столе и обратилась к ним:

– Привет, я Мирен Триггс, видите вот этот телефон? – сказала она с притворной улыбкой.

Оба нервно кивнули.

– Если кто-нибудь позвонит, возьмите трубку и запишите все, что они скажут. Все, – подчеркнула Мирен.

– Кому брать трубку? Здесь только один телефон, – заметил парень.

– И правда. – Она не подумала об этой детали. – Берите по очереди и записывайте все, что вам говорят. Я найму того, у кого почерк лучше.

– Что?!

– Это называется меритократия, ребята, – ответила Мирен и отвернулась. – Добро пожаловать в «Пресс».

Девушка радостно кивнула, парень же неверяще посмотрел на Мирен, а затем перевел взгляд на спутницу.

Мирен направилась к кабинету Фила Маркса, издателя «Манхэттен пресс». Дверь была открыта, и он разговаривал с редактором о каких-то документах, связанных с вторжением администрации Буша в Ирак. Она ждала, пока они закончат, прислонившись к холодному краю стеклянной двери, и, когда редактор прошел мимо нее, Фил пригласил ее войти.

– Мирен, объясни-ка, что ты вчера устроила. Статья о Кире не была одобрена, она не прошла отбор, и твой редактор сказал, что уже предупреждал тебя, чтобы ты отказалась от этой истории. Мы не таблоид и не собираемся им становиться.

– Мистер Маркс, позвольте мне сказать вам, что...

– Нет, дай мне закончить, пожалуйста.

Мирен тяжело сглотнула, пытаясь приглушить чувство вины, хотя была на грани того, чтобы уйти. Фил был суров, но в то же время он был одним из самых рассудительных людей, которых она когда-либо знала. Все опубликованное должно было соответствовать общественным интересам. Любая тема должна была подниматься в «Пресс» с целью изменить ситуацию.

– Мирен, нельзя отправлять статью в печать без одобрения. Мы находимся в состоянии войны с Ираком. Правительство говорит, у Саддама есть оружие массового поражения, а мы – «Пресс» – должны проверить, правда ли то, что говорит правительство. Именно над этим сейчас работает весь отдел расследований.

– Я понимаю это, сэр.

– Однако... у меня дочка примерно возраста этой девочки. Ее зовут Альма, и... если б то, что случилось с этой семьей, случилось со мной, я бы не хотел, чтобы страна молчала, сосредоточившись на том, что происходит за тысячи миль от ее собственных домов, отказываясь сражаться с врагами, которые живут по соседству.

– Не уверена, что поняла вас.

– Другие родители тоже чувствуют эту боль. У каждого есть кто-то близкий того же возраста: племянница, двоюродная сестра, дочь, внучка. Этой девочке нужна помощь не меньше, чем нашим солдатам на другом конце света.

– Боюсь, я в замешательстве, мистер Маркс.

– В свое время мы опубликовали портрет Киры на первой полосе. Было бы эгоистично не помочь ей теперь, когда дело заглохло. Можешь продолжать расследование. Но не испортить его. Твой репортаж вызвал большой ажиотаж. Поздравляю.

– Бо... большое спасибо, мистер Маркс.

– Не за что. У тебя есть все необходимое? – спросил он, потянувшись за бумагами на столе.

– Я нашла двух стажеров из университета. Думаю, справлюсь.

– Хорошо. Продолжай в том же духе. Мне нужны две статьи в неделю об этой девочке. И я хочу, чтобы ты нашла ее, Мирен.

– Нашла ее? – переспросила девушка, немного напрягаясь.

– Ты думаешь, это невозможно?

– Я этого не говорила. Просто... никогда не видела ничего подобного.

– Я тоже, мисс Триггс, и по этой причине стоит подойти к этому делу со всей серьезностью. Эта запись... У меня очень плохое предчувствие по поводу всего этого.

– Большое спасибо, мистер Маркс.

– Не стоит благодарности. Ты хорошо работаешь. Джим был прав.

– Профессор Шмоер всегда был хорошим другом.

– Как он сейчас? Мы были соперниками, но я всегда восхищался им. Я думаю, мир журналистики стал хуже с тех пор, как он ушел.

– Он сосредоточился на преподавании и... У него есть радиопрограмма в университете, которую он записывает по утрам и выпускает по вечерам. Он ничуть не изменился. Его приятно слушать. Из каждого выпуска можно узнать много нового.

– Это хорошо. Если из университета будет выпускаться больше таких журналистов, как он, это будет хорошим знаком. Может быть, там Джим приносит больше пользы, чем в «Дэйли», разоблачая корпоративные аферы и финансовые пирамиды. Я не думаю, что это была его сфера, понимаешь? Журналист должен найти тему, которой он увлечен, и погрузиться в нее с головой, а я всегда отмечал, что, несмотря на язвительный взгляд и критический дух, он так и не нашел достойного сюжета.

– Это он обратил мое внимание на историю Киры, – сказала Мирен, пытаясь похвалить его еще немного.

– Возможно, исчезновение девочки – как раз его тема. Я мог бы нанять его, чтобы он работал с тобой. В конце концов, пять лет назад именно он порекомендовал взять твой эксклюзив об освобождении того парня, который пытался похитить маленькую девочку, с теми его кассетами.

– Я спрошу его. Я давно с ним не разговаривала. Возможно, он захочет помочь.

– Держи меня в курсе дела, пожалуйста. Две статьи в неделю. И посмотрим, сколько будет материала в дальнейшем.

– Большое спасибо, мистер Маркс.

– Секунду... я не закончил.

– Да?

– Про изнасилование это правда? – спросил он внезапно. Он уставился на Мирен в ожидании ответа. Она не знала, было ли это сочувствие или простой интерес.

Девушка молча кивнула. Она выглядела настолько серьезно, что Фил Маркс ощутил некоторую неловкость.

– Тебе не обязательно было поднимать эту тему в статье, – сказал мистер Маркс.

– Я знаю.

– И почему ты это сделала?

– Мне нужно было исцелиться.

– Я понимаю, – сказал он, кивнув, а затем продолжил: – Того, кто это сделал, так и не поймали?

– Полиция – нет, – ответила Мирен и вышла из кабинета.

Она вернулась к своему столу, где новая девушка-стажер принимала звонок, а ее напарник внимательно смотрел на то, что она

записывает в блокнот на пружинах. Заметив возвращение Мирен, он пару раз постучал по руке коллеги. Девушка повернулась и продолжила внимательно слушать, кивая, а Мирен наблюдала. Затем девушка с суровым выражением лица принялась снова что-то строчить в блокноте. Спросив имя и контакты собеседника на случай повторного разговора, она повесила трубку.

– Я только что разговаривала с начальством, – с серьезным видом сказала Мирен. – У меня хорошие новости.

– Вы напрямую общаетесь с Филом Марксом, издателем «Пресс»?

– Иногда да, но только когда ты облажался или когда сделал что-то хорошее.

– И что он вам сказал?

– Вкратце, что сегодняшняя газета продается как горячие пирожки. Объясню. Как я и говорила, хорошие новости, вы оба остаетесь. Трехмесячная стажировка. Пятьсот долларов в месяц плюс компенсация расходов на проезд. Питание за ваш счет. Можете приносить еду с собой. Внизу есть кухня. Поздравляю, вы только что вступили в мир журналистики. Отнесите документы в отдел кадров, это на два этажа выше. А сейчас... были ли какие-то звонки не от психов с дурацкими зацепками?

– Какими дурацкими зацепками? – спросил парень. – Пока звонили только двое.

– Хороший вопрос. Расскажите, что у вас есть, и я вам отвечу. Это будет хорошее упражнение.

– Первый звонок был от женщины из Нью-Джерси, которая заявила, что девочка на фотографии очень похожа на ее племянницу.

– Вот это дурацкая зацепка. Второй звонок?

– Не знаю, говорить ли об этом, – вклинилась девушка.

– Давай.

– Речь идет об игрушках.

– Может, глупость, а может, и нет. Продолжай.

– Владелец магазина игрушек говорит, что кукольный домик на картинке похож на «Маленький дом и сад» от «Томи Корпорейшн Калифорния». Редкая сегодня модель, которая была относительно популярна в 1990-х годах.

– Интересно. Это не дурацкая зацепка. Возможно, мы что-то и выудим. Поищите в интернете список всех магазинов игрушек, где

продаются кукольные домики. Продолжайте отвечать на звонки. У меня есть кое-какие дела. Если вам что-нибудь понадобится, попросите у секретаря Эли. – Мирен записала свой номер в блокнот. – Если будет что-то стоящее, позвоните мне по этому номеру.

– До скольких? До какого часа нам принимать звонки?

– До какого часа? Разве я не говорила вам, что вы уже являетесь частью мира журналистики?

Стажеры в замешательстве переглянулись, но намек поняли. Улыбнувшись, Мирен ушла, оставив их за столом. Телефон зазвонил снова, и теперь была очередь парня отвечать на звонок. Его напарница стояла в стороне, глядя, как Мирен уверенно шагает к двери, и испытывала что-то вроде восхищения.

На ходу Мирен задумалась, не зря ли она сказала ту фразу Филу Марксу, и мысленно повторила ее: «Полиция – нет».

Глава 35

Любовь расцветает даже в самых темных уголках.

12 сентября 2000

Место неизвестно

Уильям, одетый в джинсы и голубую рубашку-поло, с широкой улыбкой открыл дверь, держа в руках огромную коробку, завернутую в красную оберточную бумагу. Было одиннадцать часов утра, и Кира выбежала из своей комнаты, радостно крича и распахнув объятия.

– Это мне? Это мое? – восклицала она.

Айрис вышла из кухни и улыбнулась.

– Что это?

– Я увидел это в витрине и подумал, что тебе понравится.

– Что это? – радостно закричала девочка.

– С днем рождения, Мила, – сказал Уилл.

– У меня сегодня день рождения?

– Конечно, милая, – солгал он, зная, что это не имеет значения. – Тебе пять лет. Ты уже совсем взрослая.

Айрис слегка расстроилась, но решила не вмешиваться. Годом ранее они подарили ей куклу, которая наскучила Кире уже через два дня. Если размер игрушки соответствовал размеру коробки, то она наверняка стоила целое состояние и они не могли себе этого позволить, особенно если Кире она надоест так же быстро, как та кукла.

– Не волнуйся, ладно? Там была распродажа, – сказал Уилл Айрис, пока Кира прыгала от счастья.

Уилл поставил коробку на стеклянный столик в гостиной, и Кира безудержно засмеялась, глядя на подарок, который доходил ей до лба.

– На самом деле он не такой уж и большой. Просто коробка такая, – сказал Уилл, оправдываясь.

– Это гигантский подарок! Это самый большой подарок в мире!

Маленькая Мила разорвала бумагу и увидела огромную коробку с прозрачной пластиковой крышкой, а внутри – игрушечный домик, обставленный мебелью, с садом. На коробке крупными буквами было написано «Маленький дом и сад», но Мила пока толком не умела читать, и ее интересовало только содержимое.

– Домик! Это домик!

Айрис взглянула на Уилла и не могла не улыбнуться. Кира была счастлива впервые за последние несколько недель. По ночам она страдала от кошмаров, а днем была вялой и не хотела ничего делать по дому. Айрис, которая пыталась учить ее сама и по мере сил заниматься с ней английским и математикой, обнаружила, что перед ней словно выросла стена и она не справляется с ролью матери. Счастье Киры утешало и немного облегчало чувство вины.

– Мама, это домик! Смотри! И здесь есть деревце!

– Да, милая. Это домик. Поздравляю!

– Я вас люблю! Я так вас люблю! – от всего сердца воскликнула Кира. Она была вне себя от счастья, и Айрис едва не расплакалась, услышав эти слова. Уилл подошел к девочке и поцеловал ее в лоб. Затем Айрис сделала то же самое, и они провели несколько минут вместе, распаковывая и вынимая домик из огромной картонной коробки. Они разложили игрушечную мебель на стеклянном столике, причем Кира постаралась расставить все по размеру, слева направо, а затем проследила, чтобы внутри домика все оказалось на своих местах: кухонная утварь, стулья, столы, диваны, шкафы и кровати. Затем она еще раз залезла в коробку и обнаружила там маленькую перегородку, не зная, к чему ее прикрепить – то ли к дивану, то ли к кровати. Уилл с легкой улыбкой посмотрел на жену, и она, слегка нахмурившись, махнула рукой, намекая, что им нужно поговорить наедине. Они оставили Киру в гостиной и пошли на кухню, чтобы обсудить все шепотом.

– Сколько он стоил?

– Не очень много, честно.

– Больше ста долларов, да?

– Четыреста.

Айрис поднесла руки к лицу.

– Ты с ума сошел?

– Ей хватит его надолго. Это игрушка на всю жизнь. Это дешево. Когда она подрастет, она все еще сможет играть с ней.

– Когда Мила подрастет, она не захочет с ней играть. Это большие деньги, Уилл. Мы не можем столько потратить. Мы сильно задолжали банку, а работаешь только ты.

– Ты тоже можешь работать.

– Я уже работаю, Уилл. Забочусь о ней и доме. Ты чертов шовинист.

– Не говори так. Это несправедливо.

– Ты знаешь, я права. И ты тоже несправедлив. Если я буду работать, с кем мы ее оставим? Мы не можем водить ее в школу. Ее ищут, Уилл. Все это пустые слова. Ты не думаешь, прежде чем открыть рот.

– Тише ты, она нас услышит. Впрочем, возможно, ей пора узнать, откуда она у нас.

– Даже не думай об этом. Я не хочу больше видеть ее слезы. Я и так вынуждена все время говорить ей «нет», когда она просится поиграть на улице. И это мне приходится видеть, как она грустит после этого, понимаешь? Ты не видишь, как Мила просит и умоляет.

– И что нам делать? Выйти с ней на улицу как ни в чем не бывало? Да нас упекут в тюрьму за десять минут, Айрис. Назад пути нет.

Айрис вздохнула, пытаясь избавиться от горечи и тяжести на сердце. Уилл подошел к ней и примирительно поцеловал в лоб. Он крепко обнял ее, а затем чуть отстранился, обхватив лицо и глядя ей в глаза.

– Она наша дочь, и я сделаю для нее все. И если мне придется затянуть пояс, чтобы у нее была хорошая игрушка... я это сделаю, понимаешь?

Айрис почувствовала объятия мужа. Иногда она не доверяла ему и сомневалась, что он действует в интересах семьи, но потом вспоминала, что именно его стараниями Кира была теперь с ними, это он прошел с ней сквозь толпы людей на День благодарения вплоть до самой станции метро «Пенн».

– Я знаю, Уилл... Просто это... это так тяжело. Я часами сижу с ней здесь. И... когда я смотрю в ее глаза, мне кажется, она знает правду.

– Не знает, милая. Когда она в последний раз спрашивала о своих родителях?

– Почти год назад.

– Вот видишь? Успокойся. Мы ее родители и всегда ими будем, понимаешь?

Айрис насторожилась, и Уилл раздраженно посмотрел на нее.

– Что теперь?

– Я не слышу, как она играет.

Уилл и Айрис вышли из кухни, немного волнуясь, все ли в порядке с Кирой. Айрис как-то раз прочитала, что для родителей нет ничего более пугающего, чем молчание их детей, но, дойдя до гостиной, они поняли, это правда: входная дверь была открыта, а девочки нигде не было видно.

– Не может быть, – сказал Уилл.

– Мила! – изо всех сил завопила Айрис.

Глава 36

Дьявол способен быть смиренным по утрам, но ночью он берет свое.

Мирен Триггс

1998

Маргарет С. Фостер, вежливая и приятная женщина, пригласила нас в дом, чтобы избежать ноябрьской прохлады. Она провела нас в гостиную и предложила присесть, но мы отказались, не желая терять времени. Интерьер дома прекрасно подходил для этого района: стены, оклеенные обоями с цветами, розовый бархатный диван, лепнина на потолках, паркетный пол. Она извинилась, что дети уже легли спать и не могут спуститься поздороваться. Мне было беспокойно. Очень. Я чувствовала странную пустоту в груди при мысли о причине визита. В какой-то момент она с тревогой посмотрела на нас, и профессор, видя мою нерешительность, спросил:

– Вы ведь знаете, что ваш муж арестован?

– Прошу прощения?

– Вы еще не знаете? – удивился профессор. – Ваш муж. Он арестован за попытку похищения семилетней девочки.

Повисла напряженная тишина. Говорят, мы рабы своих слов и хозяева своего молчания. Но это был прекрасный пример обратного. В этой тишине были сожаление и грусть.

– А разве полиция не приходила поговорить с вами? Почему вы ничего не знаете? – спросила я, несколько растерявшись.

Профессор взмахнул рукой, и я поняла, что он имеет в виду.

Я почувствовала ее беспокойство и поняла, что что-то не так. Казалось, она вот-вот разлетится на осколки, и нам оставалось только смотреть, нажимая на трещину.

– Я звонила мужу весь день, но он не отвечал. Мне ничего не говорили.

– Прошу прощения? Вы хотите сказать, никто не сообщил вам, что ваш муж находится под стражей? – настаивал профессор.

Она покачала головой и начала плакать. Это не укладывалось в голове. Я попыталась обменяться взглядом с профессором, но он упорно смотрел на расстроенную женщину.

– Но... вам не о чем беспокоиться. Я уверена, это ошибка, – вмешалась я. Сама не зная почему, я чувствовала необходимость успокоить ее: – Я уверена, все прояснится, и его освободят. Ваш муж не похож на педофила. Мы пришли, чтобы доказать это. Мы пришли, чтобы вы рассказали нам историю его обвинений.

Женщина кивнула, сглотнув, и ее взгляд был потерян, словно она открывала сундук с секретами. При виде этого мой собственный сундук пропитался болью.

– Мы знаем, его арестовали в восемнадцать лет за отношения с несовершеннолетней, которой тогда было семнадцать, – продолжала я, – и мы предполагаем, что именно вы были той самой несовершеннолетней и в то время с ним встречались. Мы знаем, иногда закон немного несправедлив и... если у девушки суровые родители, могут случиться большие неприятности.

– Я всегда говорила ему, что нам надо остановиться. Что это неправильно. Что бог все видит и это неправильно. Но он настаивал, – наконец сказала Маргарет.

Мы молчали, побуждая ее продолжать. В пелене слез, застилающей ее глаза, отражалась многолетняя печаль.

– Все началось... так. Мы начали встречаться еще детьми, нам было тринадцать и четырнадцать, хотя он всегда был не по годам развит. Он делал взрослые вещи, назовем это так. Курил, пил. Мне это нравилось. Я хвасталась им перед друзьями, понимаете? – Женщина посмотрела на нас, но потом вернулась к своим воспоминаниям. – Мы очень рано начали заниматься сексом, и мои родители застали нас в первый же раз и накинулись с криками и кулаками. Они выгнали его из дома, и какое-то время нам было запрещено видеться. Но это не могло остановить двух подростков с бушующими гормонами, и мы начали заниматься этим тайком. Моим родителям Джеймс никогда не нравился. Они говорили, он ведет себя странно и похож на бабника. Но мне это нравилось. Он смотрел на меня с таким желанием, что я чувствовала себя по-настоящему живой.

Я кивнула в знак поддержки, и она продолжила:

– Однажды, когда мне было шестнадцать, он попросил меня побрить лобок. Я думала, это дерзко и это пустяк по сравнению с тем, что мы уже делали, но в конце концов эта идея превратилась в требование, дошло до того, что он отказался спать со мной, если я этого не сделаю. Он считал грубым и оскорбительным, что я не хочу брить свои интимные места. Я согласилась. Я была влюблена. Подумаешь, какая-то блажь. Когда ему исполнилось восемнадцать, мы продолжали тайком видеться, и в один из таких дней родители застукали нас, а мне все еще было семнадцать. Отец подал жалобу, получил запретительный судебный приказ на несколько месяцев, и его заставили посещать лекции, где рассказывалось, почему поступать так плохо.

– То есть его преступление действительно заключалось в отношениях с вами по обоюдному согласию.

– Да, все так.

– Уверена, в этом случае вашего мужа освободят. Не беспокойтесь. Наверняка никакого похищения не было и он просто хотел помочь потерявшемуся ребенку и отвести его в полицейский участок.

– Где работает ваш муж? – спросил профессор.

– В «Блокбастере». Это сеть видеомagasинов. Он работает в двух минутах отсюда.

– И вас не обеспокоило его отсутствие? Он ведь со вчерашнего вечера под арестом, – опередил мой вопрос профессор.

– Вот почему я вам это рассказываю. Чтобы вы знали это и включили в заявление. – Она поднесла руки к лицу, а затем перевела взгляд на потолок, будто могла видеть, что происходит в комнате наверху. – Не знаю, как я объясню это детям.

Маргарет, очевидно, подумала, что мы полицейские. Никто из нас не сказал ни слова. Профессор достал из пиджака магнитофон, включил его и оставил на столе. Маленькая шестидесятиминутная кассета начала крутиться, записывая все более интенсивные всхлипы женщины и громкое биение моего сердца.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Шмоер серьезным тоном. Я только нервно сглотнула, мгновенно усвоив, что истории нужно слушать до конца.

– На этих лекциях... он встретил других людей. Это было что-то вроде групповой терапии для тех, кто совершил один и тот же вид преступлений – на сексуальной почве. Большинство из них были старше Джеймса, которому тогда было восемнадцать: по сути, он все еще был ребенком. Когда мне исполнилось восемнадцать и мы снова начали встречаться, он рассказал, что они отбывали срок за более серьезные преступления и находились на условно-досрочном освобождении. Эта программа должна была... помочь им вернуться в общество. – Женщина помедлила, собираясь с мыслями, и продолжила: – И вот тогда он начал меняться. Он начал встречаться с этими типами. Он проводил с ними все больше и больше времени. Иногда я злилась, потому что он не хотел меня видеть, а если и хотел, то только ради секса. Мои родители, очень консервативные, не одобряли наши отношения, но я уже была совершеннолетней, и они не могли мне указывать, что делать. Вскоре после этого я забеременела, и родители заставили нас пожениться. Он не хотел, говорил, что ненавидит священников, что встречал нескольких и им нельзя доверять, но в конце концов согласился. Потом он устроился на работу в «Блокбастер», и некоторое время все шло гладко. Его несколько раз повышали, и он всегда возвращался домой с улыбкой. У нас родилась дочь, Мэнди, и мы стали прекрасной семьей из четырех человек.

Я вздохнула. Это ничем не могло мне помочь.

– Вы можете перейти к сути дела? – попросил профессор.

– Но потом я обнаружила кассеты в его кабинете, – внезапно сказала Маргарет.

– Кассеты?

– Видео. Десятки видео с девочками у школы. Группы подружек, идущих по улице. Ничего сексуального, такого бы я не потерпела, но когда увидела их, то потребовала объяснений. Знаете, что он ответил?

– Что?

– Что это для его друзей с тех лекций, что он снял все это, потому что они заплатили ему много денег за видео девочек-подростков в коротких юбках. Он сказал, он единственный среди них, кто умеет обращаться с видеокамерой, а оборудование в магазине позволяет сделать сколько угодно копий. Он создал подпольный бизнес по продаже видеозаписей девушек, сделанных без их согласия.

– Это отвратительно, – вскипела я.

– Ваш муж снимал на видео незнакомых девушек в мини-юбках на улице и продавал кассеты с этим, – подвел итог профессор.

Маргарет потерянно поднесла руки к лицу, не в силах ничего добавить. Несколько раз она порывалась что-то произнести, а затем, рыдая, сказала:

– Джеймс обещал мне, что на этом все закончится. Что это не преступление, потому что в этом нет ничего сексуального. И он просто обогащается за счет фетишей и больных фантазий этого сборища дегенератов.

– Но это преступление, – сказала я сердито.

– Поймите, я не юрист. Я... я просто заботилась о своих детях и следила, чтобы они ни в чем не нуждались. Эти видео принесли столько денег, что их хватило на покупку этого дома. Как иначе управляющий «Блокбастера» смог бы позволить себе жить в таком районе? В конце концов я свыклась с этой мыслью, и тогда Джеймс начал проводить по несколько дней вне дома, уезжая в другие штаты, часто в «Диснейленд», – так проще, говорил он, – а потом возвращался с новыми кассетами, которые хранятся в подвале. Вот почему я не знала, что его арестовали. Я думала, он был в одной из этих... поездок.

– А потом это перешло на следующий уровень, не так ли? – спросила я, боясь узнать правду. – И вы не осмелились сообщить об этом. Вы же все-таки сообщница. И вы боялись потерять то, что у вас есть.

– Я боялась потерять своих детей, – прошептала женщина.

– А как же чужие дети? О них вы подумали? Как насчет Киры Темплтон, трехлетней девочки, которая исчезла неделю назад? Вы думаете, ваш муж мог похитить ее?

– Похитить? Джеймс никогда... никогда ни с кем ничего не делал... против воли.

– Ваш муж был арестован за попытку похищения несовершеннолетней, миссис Фостер, – повторила я, пытаясь донести это до нее.

– Я не знаю, зачем он это сделал. Это... это на него не похоже.

– Не похоже? – переспросила я. – Миссис Фостер, то, что делает ваш муж, все больше подталкивает к его к тюрьме, разве вы не видите? Это патология. Он делал это не ради денег. Откройте глаза. Он делал это потому, что такова его натура.

Ответом мне послужили дрожащая нижняя губа и слеза, скатившаяся по ней.

– Один момент... А ваши дети? – спросил профессор.

Маргарет покачала головой, и я с облегчением выдохнула.

– Слава богу, эту черту он никогда не переступал. Я никогда не оставляла его с ними наедине. Никогда.

– Хорошо, – хмуро сказал профессор Шмоер.

– А что насчет Киры? Вы слышали что-нибудь о Кире Темплтон?

– Пойдемте со мной, пожалуйста. Я должна вам кое-что показать.

Поднявшись с дивана, она повела нас к двери рядом с лестницей. Когда она открыла задвижку, мы поняли, что это вход в подвал, провал во тьму. Маргарет зажгла лампочку, подвешенную на проволоке, и спустилась под скрип лестничных ступеней. Сначала я не заметила ничего необычного, но потом увидела металлическую этажерку, забитую видеокассетами с наклейками, на которых были написаны разные цифры: двенадцать, четырнадцать, шестнадцать, семнадцать, на некоторых даже была семерка или девятка, но все цифры были меньше восемнадцати. Здесь также стояла пара деревянных столов с картонными коробками, а к стенам были прикреплены кнопками изображения калифорнийских пляжей.

– Все это... – уточнил профессор, чтобы подтвердить догадку.

– Да, записи, – ответила она.

Маргарет подошла к этажерке и присела. Ухватившись за шнур, она приподняла деревянный люк, который вел в еще более темное место. Женщина нажала на выключатель, и мы с профессором заглянули вниз, не желая спускаться. Там стояла узкая раскладушка со скомканной простыней и видеокамера на штативе напротив.

– Он начал платить девочкам-подросткам, чтобы... чтобы они спускались сюда, и он их снимал.

Голова закружилась, и мне пришлось опереться на стол. К горлу подкатила тошнота.

– Вы знали об этом и ничего не сказали? – в шоке спросила я.

– Я знала, но они приходили добровольно. Были даже подружки моих детей.

– Что?

– Они приходили к нам и... ну, Джеймс предлагал им тридцать, пятьдесят долларов, и... они спускались без жалоб. Они хотели этого.

И мальчики... тоже.

– И мальчики? А ваши дети об этом знали? Они знали, что вы платили их друзьям, чтобы... чтобы их здесь снимали?

Она обреченно кивнула. Профессор достал одноразовый фотоаппарат, который всегда носил с собой, и сделал снимок подвала, сфокусировавшись на кровати и штативе. Затем он сфотографировал этажерку с видеокассетами.

– Меня арестуют? Это конец. Я много лет мечтала, чтобы все это закончилось... но... я не хотела потерять детей, понимаете?

– Мы не полицейские, миссис Фостер. Мы не собираемся вас арестовывать и не обязаны вас понимать.

– Вы не из полиции? – удивленно воскликнула женщина.

– Нет. Но будь я из полиции, то не дала бы вам даже попрощаться с детьми, – твердо заявила я.

Мы вернулись в гостиную, и профессор позвонил генеральному прокурору, чтобы сообщить ему о наших находках и сделать заявление. За годы работы в «Дэйли», где он писал репортажи о коррупции и мошенничестве, раскрывал общественные интриги и прекрасно умел рассказывать истории, которые часто заканчивались в суде, он установил дружеские отношения с высшим руководством судебной системы и полиции. Вскоре Шмоер вернулся с застывшим лицом, он был чем-то взволнован.

– Ты все рассказал? Полиция приедет? – спросила я немного растерянно.

– Они только что освободили его без предъявления обвинений... – ответил он, оставив меня в замешательстве. Как такое возможно? Мое доверие к закону и системе испарилось как дым. Как я могла быть такой наивной? Как могла надеяться, что система работает?

– О чем ты? В подвале полно улик! – закричала я.

– Кто-то плохо выполнил свою работу, Мирен, – ответил Шмоер серьезным тоном.

– Да ну? Они даже в дом не заходили. Они ничего не сделали! – опять закричала я. Голос срывался. – А что сказал прокурор? Его задержат еще раз?

– Он попросил меня включить телевизор.

Глава 37

Некоторые люди – словно огонь, а другим его не хватает.

1998

На телеэкранах по всей стране бушевал пожар. Затем он перекинулся на первые полосы газет по всему миру, и вскоре это изображение стало символом справедливости, в которой отказали власти, но за которую ратовала вся планета: жадный танец огня, поглотивший Джеймса Фостера на выходе из полицейского участка.

Всего через день после его ареста власти отказались выдвигать против него обвинения. Девочка, которую он якобы пытался похитить в районе Таймс-сквер, подтвердила рассказ Джеймса, камеры в округе не запечатлели никаких следов попытки похищения, а обвинения в растлении малолетних оказались выдвинуты родителями его нынешней жены, когда они оба были подростками. Полиция не хотела идти на поводу у первой полосы «Пресс», из которой следовало, что Джеймс Фостер также является виновником исчезновения Киры Темплтон, но страна его возненавидела, стоило только его лицу украсить газетные киоски по всему Манхэттену. В полдень у дверей полицейского участка, где он содержался под стражей и где его активно допрашивали полицейские, собралась толпа. К шести часам вечера, когда люди вышли с работы, толпа эта исчислялась сотнями. Но постепенно шумные призывы к справедливости стихли, и к полуночи там осталось около тридцати человек, в основном активисты, ожидавшие заявления полиции. В течение всего дня различные новостные каналы и ток-шоу освещали случившееся, строя зловещие догадки о том, как Джеймс Фостер умертвил Киру, чего ему, к счастью, не удалось сделать с семилетней девочкой, которую он пытался похитить.

Когда Фостер вышел на улицу в сопровождении двух полицейских, которым предстояло доставить его домой в целости и

сохранности, поднялась такая суматоха, что непонятно, как в разгар потасовок и буйства толпы запах бензина, исходивший от Джеймса, остался незамеченным. Двух полицейских тут же сбили с ног и уложили на землю за то, что они защищали убийцу, а Джеймс, превозмогая ужас, смотрел во все стороны. Толпа сомкнулась кольцом вокруг него, и впоследствии при даче показаний никто не мог точно сказать, кто именно зажег искру, которая создала для всей страны незабываемый образ.

Вскоре огонь перекинулся с ног на лицо. Некоторые помнили, как Джеймс кричал, умолял о пощаде, стоял на коленях с поднятыми вверх руками, но все отвели взгляд, как только почувствовали, что дело зашло слишком далеко. Через минуту Джеймс безжизненно лежал на асфальте, медленно тлея, пока наконец не подоспел офицер с огнетушителем.

На следующий день каждая газета опубликовала новость о невинности Джеймса Фостера в сопровождении снимка горящего человека в полный рост и заголовков следующего содержания: «Невиновного сожгли заживо»; «Первый подозреваемый в деле Киры Темплтон сгорел заживо»; «Судебная ошибка». Единственная на тот момент фотография, на которой Фостер был запечатлен в профиль с поднятыми вверх руками, а огонь освещал остекленевшие лица незнакомцев, наблюдающих за его сожжением, была сделана фотографом некоммерческого информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс», который остановился при виде толпы у полицейского участка, требующей справедливости. Спустя несколько месяцев этот снимок стал лауреатом Пулитцеровской премии за лучшую фотографию года.

Все газеты пустили на первую полосу эту новость с упором на то, что погибший был отпущен без предъявления обвинений, – все газеты, кроме одной.

Около полуночи, за несколько часов до того, как газеты вышли из типографии, издателю «Манхэттен пресс» Филу Марксу позвонил его бывший сокурсник по Гарварду, Джим Шмоер, с которым в те годы они чаще виделись на вечеринках, чем на лекциях. Их карьера развивалась схожим образом, но в разных изданиях, и они продолжали время от времени поддерживать контакт. Оба работали в Нью-Йорке, и оба стремительно росли, хотя и в разных областях. Джим заработал

репутацию дотошного журналиста, которого боялись корпорации и власть имущие, а Филу везло с популярными темами, и у него было достаточно денег, чтобы получить параллельно с работой степень MBA, которая открывала двери для руководящей должности в газете.

– Фил, у меня есть кое-что очень важное.

– Насколько важное? Я только что задержал завтрашнюю первую полосу, чтобы заменить ее на статью о Джеймсе Фостере, сгоревшем у дверей полицейского участка. Они заживо сожгли невинного человека, Джим. А мы вчера об этом написали. Это наша вина. Мы должны извиниться.

– Об этом я и хочу с тобой поговорить. Он не безвинный агнец. Он не заслуживает того, чтобы его считали жертвой несправедливости.

– Почему ты так говоришь? – заинтригованно спросил Фил.

Профессор Шмоер вкратце описал Филу ситуацию. Прокурор только что направил полицейских в дом Фостеров, и они дожидались их приезда.

– Думаешь, девочка у него?

– Кира? Нет. Мы уже осмотрели весь дом. А другой недвижимости у них нет. Девочка не здесь. Все это по-прежнему загадка.

– И почему ты не хочешь рассказать об этом в «Дэйли»?

– По двум причинам. Во-первых... я там больше не работаю. Меня уволили сегодня за то, что я всегда был на шаг позади. Это просто не мое.

– Ты один из лучших, Джим. Просто... ты не можешь найти тему. Никто не давал тебе достаточной свободы.

– Во-вторых... это не моя находка. Ее сделала моя лучшая студентка, и она заслуживает шанса.

– Студентка? Она с тобой?

– Да.

– Отлично. Приезжайте в редакцию. Ты знаешь, где это. Ночь будет длинной.

– Скоро будем.

Тем временем Мирен бродила по саду, пытаясь собрать воедино новые факты и примириться с тем, что версия, которую она уже выстроила в своем сознании, рухнула под натиском ужасной правды. Раньше она в глубине души верила, что люди добрые, что не во всех

мужчинах таится зло, и визит в дом Фостеров должен был подтвердить – задержание Джеймса было ошибкой. Но когда свет освещает тень, порой выясняется, что позади клубится еще большая тьма.

Положив трубку, профессор Шмоер махнул Мирен рукой, и в этот самый момент три полицейские машины с выключенными фарами подъехали к двери дома Фостеров.

– Я позвонил в «Пресс».

– Зачем? – удивилась Мирен.

– Тебя ждет боевое крещение в их редакции через сорок пять минут. Мы уезжаем сейчас же. Времени нет.

– Что?

В час ночи Мирен Триггс приехала вместе с Джимом Шмоером в редакцию «Пресс», чтобы написать там же статью. Времени на то, чтобы поехать домой, отправить ее по почте и рассчитывать на быстрый интернет, не было.

– Мирен Триггс, верно? – поприветствовал ее Фил Маркс, едва она вошла в здание. – Мы вас ждали. Если вся эта история с Джеймсом Фостером правда, то завтра у нас будет единственная первая полоса, которая расскажет всю историю, а не только крошечную часть, искажающую правду, а это, мисс Триггс, то, чем должен руководствоваться хороший журналист. Спасибо тебе, Джим.

– Пожалуйста. Ты знаешь, я люблю бывать здесь. Кроме того, меня только что уволили. Не хочу дарить эту историю бывшим боссам. Сам знаешь. Моя вечная борьба с несправедливостью.

– Мы воздадим по заслугам, если мисс Триггс докажет, что она способна написать хорошую статью для первой полосы «Пресс».

– Для первой полосы? – Мирен была поражена.

– Разве ваша история не заслуживает первой полосы? Потому что если она этого недостойна, то не выдержит и веса одной колонки на тридцатой странице. Все наши статьи достаточно сильны для того, чтобы оказаться на передовице. Посмотрите на любую и скажите мне, если это не так.

Мирен промолчала, и Фил Маркс подвел ее к столу в конце помещения. Рядом сидел корректор, который должен был проверить статью, как только она будет готова, а в отделе дизайна верстальщик дожидался своей очереди, чтобы придать ей последний штрих. Джим Шмоер отнес в маленькую комнатку одноразовый фотоаппарат,

снимки с которого должны были сопровождать статью. Мирен сидела перед компьютером, нервничая больше, чем когда-либо.

– У вас есть двадцать пять минут, иначе мы не успеем.

Пальцы девушки запорхали по клавиатуре, и ей казалось, что нервные окончания на фалангах напрямую связаны с яростью и беспомощностью, которые вызывала в ней эта история.

Статья без прикрас освещала историю извращения и путь во тьму, пройденный Джеймсом Фостером, управляющим одного из районных магазинов сети «Блокбастер». Мирен подробно рассказала, как в собственном доме он создал своего рода империю по производству и распространению изображений педофильского характера, и привела показания его жены Маргарет, как он принуждал несовершеннолетних к тому, чтобы записывать их на видео для своих клиентов по всему миру. Статья сопровождалась одной из фотографий, сделанных профессором Шмоером, на которой была изображена кровать с ржавым каркасом и скомканными простынями перед штативом. Пока Мирен торопливо печатала статью, а остальные ждали своей очереди, Фил придумал несколько заголовков, послал редактора за парой чашек кофе и наборщиком, чтобы к моменту окончания статьи все было готово. После нескольких напряженных минут, когда казалось, что она не успеет, Мирен объявила: «Готово». Часы показывали, что прошла всего двадцать одна минута.

После того как Маркс бегло прочел написанное, профессор Шмоер заплодировал, и ему вторили корректор и сам Фил, который поздравил ее с началом работы в «Манхэттен-пресс».

На следующее утро, когда все газеты трубили о мести, настигшей невинного человека, статья в «Манхэттен-пресс», подписанная некой Мирен Триггс, раскрывала подробности жизни Джеймса Фостера и его жены Маргарет С. Фостер, которая уже находилась под стражей в полиции, а другие издания даже не знали, кто она такая, почему ее арестовали и почему о ее детях будут заботиться социальные службы. Этот скандал привел к возобновлению напряженных дебатов о смертной казни в штате Нью-Йорк, о том, насколько далеко должно заходить правосудие в таких случаях, о некомпетентности полиции, которая освободила мужчину с такой зловещей комнатой в доме, но на улицах бытовало мнение, что пламя было лучшим наказанием для такого человека, как Джеймс Фостер.

Глава 38

Быть может, кто-то не хочет знать, что даже у самой прекрасной розы есть шипы.

30 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Покинув редакцию, Мирен направилась к близлежащей парковке, за которую она ежемесячно платила почти триста долларов. Это было безумием, но она уже давно отказалась от метро и смирилась с этими расходами, чтобы не делить тесные помещения с незнакомцами. В Нью-Йорке мало кто передвигается на собственных машинах, и какое-то время ей удавалось обходить эту проблему, пользуясь такси, но как только появилась необходимость выходить из офиса, она поняла, что это нерационально. В этом было противоречие, поскольку зачастую Мирен еще больше времени тратила на дорогу до места, а для журналистики это немыслимо. Но она пришла в «Пресс» не как репортер криминальной хроники, где мир генерировал новости с безумной скоростью, а как сотрудник отдела расследований. Ей приходилось заниматься проблемами, которые остались незамеченными или скрытыми, изучать их и находить правду. Этот вид журналистики был более неторопливым, но не менее напряженным. У Мирен всегда было ощущение, что другая газета украдет ее статью до того, как она ее опубликует, а на практике, когда ей приходилось параллельно работать с несколькими сложными темами и посещать архивы, правительственные учреждения и государственные реестры, это означало гору работы, которая оправдывалась только потенциальным влиянием статей на общество. Зачастую она работала в команде из трех-четырех журналистов и других сотрудников, когда расследование принимало более масштабный характер, но в других случаях она начинала работать самостоятельно, чтобы потянуть за ниточку так, чтобы никто в газете ничего не знал. Однажды, когда

никто не подозревал, над чем она работает, Мирен принесла в редакцию статью, написанную в резком, эмоциональном стиле, о шестнадцатилетней девушке, которая исчезла в таинственном городке в глубинке под названием Солт-Лейк и которую, похоже, никто даже не искал. В другой раз она написала о том, как высокопоставленные чиновники Министерства юстиции развлекаются с несовершеннолетними на дискотеке на Карибах.

Постепенно Мирен заработала себе репутацию, и хотя исчезновение Киры Темплтон зашло в тупик, как только главный подозреваемый сгорел в огне, она не переставала ее искать.

Мирен сняла помещение на складе из красного кирпича недалеко от реки и хранила там все файлы и архивы, которые собирала годами и просматривала уже столько раз, что не верила, что сможет найти что-то новое. В этот раз, прежде чем поднять рольставни, закрывающие доступ на склад, она огляделась, стараясь убедиться, что ее никто не видит. Улица была пустынна, а остальные склады закрыты. Она с силой толкнула ставни, и тишину разорвал скрип ржавого металла.

Пыль внутри давно улеглась – в отличие от историй, заключенных в десяток аккуратно расставленных металлических картотечных шкафов вдоль стен. Цифры на маленьких картонных карточках на дверцах обозначали десятилетия, начиная с 1960 года и заканчивая четвертой справа, обозначенной как 00'. На остальных значились имена: Кира Темплтон, Аманда Маслоу, Кейт Спаркс, Сьюзен Доу, Джина Пибблз и так далее. Там Мирен хранила всю информацию об открытых делах, зашедших в тупик, надеясь найти какую-нибудь ключевую подсказку, которая прояснит происходящее.

Открыв один из ящиков, она достала несколько папок и коробку и положила их на шкаф. Мирен наклонилась, чтобы сложить все в матерчатую сумку, и то ли из-за тишины, то ли из-за ощущаемого напряжения в этом хранилище, полном печальных и тяжелых историй, она вздрогнула, когда в кармане пальто зазвонил телефон.

– Мама? Как ты меня напугала.

– Я? Ты занимаешься чем-то опасным?

– Ну хватит. Я... в офисе. Тебе что-нибудь нужно? Я занята.

– Да нет. Просто хотела узнать, как у тебя дела.

– Все хорошо, мам.

– В этом году тебя очень не хватало на День благодарения.

– Я знаю, прости, мам... Мне правда нужно было работать.

– И я этому рада, милая. Ты занимаешься любимой работой, ты ради этого училась, но...

Мирен прикрыла глаза. Она чувствовала себя ужасно.

– Я знаю, мама. Прости. Я пыталась закончить одну из статей и... в последнюю минуту возникли проблемы. Источник отказался от своих слов, взял самоотвод, и мы больше не могли печатать статью без каких-либо подтверждений. Мы бежали наперегонки со временем, чтобы найти нового свидетеля, который подтвердил бы эту историю. Мне очень жаль.

– У вас был День благодарения в офисе?

– Если тебя это утешит, я была не одна. Газета должна быть в киосках и на крыльце домов половины страны каждое утро. Офис был переполнен. Начальство заказало на всех индейку с горошком. Не думай, что я просто жевала бутерброд перед компьютером.

– Так ты делаешь почти каждый день, – засмеялась мать.

– Да, но не в День благодарения.

– Я рада, что они хорошо к тебе относятся, дочка. Ты это заслужила.

– Мы должны держаться вместе. Интернет все изменил, и некоторые отделы сокращают штат. Что будет с миром без журналистики?

– Не знаю, дочка, но знаю одно: мы очень по тебе скучаем. Твой отец рассказал за ужином ту отвратительную шутку про кешью, и один из орешков чуть не застрял у него в носу.

– Опять? – засмеялась Мирен.

– Ты же его знаешь.

Мирен была так увлечена разговором, что не заметила ни звука шагов позади себя, ни тени, двигавшейся за ее плечами, когда сильная рука схватила ее сзади и закрыла ей рот. Мирен выронила трубку, и миссис Триггс ошеломленно слушала звук падения телефона и приглушенные стоны дочери:

– Мирен, что случилось? Ты здесь?

В течение нескольких мгновений мужчина просто крепко удерживал девушку, не говоря ни слова, пытаясь оценить, будет ли она сопротивляться, а ее пульс участился, активируя все защитные механизмы. На секунду в ее сознании всплыл образ, как она

беспомощно лежит на скамейке в том самом порванном оранжевом платье, в котором потом в панике бежала домой. Дыхание участилось, издали Мирен слышала мать на другом конце провода.

– Это будет быстро... У меня есть... кое-что для тебя, – пригрозил позади нее грубый мужской голос.

– Мирен, кто это? Мирен! – кричала миссис Триггс.

Мужчина начал шарить по карманам пальто, пока не заметил бумажник, и протянул руку, чтобы забрать его. В этот самый момент Мирен открыла рот и сильно укусила, зажав между зубами указательный и средний пальцы нападавшего, и он завопил так, что было слышно на другом конце провода. Прежде чем этот тип успел что-то сообразить, он оказался на полу с головой, прижатой к задней стенке одного из картотечных шкафов, и пистолетом во рту.

– У меня тоже есть кое-что для тебя, – решительно прошептала Мирен, взводя курок.

Глава 39

Человек способен жаждать боли, если это единственное, что приносит ему надежду.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

Агент Миллер прибыл в офис ФБР с кассетой в руках и, сбросив серый плащ на письменный стол, где стояла рамка с фотографией дочери с выпускного, отправился в отдел криминалистики, чтобы, как и в предыдущие разы, убедиться в отсутствии дополнительных отпечатков помимо тех, что принадлежали Грейс, Аарону или тому, кто нашел посылку. В первый год отпечатки оказались ложным следом: он привел их к мальчику, который смог дать лишь очень расплывчатый портрет белой женщины с вьющимися волосами. Этот набросок был теперь прикреплен к стене рядом с монитором, но лицо частично закрывала груда картонных папок, набитых бумагами.

Следующие две кассеты, появившиеся после 2003 года, были обляпаны так, что обнаруженные на них отпечатки пальцев не несли никакой пользы: посылки передавались из рук в руки случайными людьми, пока наконец не попадали в полицию или к семье.

На первый взгляд четвертая кассета была такой же, как и все остальные: 120-минутная «ТДК» без коробки, вложенная в мягкий коричневый конверт, который можно купить на любом углу. На нем не было ни почтовых марок, ни следов, ни царапин, только нарисованная цифра 4. Пакет выглядел неповрежденным, и, возможно, тот факт, что он оказался в почтовом ящике старого дома Темплтонов, означал, что их единственный источник улики на этот раз не был скомпрометирован.

– Джон, взглянешь на это? – попросил Миллер криминалиста.
– Новая запись Киры?! Через сколько рук она прошла?
– Теоретически, ее трогали только Темплтоны и, возможно, арендатор, который живет в их старом доме. Если что-нибудь найдешь,

дай мне знать.

– Это срочно? – спросил он с беспокойством.

– Мне скоро пятьдесят пять. Конечно, это срочно.

– Ладно. Дам ответ через пару часов.

– Пожалуйста, сначала оцифруй запись и пришли мне копию. И бога ради, она не должна выйти за пределы этой комнаты.

– Хорошо, что-нибудь бросается в глаза? Какие-нибудь изменения в мебели или еще что-нибудь? На третьей она была в оранжевом платье, не так ли?

– Здесь... ее просто нет.

Джон Тейлор на секунду затаил дыхание, а затем решительно продолжил:

– Хорошо. Я займусь этим.

– Спасибо, Джон. Я буду у себя. Дай знать, если что.

– Договорились.

Агент Миллер без особой надежды вернулся за свой стол и, включив компьютер и введя пароль, вошел в интранет, чтобы в тысячный раз пересмотреть три предыдущие кассеты и проанализировать документы. В папке под названием «Кира Темплтон» он собрал все имеющиеся у него файлы по этому делу, следуя недавним усилиям ФБР по оцифровке содержимого и сокращению огромного количества бумаги, которая накапливалась с каждым отчетом. Бланки, досье, файлы, фотографии, негативы, вещественные доказательства. Каждое дело об исчезновении, которым он занимался, требовало все больше и больше места, собирая пыль и увеличивая риск пропустить что-то стоящее. Он открыл папку под названием «Видеозаписи». Оригиналы хранились в охраняемой комнате в подвале, в картонной коробке, которую Миллер открывал только для того, чтобы положить туда новую кассету. По просьбе семьи они получили копию каждой записи с символической целью быть как можно ближе к дочери. Внутри папки «Видеозаписи» хранился обширный набор файлов с камер наблюдения в районе, где исчезла Кира, а также множество других позднейших видео – результат попыток выяснить, кто же оставлял кассеты в разных местах.

Каждый раз, когда появлялась новая пленка, агент следовал одному и тому же протоколу: просматривал по порядку предыдущие

видеозаписи Киры, сделанные в одной и той же печальной комнате, чтобы почувствовать ту беспомощность, которая заставляла его двигаться вперед и не сдаваться. Миллер открыл первую запись, ту, которую он видел чаще всего и с которой все началось, и после бесконечной минуты, в течение которой вопросы все прибывали и прибывали, он поднес руки к лицу.

Это была запись, на которой Кира играла с куклой в деревянном домике, потом вставала и оставляла ее на кровати. Затем она прикладывала ухо к двери и шла смотреть в окно. Далее девочка поворачивалась, смотрела в камеру, и на этом видео обрывалось.

На второй кассете, оставленной у офиса Аарона в августе 2007 года, Кире было уже двенадцать, она была худощавой девочкой с тонкими ногами. Агент Миллер заставил себя продолжать просмотр. На этом видео Кира с серьезным лицом на протяжении всей записи писала что-то от руки в блокноте. Ни разу она не посмотрела прямо в камеру. Качество изображения было идентичным, и эксперты ФБР сделали вывод, что это была одна и та же статичная камера, изображение с которой транслировалось в реальном времени на монитор, подключенный к видеомэгнитофону «Саньо», судя по узору, оставленному магнитной головкой на ленте.

Третья запись, найденная в парке в феврале 2009 года, была самой страшной для семьи, и именно ее они смотрели с наибольшей болью. На ней было видно, как Кира, которой было около четырнадцати, находилась в комнате с закрытой дверью, сидела за своим столом, писала что-то от руки в черной тетради, плакала и тяжело дышала. На несколько мгновений она вставала и как бы кричала что-то в сторону двери, но Кира была спиной к камере, и невозможно было догадаться, что она кричит. Эксперты в области просодии^[7], проанализировав движение челюсти, которое на видеозаписи считывалось по пульсации кости под ухом, пришли к выводу, что это какое-то предложение из четырех слов. Из этого следовало: Кира была не одна, и ее похититель был где-то рядом, и девочка это знала, но толку от этого было мало. На столе лежали четыре тетради, идентичные той, в которой она писала в данный момент, напоминающие личный дневник: Грейс и Аарон с гордостью смотрели на них и фантазировали, что могла написать их дочь.

Однажды Грейс Темплтон провела всю ночь, пересматривая эту запись по кругу, плача вместе с дочерью, разделяя ее печаль и шепча, что ей не стоит волноваться, что однажды они воссоединятся, она всегда будет утешать ее, всегда подставит свое плечо, даже если дочь не знает об этом, даже если она не помнит о ее существовании. Изменилась и сама Кира: волосы были распущены, раньше она всегда была с хвостиком, и копна ниспадала ниже ее уже развитой груди.

Любовь, которую родители испытывали к Кире, наблюдая, как сильно она меняется от видео к видео, только росла вглубь и вширь, потому что теперь у них были воспоминания не только о первых трех годах ее жизни, но и о том, как они разделили ее слезы, мечты, как она смеется, как развивается и взрослеет, словно на свободе, пусть даже Кира была заперта, как красивая птица в позолоченной клетке.

Специальный агент Спенсер, некогда сидевший рядом с ним, вышел из кабинета в дальнем конце офиса и подошел к Бену.

– Снова та девочка? Новая запись?

– Все так.

– Сейчас у нас другая девушка, Бен, та, что с четырнадцатого пирса. Мы не можем больше тратить на это ресурсы. Ты сам это знаешь. Твои поиски отняли у нас столько же ресурсов, сколько отнимают поиски тридцати пропавших без вести. Нет.

– Дай мне хотя бы день. Стандартная процедура: отпечатки пальцев, ДНК и проверка местности с помощью камер. На этот раз все... по-другому.

– Мы не можем, Бен. Мы близки к тому, чтобы найти девушку с пирса, и ты мне нужен. Парень уже признался. Нам нужны глаза, чтобы понять, куда он мог сбросить тело. Я хочу, чтобы ты поехал туда и занялся последними деталями. У нас наготове команда водолазов, они обыщут указанные нами места. Дело близко к завершению, но нужно сосредоточиться.

– Я обещал семье Темплтон, что проверю это.

– Я не могу допустить, чтобы один из моих агентов искал песок в пустыне, Бен.

– Я никогда не был одним из твоих агентов, Спенсер. Мы всегда были просто соседями по кабинету.

– Теперь ты один из моих агентов, что бы ты себе ни воображал. По-твоему, я не заслуживаю повышения, но у меня 114 раскрытых дел

из 120. Ты же упорно тратишь время на висяки, но... каждый заслуживает того, чтобы его нашли. Не только Кира Темплтон.

– Ты придурок.

– Не заставляй меня подавать на тебя жалобу, Бен. Не надо так.

– Подавай, сколько влезет. Ты всегда был засранцем, и любой это подтвердит.

На лице Спенсера отразилось сожаление, и он громким официальным тоном произнес так, чтобы его слышал весь офис:

– Агент Миллер, вы отстранены от исполнения своих служебных обязанностей на один месяц, в течение которого вы не будете иметь доступа к объектам, ресурсам и материалам, являющимся предметом текущего расследования. Ваши дела будут автоматически переданы агенту Ваксу.

Бен кивнул, неверяще глядя на коллег, а те избегали встречаться с ним взглядом. Ему казалось несправедливым, что такой человек, как Спенсер, добился успеха, избегая неприятностей, а не встречая их лицом к лицу, как он. Миллер встал, взял свой серый плащ и в последний раз посмотрел в глаза Спенсеру:

– Знаешь, в чем отличие между нами? Тебя всегда волновал этот чертов коэффициент раскрываемости, а я заботился как мог о каждом несчастном, который исчез с лица земли.

– Так позаботься о том, чтобы не исчезла твоя карьера, – ответил ему Спенсер.

Бен повернулся и ушел, оставив Спенсера позади, не зная, что ждет его в будущем.

Некоторое время спустя файл под названием Kiera_4.mp4 появился в интранете в папке Миллера, где он хранил все материалы расследования Киры, но сам агент уже некоторое время в растерянности стоял на улице.

Он набрал номер Мирен Триггс, журналистки «Пресс», которая всегда была для него назойливее мухи, но та не ответила. Тогда он позвонил в «Манхэттен пресс» и попросил ее к телефону, но девушка с приятным голосом вежливо ответила, что Мирен весь день не было в редакции.

– Где тебя черти носят?? – выругался он, положив трубку.

Глава 40

У каждого из нас внутри есть тени всех форм и размеров, и, когда приходит время, некоторые из них вырастают, закрывая собой все остальное.

Мирен Триггс

1998

Зрелище было не из приятных, но когда в 1998 году по телевизору показали, как горит в огне Джеймс Фостер, пока я сидела на диване, разговаривая с его женой и почти ощущая, как его дети спят наверху, жалости я не испытала. Это было... как будто впервые в жизни на моих глазах негодяя настигла справедливость. Наконец-то.

Не помню, фыркнула ли я или расцвела ли на моих губах улыбка при виде этого образа, но, клянусь, именно так я чувствовала себя внутри. После первого шока от увиденного и прочитанного заголовка, бегущего по экрану (последние новости: Дж. Ф. сожжен заживо после освобождения без предъявления обвинения) на круглосуточном канале новостей, профессор сказал Маргарет, что сожалеет о том, что случилось с ее мужем, а я молча вышла на улицу, не желая показаться лицемеркой.

Мне было чертовски приятно, и я не хотела портить это ощущение. Особенно после того, как профессор сказал мне, что я одной ногой в «Пресс», если смогу пройти испытание и написать статью о Джеймсе этой же ночью. Я нервничала и радовалась. Это была сладкая смесь чувств. Несмотря на то что я не нашла Киру, ощущать справедливость было приятно, и хотя этот путь расследования оказался тупиком, я не собиралась так просто сдаваться.

Дождавшись полиции и повторив им то, что Джим уже рассказал прокурору, мы отправились в редакцию. И там случилось нечто волшебное. В этот час там почти не было сотрудников, а издатель встретил нас крепким и искренним рукопожатием. Я написала статью,

которую мои родители с гордостью повесили в рамку в гостиной, и единственное, что меня волновало, – это не оставить ни малейшего сомнения в том, кем на самом деле был Джеймс Фостер. Когда я закончила и все зааплодировали, возник тот момент единства, та искра, которая превращает нервозность в радость, и это был первый раз, первые несколько часов, когда мне удалось вычеркнуть из головы произошедшее со мной той ночью в парке, который я больше не осмеливалась пересекать.

Мы вышли из редакции около трех часов ночи, и Фил Маркс, издатель, попросил меня быть на редакционном собрании на следующий день в четыре. Мне предложили контракт на вторую половину дня, после занятий, пока не закончу университет. Мы с Джимом вошли в лифт серьезные, молчаливые, почти избегая встречаться взглядом. Поймав такси, которое ехало в противоположном направлении, мы сели вместе, и он, не задумываясь, назвал адрес моей квартиры.

– Поздравляю, – сказал он. – Ты принята.

– Да...

Я сидела как на иголках, понимая, что вот-вот совершу неизбежную, но катастрофическую ошибку. Профессор молча смотрел прямо перед собой, и я видела, как его коричневый ботинок постукивает по коврику.

– Я гово...

И тогда я наклонилась и поцеловала его, прерывая то, что он собирался сказать.

Мгновение спустя его губы разомкнулись, словно двое влюбленных при расставании в аэропорту. Отстранившись, он посмотрел на меня. Шмоер не сводил с меня глаз в темноте такси, а за окном проносились огни Манхэттена, периодически освещая его губы и трехдневную щетину. Я снова потянулась к нему и поцеловала. На мгновение он замер, словно наслаждаясь, но потом оттолкнул меня, и я подумала, что ошиблась и на этом все закончится.

– Это неправильно, Мирен, – прошептал Джим самым мягким голосом, который я когда-либо слышала от него.

– Мне плевать, – ответила я самым решительным тоном, которым когда-либо говорила.

Мы целовались всю дорогу. И на лестнице моего дома. И пока я сражалась с дверью. И пока мы раздевались. И когда его очки слетели с лица на пол и одна из линз разбилась. И наконец, отсекая все пути назад, когда наши обнаженные тела рухнули на кровать в моей крошечной однокомнатной квартире.

Час спустя мы оба были отягощены угрызениями совести из-за случившегося, но не сомневались, что это было неизбежно. Он тихо оделся в полумраке, и я заговорила первой:

– Этого больше не повторится, Джим.

– Почему? Мне нравится быть с тобой, Мирен. Ты... другая.

– Потому что ты не можешь потерять единственную работу, которая у тебя осталась.

– Никто не узнает.

– Ты преподаешь расследовательскую журналистику. У тебя целый класс, полный людей, готовых искать правду.

Джим рассмеялся.

– Так что, мы попрощаемся так, будто ничего не было?

– Я думаю, это к лучшему.

Он кивнул, повернувшись спиной, все еще без рубашки, и нагнулся поднять очки и положить их в карман.

– У тебя все получится, Мирен. В тебе есть что-то необычное. Я никогда не видел никого похожего.

– Упрямство – это единственное, чем я отличаюсь от других.

– А это главное в журналисте.

– Я знаю. Я училась у тебя.

Профессор закончил одеваться, а я осталась в постели.

Потом он поцеловал меня на прощание, и следующие несколько лет я вспоминала, как кололась та щетина, что заставила меня вылезти из моей раковины.

Утром выпуск «Пресс» с историей Джеймса Фостера на обложке облетел всю страну, и мое имя в первый, но не в последний раз связалось с делом Киры Темплтон. Я раскрыла настоящую историю единственного официального подозреваемого, который когда-либо появлялся в деле об исчезновении девочки.

Я позвонила своей семье и сообщила им хорошие новости. Мои родители тут же пошли и купили несколько экземпляров, раздавая их по всему Шарлотту и хвастаясь, что их дочь стала знаменитой.

Мама спросила, навещу ли я их на выходных, как обещала, но моя свежее испеченная работа в газете разом отменила все планы. С годами я пожалела, что откладывала эти незапланированные встречи, особенно учитывая, что мне открылось позднее, но тогда я была еще ребенком – и, черт возьми, меня только что взяли в «Пресс»!

Утром я собиралась отдыхать, но в моем сознании уже загорелась идея, и не успела я опомниться, как в десять часов уже входила в дверь оружейного магазина, который снаружи больше походил на ломбард.

– Какая модель вам нужна? Если для защиты дома, рекомендую вот это, – сказал пожилой мужчина, выглядевший как почетный член Национальной стрелковой ассоциации. Он вытащил дробовик, который, судя по виду, весил центнер.

– Нет... я... Мне просто нужен пистолет. Для самозащиты.

– Вы уверены? Если к вам вломятся в дом, у плохих парней будут такие штуки.

– Я уверена, правда. Пистолет будет в самый раз.

Стены и витрины магазина были напоказ забиты оружием, будто это были тапочки. Дробовики, пистолеты, револьверы, боевые ружья. Один их вид заставлял нервничать.

– Если вы потратите больше тысячи долларов, коробка пуль двадцать пятого калибра идет в подарок.

– Ух... да. Отлично. Мне нужен пистолет и пули.

Мужчина как-то издевательски рассмеялся и указал на витрину, где было такое разнообразие моделей и калибров, что от этого могла закружиться голова. Затем он сказал, что мне нужно будет заполнить форму и дожидаться одобрения проверки моей биографии. После чего спросил меня о лицензии, и я озадачилась.

– Лицензия?

– В Нью-Йорке без этого никуда, дочка.

– У меня ее нет. Я из Северной Каролины. Там... ну, там это как-то проще.

– Значит, там и покупай, раз...

– Неужели правда нельзя закрыть на это глаза? Он нужен мне для защиты дома. Я живу в Гарлеме, и там сейчас очень беспокойно. В моем доме влезли уже в шесть квартир, – соврала я.

– Черные, да?

Я кивнула. Такими людьми было легко манипулировать.

– Воображают себя гребаными хозяевами города, а сами только хаос сеют. Вот что, я тебе продам его за шестьсот, если пообещаешь, что будешь стрелять, как только они к тебе вломятся. Лучше они, чем ты, дочка.

– Ко... конечно. – Меня охватила паника при мысли о том, что мне когда-нибудь придется воспользоваться пистолетом.

Он упаковал его в чехол и взял с меня обещание не носить с собой на улице. Это было странное ощущение – выйти из магазина с пистолетом в рюкзаке. Определенно не то же самое, что носить с собой перцовый баллончик, который всегда у меня был при себе и обеспечивал примерно такую же безопасность, как зонтик. Пистолет же давал совсем другое ощущение, хотя, согласно статистике, его ношение увеличивало шансы на гибель. Стычки, ограбления и драки нередко заканчивались тем, что пистолет оказывался в чужих руках, и яркая вспышка громко обрывала жизнь того, кто мог бы просто лишиться сумочки или бумажника. Но мне нужно было это чувство безопасности, пусть даже я оставлю пистолет дома. Мне это было необходимо. Я не стремилась отомстить, нет, но мне нужно было воскресить в себе то чувство справедливости, которое я испытала, когда увидела Джеймса Фостера в языках пламени. Иногда плохие парни должны платить по счетам.

Дома я спрятала пистолет под подушку и проверила, что диск, который принес профессор Шмоер, все еще лежит на столе.

До четырех часов дня, когда меня ждали в редакции, у меня не было никаких дел, и я вставила диск в компьютер, решив, что следует взглянуть на него, прежде чем приступить к своему первому официальному рабочему дню.

Это был архив записей с почти сотни камер наблюдения в дополнение к тем, которые Шмоер ранее прислал мне по электронной почте. Внутри одной из папок лежали сотни расшифровок разговоров с жильцами и арендаторами здания, где нашли одежду и остриженные волосы Киры. Казалось, это полная копия полицейского отчета – понятия не имею, как она попала к Джиму, – но, похоже, это все, что было у следователей на тот момент.

Я читала протоколы опросов, которые проводила полиция, и никто из пятидесяти с лишним человек, проживавших в доме, ничего не видел. В то время дня почти все были на улице: одни наблюдали за

гигантскими надувными фигурами, другие смотрели уличные шоу, третьи докупали продукты для праздничного ужина. Те же, кто остался дома, не слышали ничего необычного в подъезде. Также здесь были показания всех владельцев магазинов и продуктовых палаток в районе Геральд-сквер на отсканированных полицией бланках. На Западной 35-й улице насчитывалось около пятидесяти семи торговых точек разного типа, но в тот день в районе нужного перекрестка были открыты только два минимаркета, лавка с подарками, шесть палаток, работавших на вынос, включая одну с кебабами, одну с пиццей за доллар и четыре с хот-догами. Это дело невозможно будет раскрыть, и я снова ощутила беспомощность: столько информации, которая никуда не вела.

Когда я снова посмотрела на часы, было уже три часа дня. Я отправилась в редакцию, где прошлой ночью моя жизнь изменилась навсегда. Я с волнением посмотрела на буквы на фасаде и попросила на стойке регистрации пропуск для входа в здание.

– Мирен Триггс, – гордо сказала я секретарше, как только она спросила мое имя и этаж.

Пока она проверяла данные, сзади раздался хриплый мужской голос:

– Пожалуйста, мисс, вы должны помочь мне найти мою дочь.

Голос был не просто надтреснутым, он звучал так, будто его обладатель разлетелся на тысячу осколков, которые невозможно собрать воедино. Испуганно обернувшись, я впервые увидела Аарона Темплтона, держащего в руках экземпляр сегодняшней газеты, той самой, с моей первой полосой. Он выглядел совершенно опустошенным, и его лицо было мокрым от слез.

Глава 41

Разве воры не боятся, что их самих могут обокрасть?

12 сентября 2000

Место неизвестно

– Мила! – снова закричал Уилл, выйдя из дома и оглядываясь по сторонам. – Мила!

Был почти полдень, и яркое солнце заливало белым светом дома в округе. Легкий осенний ветерок ласкал ледяным дыханием листья живой изгороди.

– Все в порядке, Уилл?

По телу словно пробежала молния, когда он понял, что его сосед, пенсионер из Канзаса, наверняка видел Киру в новостях и знал ее историю.

– Кто такая Мила? – недоуменно спросил сосед с крыльца. На нем были джинсовые брюки, белая рубашка-поло и красная кепка с лозунгом предвыборной кампании Джорджа Буша, а лицо выражало замешательство.

– Это... эээ... это наша кошка.

– У вас есть кошка? Никогда ее не видел...

– Да... Старая серая кошка. Она всю жизнь живет у нас, но никогда не выходит из дома. Мы не можем ее найти. Наверное, убежала.

– Не видел ее, но если увижу, дам знать, хорошо, сосед?

Уилл кивнул и несколько мгновений просто смотрел на его жизнерадостное лицо. Айрис и Уилл разделились, чтобы расширить радиус поиска и осмотреть улицу в обоих направлениях. Если кто-то другой обнаружит Киру, им конец.

Айрис нервно бежала, заглядывая за каждое дерево, мусорный бак, куст и угол своего участка. Уилл был зол и напуган мыслью, что

секундная оплошность может обернуться для них пожизненным заключением.

Пока они бегали по улице, на заднем дворе маленькая Кира внимательно наблюдала за бабочкой, присевшей на оранжевый цветок. Впервые за долгое время – точно она не могла бы сказать – девочка была снаружи, и яркое солнце слепило глаза. Голубое небо в реальности выглядело не так, как из окна спальни. И даже задний двор, который она привыкла видеть через стекло, выглядел совсем по-другому: все здесь было таким ярким, будто во сне.

У Киры закружилась голова, а затем она почувствовала странное покалывание в теле. Она села на траву, думая, что, может быть, это пройдет, и почесала руки, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Внезапно ее веки налились свинцом, глаза закрылись, и, когда запыхавшаяся Айрис появилась наконец в саду, у Киры начались конвульсии, идентичные тем, которыми время от времени страдала ее мать.

– Мила?! Что с тобой?!

Айрис с силой затрясла ее. Вид ребенка в таком состоянии приводил женщину в ужас, и она тщетно пыталась вывести девочку из этого бесконечного и неуправляемого транса.

– Мила! – закричала она еще раз, в отчаянии. – Очнись!

Услышав крики жены, Уилл бросился к дому по боковой дорожке, ведущей к заднему двору, ориентируясь на голос Айрис. При виде Милы – тело распростерлось на земле, голова повернута набок – он, дрожа от ярости, поднял к лицу сжатые кулаки.

– Что случилось, Айрис? Что ты сделала с девочкой?

– На что ты намекаешь?

– Сделай что-нибудь. Она дрожит, – потребовал он, как будто Айрис знала как.

– Это не простая дрожь, Уилл. Это что-то хуже, ради бога. Ее нужно отвезти к врачу.

– Ты с ума сошла? Я лучше позволю ей умереть.

Айрис бросила на мужа полный ярости взгляд.

– Как ты смеешь говорить такое? Помогите мне занести ее в дом. Одна я не справлюсь.

Уилл неловко приподнял Киру. Ее тело напоминало доску, ноги были вытянуты и окаменели от напряжения. Руки же дергались так

сильно, что Уилл дважды чуть не уронил девочку на пол, прежде чем занести в дом. Оказавшись внутри, он положил Киру на оранжевое покрывало на кровати в ее комнате, и в течение всего припадка, пока Айрис причитала, что ее маленькая девочка умрет, Уилл метался по комнате, не зная, что дальше делать.

Через несколько минут тоненькое тельце Киры перестало биться в конвульсиях, и Айрис снова заплакала, теперь уже от радости, и обняла ее. Опустившись на колени у кровати, она поблагодарила Бога за спасение малышки. Она некоторое время гладила волосы Киры, чувствуя, как та обессилела, и прядь за прядью убирала челку с ее лба. Когда Кира наконец открыла глаза, лицо Айрис было так близко и она пристально смотрела на нее с такой искренней и мокрой от слез улыбкой, что девочка снова почувствовала себя дома.

– Почему ты плачешь, мама? – с трудом прошептала Кира.

– Ничего страшного... милая... просто... – ее мысли блуждали в попытке найти убедительное объяснение, которое не напугало бы дочь, – ...я думала, с тобой случилось что-то плохое.

– Голова так сильно болит.

Айрис посмотрела на мужа, чье суровое лицо отражало ее собственные мысли: присутствие Киры здесь было ошибкой, которую они уже не смогут исправить.

– Ты не можешь выходить из дома, Мила. Ты видела, что происходит. Ты очень сильно заболеешь, – сказал Уилл, пытаясь обратить случившееся себе на пользу.

– Заболею?

– Да, милая, – тихо прошептала Айрис, – я думала... Я думала, что потеряла тебя.

– Я не потерялась... Я играла у окна...

– Я знаю... Просто... тебе нельзя выходить. Это для твоего же блага. Мы не хотим, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

– Почему? – устало спросила Кира.

– Загрязнение, электромагнитные волны, электронные устройства. Все это очень вредно, и... когда ты выходишь из дома, тебе становится плохо, – ответила Айрис, вспомнив необычный, но убедительный документальный фильм о электромагнитной сверхчувствительности, который она видела на одном псевдонаучном канале.

Согласно этому фильму, у людей, страдающих повышенной чувствительностью к электромагнитным полям, наблюдались самые разные необъяснимые симптомы: головокружение, зуд, недомогание, тахикардия, затрудненное дыхание и даже сильная тошнота и судорожный кашель, когда они находились рядом с источником электромагнитных волн. В фильме показали пятидесятилетнюю затворницу из Сан-Франциско, которая не выходит из дома и почти не видит света, потому что, по ее словам, волны сигналов сотовых телефонов на улице вызывают у нее зуд и потерю сознания. Женщина заявляла, что при виде человека, разговаривающего по телефону, ей приходилось переходить дорогу, чтобы избежать испепеляющего воздействия смертельных лучей. Другим героем фильма был двадцатилетний компьютерный энтузиаст, который оклеил дом обоями из алюминиевой фольги, чтобы избежать страданий, причиняемых таинственными и вездесущими волнами. В конце фильма один из репортеров тайне включил и выключил свой мобильный в кармане, пока брал интервью у парня в его доме, и никакого головокружения или зуда это не вызвало, но эту часть Айрис уже не увидела, потому что начала спорить с Уиллом, который только что пришел домой.

– Волны? Что это? – спросила девочка. Ее любознательность превосходила их знания.

– Это... электроприборы. Антенны сотовых телефонов излучают их, поэтому у нас дома их нет. У телевизионной антенны тоже плохие волны.

– У телевизора? Плохие волны? – слабо прошептала девочка с кровати.

Не успела Айрис ответить, как в дверь дважды громко постучали. Муж и жена быстро переглянулись. Уилл жестом показал Кире вести себя тихо. Он собирался притвориться, что дома никого нет, но вскоре из-за двери послышался знакомый голос:

– Уилл! Это Энди, твой сосед. Все в порядке?

Глава 42

Не все тайны должны увидеть свет.

30 ноября 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

Парень, попытавшийся напасть на Мирен, не знал, что выбрал не ту жертву. За несколько минут до этого, когда она прошла мимо него на улицу, ведущую к складским помещениям, он подумал, что это легкая добыча: молодая, стройная, привлекательная, хорошо одетая девушка. Ее денег наверняка хватит ему на две-три недели, но главное, она была красива; а он, обычный кобель, мнящий себя ловеласом, давно ни с кем не спал. Вытащив нож, он незаметно пошел за Мирен, оглядываясь по сторонам в поисках свидетелей. Хоть день и был в самом разгаре, ему всего-то и требовалось, что заманить ее в одно из хранилищ. И тогда он немного повеселится.

Издали мужчина видел, как она подняла рольставни, и улыбнулся, обнажив желтоватые кариозные зубы. В Нью-Йорке, где проживает более восьми миллионов человек, по оценкам, происходит более двух тысяч изнасилований в год; примерно шесть в день или одно каждые четыре часа. Этот случай вполне мог бы попасть в статистическую норму, если б только он не выбрал жертвой Мирен Триггс.

После случившегося в 1997 году Мирен изменилась. Какое-то время она боялась выходить на улицу, посещать вечеринки, пересекать парк, где это произошло, но, став сотрудником «Манхэттен пресс» и приняв участие в своем первом расследовании, девушка обнаружила, что страх можно победить, если двигаться вперед, выбираться из ямы и бороться за то, чтобы изменить ситуацию. Статья, в которой она раскрыла правду о Джеймсе Фостере, заживо сожженном в центре Нью-Йорка, стала подтверждением того, что хорошие парни победили, а страх и тьма – нет. В результате она купила пистолет, записалась на

курсы самообороны и поклялась больше никогда не пить алкоголя, пока на свободе остается хотя бы один человек из реестра сексуальных преступников.

Когда нападавший схватил ее сзади, Мирен за две секунды поняла, что делать. Укус, рывок за руку, быстрый бросок – и он окажется на полу. Все произошло именно так, как она рассчитывала. Мирен вытащила пистолет и приставила его к губам парня.

– У меня тоже есть для тебя подарок, – решительно прошептала Мирен, взводя курок.

Подобрав мобильный, она обратилась к матери, пока мужчина в панике смотрел на нее, чувствуя во рту привкус металла.

– Мама? Ты не против, если я тебе перезвоню? Я...

– Дочка? Это ты мне подарок на Рождество выбираешь? Ты же знаешь, я не люблю подарки.

– Я сейчас на кассе в торговом центре. Перезвоню позже, – проворковала Мирен и завершила звонок, не дожидаясь ответа. Затем она со вздохом повернулась к своему обидчику, одарив его безжизненной улыбкой.

Час спустя карета «Скорой помощи» прибыла на экстренный вызов после анонимного телефонного звонка. На месте, которое указал им женский голос, они обнаружили мужчину, привязанного к ограде между двумя портовыми контейнерами, с огнестрельным ранением в промежности. Он отказался давать объяснения, и полиция указала в отчете, что это было сведение счетов между бандами наркоторговцев. Мирен пригрозила найти парня, ведь его имя наверняка уже значится в городском реестре сексуальных преступников, на что он лишь многозначительно промолчал.

* * *

Мирен вернулась в центр, в свою квартиру, все ту же старую студию в Гарлеме, с двумя коробками материалов по делу и перечитывала их всю ночь в пижаме и не вставая из-за стола. Время от времени она делала глоток из банки колы и заедала его яблоком. Она купила iBook G3, как только он появился, полностью отказавшись от гигантского iMac с сине-зеленым монитором, который был с ней на

протяжении предыдущих лет. Рядом, словно последний технологический бастион в квартире на пути неумолимого прогресса, который воплощал новый маленький компьютер, в свете настольной лампы стоял маленький транзисторный радиоприемник с выдвинутой антенной, направленной на окно.

Почувствовав, что больше не в силах выдерживать нескончаемую вереницу цифр, соответствующих улицам, камерам наблюдения, интервью и почтовым индексам, Мирен проверила время и включила транзистор.

Сбоку мгновенно загорелась маленькая красная лампочка, и в комнату ворвался голос Джима Шмоера, ее бывшего преподавателя:

«...живой голос надежды. Если нет, я расскажу вам о столь же поразительных и в равной степени обескураживающих случаях, над которыми ломала голову полиция, как то дело, о котором мы говорили сегодня. Хорошим примером может послужить юный художник из Малаги, Испании. Около пятнадцати лет назад, в 1987 году, Испания, пропал мальчик с талантом к живописи, благодаря которому он получил это самое прозвище – «юный художник». Однажды в апреле он вышел из дома, направляясь в галерею, и... пропал без вести. Или дело восьмилетней Сары Уилсон, которая вышла из автобуса возле своего дома в Техасе и так и не вошла в дверь. Оба случая широко обсуждались по всему миру из-за необъяснимого исчезновения. Или дело девочки из Франции Марион Вагон, десяти лет, которая пропала в 1996 году после школы. Ни один ребенок не исчезает из мира просто так. Либо они, к сожалению, мертвы, либо кто-то не хочет, чтобы их нашли. Но случай с Кирой Темплтон совсем другой. Тот, кто знает, где она, либо хочет, чтобы ее нашли, либо хочет поиграть, либо дать понять, что с ней все в порядке и пора прекратить поиски. Нам не дано знать, что у похитителя на уме, но ключ к любому журналистскому расследованию не в том, чтобы найти то, что ты ищешь, а в том, чтобы никогда не прекращать поиски».

Мирен кивнула и улыбнулась. Ей нравилось чувствовать, что, так или иначе, профессор Шмоер все еще на одной с ней стороне и направляет ее. Убавив громкость, она продолжила изучать файлы с фотографиями и отчетами. Открыв на компьютере данные с компакт-диска, принесенного профессором пять лет назад, она снова просмотрела изображения с камер наблюдения. Мирен надеялась на

момент прозрения, на некое наитие, благодаря которому она соединит точки этой невозможной головоломки, но в ее голове звучали последние слова профессора: «Никогда не прекращать искать».

– Именно этим я и занимаюсь, Джим, – сказала она, сделав глоток колы и проглотив кусочек яблока.

Глава 43

Зло чует тех, кто им пропитан.

12 сентября 2000

Место неизвестно

– Спрячь ребенка! – испуганно прошептал Уилл. – Спрячь! Если он ее увидит, мы пропали.

Айрис закрылась в спальне Киры вместе с ней, прислушиваясь к разговору через дверь. Девочка обессилела после недавнего припадка и наблюдала с кровати за обеспокоенным лицом матери.

За дверью слышались шаги Уилла. Он начал рыться в ящиках стола, а затем слышался металлический звон ключей, похожий на скрежет, однако Айрис не узнала по звуку связку, подходящую к единственному навесному замку в доме. В дверь постучали еще трижды, и голос Уилла эхом отразился от стен:

– Иду! Секунду!

Кира закрыла глаза, ее одолели сонливость и головная боль. Уилл осторожно приоткрыл входную дверь, высунул голову и поприветствовал Энди.

– Чем помочь, сосед? – спросил он с порога.

– У вас точно все в порядке?

– Да, конечно. А что с нами будет-то? – ответил мужчина, пытаясь развеять любые сомнения.

– Если тебе что-то нужно, ты же попросишь меня, да? Мне нравится думать о нас как о достойных... членах общества.

– Конечно, Энди. К чему такие вопросы?

– Предложишь мне пива?

Уилл оглянулся, на секунду исчезнув из щели двери, и цокнул языком.

– Тут такое дело... Айрис... она не очень хорошо себя чувствует.

– Да неужели! Только что же носилась по улице. Не заливай мне тут.

Энди толкнул дверь, и Уилл опешил.

– Но ведь...

Сосед быстро вошел в дом и огляделся, будто пытаюсь найти что-то, не предназначенное для его глаз.

При звуке шагов Энди в доме у Айрис застыла кровь в жилах, и она прильнула ухом к цветочным обоям на удивительно холодной стене. Глядя на кукольный домик – Уилл уже перенес его в спальню Киры, она сосредоточилась на этом крошечном пространстве, пытаюсь отвлечься от гигантского мира вокруг, в котором она чувствовала себя все более и более миниатюрной.

– Чего ты хочешь, Энди? – с раздражением спросил Уилл. – Мне кажется, ты ведешь себя... грубо. Как-то не по-соседски – вторгаться в чужие дома и... что-то вынюхивать.

– Ты прав. Извини, сосед. Где... где же мои манеры? – пропел тот, садясь на диван и кладя ноги на стол. – Это... ненормально. Ты абсолютно прав.

Уилл тяжело сглотнул, прежде чем заговорить.

– Энди, я попрошу тебя уйти. Айрис неважно себя чувствует, и... я хочу быть с ней. Она... нуждается в заботе.

– Знаешь, – сосед вдруг сменил тему, – моя жена умерла шесть лет назад. И... ну, жизнь несправедлива. У нас так и не было детей. Мы пытались и пытались. Трахались каждую ночь, даже когда у нее были месячные, – а вдруг повезет? Неплохое было время, надо признаться. Я сам никогда не хотел детей. Но она хотела. Она только об этом и говорила. Остановливалась у витрины с детской одеждой и плакала, глядя на крохотные юбочки и штанишки, которые мы едва ли могли себе позволить.

– Я не понимаю тебя, Энди, – прошептал Уилл.

– Я не относился к этому серьезно, но она... она постоянно искала, как повысить шансы забеременеть: сосала лимонные корки по утрам, натирала влагалище уксусом на ночь. Спать с ней было все равно что есть гребаный салат. Не знаю, понимаешь ли ты, о чем я.

Уилл молчал.

– Она только об этом и трепалась, а я... ну, я слушал. Это же долг мужа, так? Слушал ее все время. Ты же знал Карен. Она много

болтала. Особенно с твоей женой. И... знаешь, о чем она постоянно рассказывала?

Спокойствие начинало изменять Уиллу.

– О том, что с твоей женой они обсуждали то же самое. О ваших трудностях с беременностью. О позах, которые вы изобретали. А я... я ничего не имел против. У вас было столько идей. Мы многое у вас позаимствовали, знаешь? Тот трюк с подушкой, на холодном полу гостиной, всегда несколько раз подряд. Мы перетрахались почти в каждом углу дома. Просто нескончаемая вечеринка. До тех пор, пока у нее не случился инсульт посреди супермаркета. Стресс, сказали одни врачи. Репродуктивные гормоны, сказали другие. Никто не мог определить точную причину, но она умерла и... ну, больше никаких фейерверков. Усваиваешь?

– Да... Я помню это... Это застало нас всех врасплох, – почти шепотом сказал Уилл, испытывая сильное беспокойство. – Теперь, если не возражаешь...

– А знаешь, что еще твоя жена сказала моей? – продолжал Энди, игнорируя попытки выпроводить его.

– Что?

– Что вы не можете иметь детей. Никаких вариантов. Что ее яичники мертвы, а матка отвергает все, что туда попадает.

– Да... Мы... мы будем и дальше пытаться. Мы все еще пробуем, хотя немного потеряли надежду. Возраст тоже не на нашей стороне...

– Я знаю. Могу себе представить, сосед.

– Энди, если ты не возражаешь, у меня есть кое-какие дела и...

– И вот почему мне интересно: кто та маленькая девочка, которую вы занесли в дом?

– Девочка? – полузадушенным тоном воскликнул Уилл.

– Да ладно, Уилл, не прикидывайся. Я видел, как вы двое отчаянно кружите у дома. Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Разве мы не друзья?

– Видишь ли, Уилл... дело...

– Это Кира Темплтон, да?

Уилл чувствовал себя так, будто падает с обрыва, и не знал, что сказать. В горле образовался комок, а голосовые связки пережала ярость, не давая произнести ни звука.

– Эта девочка у вас. Та, которую уже несколько лет ищут. Я ее узнал. Она изменилась, но... это личико. Как можно забыть это личико? Какую за нее дают награду? Полмиллиона? Фух... Это куча бабла, да, сосед?

– Чего ты хочешь, Энди? Денег? Этого ты хочешь? Ты же знаешь, мы едва сводим концы с концами. Нам едва хватает, чтобы заплатить за дом.

– Ты меня совсем не слушаешь, да, Уилл? Я хочу... твою жену. Это единственное, чего мне не хватает. Я пробовал со шлюхами... но... это же одно притворство. Это не то же самое. То ли дело Айрис... она...

– Я не думал, что ты... такой...

Энди посмотрел в сторону спальни Киры и указал пальцем.

– Она там? Девочка. Могу я ее увидеть?

Уилл был в таком ступоре, что смог лишь кивнуть в ответ. Энди улыбнулся и вскочил на ноги. Проходя мимо, он похлопал его по спине, а затем повернул ручку двери, глядя на залитое слезами отчаяния лицо Айрис. Затем он обратил внимание на спящую маленькую девочку, которая не замечала царящего в воздухе ада. Энди улыбнулся Айрис, а затем протянул руку, чтобы вытереть слезу.

– Энди... пожалуйста, не надо! – прошептала она.

– Пойми меня, Айрис. Ты всегда была такой... такой нормальной. И все те вещи, которые Карен рассказывала мне о твоих попытках с Уиллом. Я всегда представлял, как... Я не собирался говорить что-то подобное, когда в комнате маленькая девочка... но... – Он наклонился к уху Айрис и прошептал: – Я всегда представлял, как ты трахаешься.

Айрис не выдержала и привалилась к Энди, плача.

– Успокойся... Мы... хорошо проведем время. Мы же... соседи.

Внезапно Айрис отодвинулась от него. Энди заметил, что она с изумлением выдохнула.

– Эй, Энди! – крикнул Уилл с порога.

Обернувшись, он с удивлением увидел, что Уилл держит в руках охотничье ружье, обычно хранившееся в шкафу, который он отпер несколько минут назад.

– Уилл! – воскликнул он.

С резким звуком выстрел разворотил живот Энди, и он грохнулся на пол спальни, из его рта стекала струйка крови. Часть дробинок

застряла в стенах, оставив неизгладимый след на будущее. Айрис, рыдая, бросилась к Кире и стала гладить ее личико, как только увидела, что та открыла глаза от шума.

– Что случилось, мамочка?

– Ничего, милая. Спи... Это... это просто папа упал.

Из тела Энди у подножия кровати сочилась кровь, но Кира продолжала лежать, не желая двигаться, не желая смотреть, потому что часть ее чувствовала, что что-то не так. Айрис поцеловала ее в лоб, и девочка закрыла глаза под судорожные вздохи матери, которая не могла позволить себе кричать. Уилл стоял у двери, дрожа и не двигаясь, глядя на труп своего соседа, чья кровь растеклась огромной лужей на полу, как это бывает только в худших кошмарах.

Глава 44

А когда жизнь щадила тебя?

Мирен Триггс

1998

Мой первый разговор с Аароном Темплтоном был тяжелым. По словам охраны, он уже два часа ждал меня у дверей «Манхэттен пресс», разглядывая всех, кто проходил мимо, и время от времени спрашивая, знает ли кто-нибудь Мирен Триггс, написавшую статью о Джеймсе Фостере.

- Да, это я, – сказала я, смутившись.
- Мы можем поговорить?
- Мне нужно... мне нужно работать. Меня ждут в редакции.
- Пожалуйста... умоляю вас.

Мне было больно видеть, как мужчина старше меня лет на пятнадцать таким надломленным голосом умоляет меня о помощи, и не могла отказать. В глубине души я боялась слишком сильно погрузиться в исчезновение Киры. Я думала, близость не позволит мне сохранять объективность, что я не смогу смотреть на вещи беспристрастно, но кого я обманывала? Я уже была настолько поглощена этим делом – удивленным взглядом Киры на фотографиях с листовок, разбросанных по городу ветром, – что чувствовала себя такой же полноправной участницей поисков, как и ее семья. Я позвонила со стойки охраны секретарю, сообщив, что задержусь по важному делу. Да, я опоздала в свой первый рабочий день. Хорошее начало.

Внешний вид Аарона Темплтона наверняка отражал весь ад, через который ему пришлось пройти, но я была уверена, что ему на самом деле куда хуже. У него были глубокие темные круги под глазами, неухоженная борода, взъерошенные волосы и помятая одежда. Можно

было легко представить, как он сидит у входа в банк и, вытянув руку, просит милостыню с бутылкой, спрятанной в бумажном пакете.

Я пригласила его в кафе на углу перед зданием редакции, и он согласился заплатить за кофе. Когда мы наконец сели за стол, он неожиданно произнес слово, которого я не ожидала и не думала, что заслуживаю:

– Спасибо, мисс Триггс.

– Пожалуйста, не стоит.

– Вчера ночью погиб монстр, и мир стал чуточку лучше.

– Но... я не имею к этому никакого отношения.

– Я знаю. Но это благодаря вам мир узнал правду о нем. Если бы не вы...

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне на «ты». Я всего лишь... человек, который ищет правду.

– Если бы не ты... все бы верили, что он хороший парень, с которым несправедливо обошлись. Так ведь пишут все газеты?

– Все, кроме «Пресс».

– Вот почему я пришел сюда... вы единственные, кто ищет правду. Этот парень не заслуживал смерти героя и... благодаря тебе этого не произошло.

– Он умер, потому что люди жаждали справедливости, но перепутали ее с мезтью. Не из-за статьи. Но... не за что. – Я опять смутилась. – Могу я вас кое о чем спросить, мистер Темплтон?

– Конечно.

– Вы поэтому здесь? Чтобы поблагодарить меня за то, что я раскрыла историю Джеймса Фостера?

Аарон несколько мгновений обдумывал свой ответ, а затем продолжил:

– Да и... нет. – Он замешкался, – Я пришел узнать, что еще тебе известно.

– Я не могу... я не могу сказать вам больше, мистер Темплтон. Вы же знаете, эту информацию может разглашать только полиция.

– Пожалуйста...

Я встала, чтобы уйти. Это точно не принесло бы мне никакой пользы.

– Я должна вернуться в редакцию.

– Пожалуйста... просто скажи мне, видела ли ты в том доме что-нибудь связанное с Кирой. Только это.

Вздыхнув, я решила, что эта информация ему не повредит, и молча покачала головой.

– Ничего?

– Нет, мистер Темплтон. Вашей дочери там не было. И вряд ли она когда-то у него была. Я знаю, так было бы проще, но это факт. Ваша дочь... непохоже, что ее забрал Джеймс Фостер или тип вроде него. Что не так уж и плохо. Поверьте мне. Может быть, Кира где-то в другом месте и о ней заботятся лучше, чем если бы она была с этим человеком.

– Спасибо, Мирен, это больше, чем я рассчитывал, – сказал он, стерев пальцем стекающую слезу.

– Мне правда нужно идти. Если вам нужна еще информация, я думаю, лучше поговорить со следователями, ведущими дело. Я... я знаю очень мало. Только то, что просочилось в прессу, еще какие-то детали, но ничего, что могло бы указать на нужный след.

– Ты сможешь мне найти Киру? – спросил мужчина с такой искренней мольбой, что больно было слышать. Я поджала губы и сделала жалостливое лицо.

– Вы напрасно думаете, что должны меня упрашивать. Я уже ищу ее. Но... это нелегко. Никто ее не видел. Никто ничего не видел. Ни камеры, ни прохожие. Пусто. Остается... просто ждать, когда обнаружится что-то новое. Кто-нибудь ошибется, или мы найдем новую зацепку. Но... не прекращайте искать свою дочь. Похоже, полиция скоро исчерпает все версии, и тогда... вам придется быть достаточно сильным, чтобы не пойти ко дну.

– Мирен, ты обещаешь, что продолжишь искать ее?

– А вы сами?

– Я не знаю, как еще жить. Это мой долг перед женой.

– Я очень упрямая. Уверяю вас, я не прекращу поиски вашей дочери.

– Спасибо, Мирен, ты хороший человек. Жизнь наверняка щадит тебя.

Я рассмеялась про себя. Как мало он обо мне знал и как быстро сделал ошибочное суждение.

– А вы хороший человек? – спросила я его.

– Думаю, что да. По крайней мере... я стараюсь. – Он почти всхлипывал.

– И жизнь вас пощадила?

Мужчина молча покачал головой, сделав глоток кофе. Мы обменялись телефонами, договорившись держать друг друга в курсе и делиться любой информацией, которая могла бы нам помочь, и на этом распрощались. Аарон Темплтон мне понравился, хотя я не знала, было ли это от жалости к его горю или потому, что в его взгляде горела надежда.

Потом я вернулась в редакцию, а он остался в кафе, с потерянным видом глядя в окно на людей, переходивших улицу. Возможно, он пытался вспомнить, что сделал плохого, чтобы заслужить случившееся, но я была уверена, что это так не работает, потому что жизнь ставит палки в колеса всем, до кого только дотянется. Я уже знала: если жизнь обнаружит, что подножка не сработала, она подарит тебе велосипед без тормозов, чтобы ты раздробил себе кости.

В редакции я села за свой стол и сделала вид, будто расставляю вещи. Через десять минут ко мне подошла брюнетка с веселым лицом, поприветствовала меня и сказала:

– Ты Мирен Триггс, новенькая?

Я кивнула.

– Поздравляю с первой полосой. Это вход через парадную дверь. Я Нора. Фил говорит, мы в одной команде, а ты уже опоздала. Ты отлично впишешься. Такая молоденькая. Позже я познакомлю тебя с Бобом. Он хоть и придурок, но один из лучших. А Саманта... где, черт возьми, Саманта? – спросила она, подняв голову и обводя глазами кабинет.

– Боб Уэкстер? Легендарный Боб Уэкстер?

– Да. Не такой уж он и легендарный, когда знаешь его лично. Он очень рассеян в обычной жизни. Порой даже стол свой найти не может.

– Постой-ка... ты Нора... Нора Фокс?

Нора в ответ улыбнулась. Я не могла в это поверить. Я разговаривала с Норой Фокс, автором знаменитой серии статей, где расследовались махинации ЦРУ по оказанию сексуальных услуг группе сенаторов в обмен на их голоса в пользу законов об азартных онлайн-играх. Она также писала о манипуляциях на выборах в

Латинской Америке, в результате которых едва не свергались правительства. Она была силой, с которой стоит считаться, но со мной она говорила так легко и непринужденно, как будто это не она как никто другой умела проникать в глубины самых темных вопросов системы.

– Да, конечно. Это я.

– Я читала столько твоих репортажей, – пылко сказала я, чувствуя, как мои уши разве что не хлопают от возбуждения.

– Мирен. Могу я называть тебя Мирен? Да, можно? Спасибо. Я немного объясню, что у нас и как, и мы посмотрим, чем ты можешь заняться.

– Да, пожалуйста.

– Мы втроем, Саманта, Боб, и я, и теперь ты с нами, четвертая, работаем над конкретной темой. Боб – в теории главный, но на практике нет. У нас нет начальников. Мы все выбираем сюжет и докапываемся до сути. Сейчас мы занимаемся бизнесменами, которые исчезают по всей Европе. Здесь что-то странное, но об этом никто не говорит. Вот над этим мы и работаем. Как у тебя с французским? Немецким? Так вот, кроме того, у каждого есть своя тема, а то и две, над которыми придется работать самостоятельно. Какая будет у тебя? Ты уже решила?

– Эээ... нет.

– Что тебе нравится? Что тебя волнует? Ты должна забраться туда, в эту свою журналистскую головку, и погрузиться в собственные страхи. Мои связаны со свободой слова. Я боюсь того дня, когда мне не дадут высказаться, понимаешь?

– Прямо сейчас я боюсь исчезнуть, как Кира Темплтон.

– Та девочка? Ну, это хорошая тема, но сложная. Все версии уже проработаны, но... эй, если ты найдешь ее, Пулитцер твой. Хорошая мысль.

– Но... я не хочу Пулитцера.

– Ну да, все мы так говорим. Но... не стоит слишком волноваться. Это журналистика. Здесь нет ни легенд, ни гламура, одна лишь правда. Твое слово стоит столько, за сколько ты сама себя продашь. И это самое трудное, понимаешь?

Я снова кивнула. Пока мы разговаривали, у меня сложилось ощущение, что мир вокруг ускорился. По редакции бродили люди. Два

редактора шли по коридору, болтая о содержании каких-то файлов, несколько человек напряженно печатали на своих компьютерах IBM, еще несколько человек отвечали на звонки и шепотом делали заметки.

– Могу я кое-что спросить? – решила я наконец.

– Конечно. Давай. Ты смелая, хоть и юная. Ты мне нравишься.

Я восприняла это как комплимент, потому что на самом деле я очень нервничала.

– Ты действительно думаешь, что я впишусь?

– Честно?

Я промолчала, зная, что она не станет увиливать.

– Нам повезет, если ты выдержишь больше двух недель. Этот мир темнее, чем кажется.

– Ну, тогда это не проблема.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что я такая же, – ответила я серьезным тоном, и на этот раз промолчала Нора.

Глава 45

В один прекрасный день кто-нибудь попросит тебя перестать быть собой.

1 декабря 2003

5 лет с момента исчезновения Киры

На следующий день после инцидента на складе Мирен с трудом занесла в редакцию две коробки с материалами по делу Киры и оставила их на своем столе. Было рано, и стажеры еще не пришли, поэтому она подошла к столу Нора, которая что-то быстро печатала.

– Я не хочу с тобой говорить, Мирен, – сказала та, едва заметив ее.

– Ты очень сердишься?

– А ты как думаешь?

– Прости за статью о кассете. Я должна была согласовать ее с командой, но... это было важно. Я давно ждала чего-то подобного, и это хорошая возможность обнаружить зацепку.

– Я знаю, Мирен, но мы должны были выпустить репортаж о мясной промышленности. Мы работали над ним несколько месяцев. Ты пренебрегла разрешением. Ты пренебрегла всем. Ты отправила свою статью в типографию вместо статьи команды.

– Я знаю... Мне жаль... но...

– Есть вещи, которые нельзя делать, Мирен. И ты это знаешь. Я не ожидала от тебя такого.

– Это было важно, Нора. Вдруг это поможет найти ее.

– Ты думаешь только о себе. Больше тебя ничего не волнует, да?

Мирен не ответила.

– Боб уже слышал. Он злится и сейчас разговаривает по телефону с Филом.

– Это ты ему рассказала?

– Я позвонила ему вчера в Иорданию. Иорданию! Я даже не знала, где он, он всегда где-то в том регионе, особенно сейчас, учитывая Ирак. Никто не думал, что ты выкинешь подобное, Мирен.

– Неужели репортаж о телятине нельзя отложить на день?

– Мирен, коровам в Вашингтоне дают животный корм. Это очень серьезно. Мы отправили несколько образцов в Великобританию для тестирования, и... Если все подтвердится, это может стать одним из крупнейших продовольственных скандалов в США. У нас есть преимущество, и тормозить нельзя. Я не знаю, Мирен, это был один из командных проектов. Это действительно было так необходимо?

– Я думала, вы не станете возражать. Фил остался доволен. Выпуск хорошо продавался...

– Фил и его мнение тут ни при чем. Он все еще думает о войне в Ираке и событиях на Востоке. Мы же расследуем то, что все предпочли бы скрыть. С мясом серьезная проблема, Мирен. Это называется коровьим бешенством. Если лаборатория в Великобритании подтвердит наши подозрения, все будет очень серьезно. Вот что мы делаем, Мирен. Я знаю, ты хочешь как лучше и... девочка – это твоя личная тема, но... ты не можешь тянуть нас всех вниз.

– И что будет дальше?

– Мы подали Филу официальную жалобу. Мне жаль, Мирен.

– Серьезно? Но он же не возражал. Зачем вы это сделали? Теперь... теперь ему придется оправдываться перед советом директоров, и...

– Мне очень жаль, Мирен, но... ты не оставила нам выбора.

Мирен посмотрела в сторону кабинета Фила и, увидев, что он как раз повесил трубку, решительно направилась к нему. Когда она проходила мимо своего стола, двум стажерам, которые как раз пришли, хватило одного взгляда на ее горящее решимостью лицо, чтобы не отвлекать ее приветствиями.

– Я в жопе, да? – спросила Мирен с порога.

– Мирен... ты знаешь мое мнение на этот счет. Я дал тебе зеленый свет...

– Но есть одно «но», не так ли? Я в жопе.

– Эта жалоба не понравилась совету директоров. Им очень нравится работа Боба, и эту тему они не одобрили.

– Ты же сам сказал, история с пленкой... невероятная.

– Я знаю, Мирен, но... это на грани таблоида.

– Ты вчера лично сказал мне, что ждешь от меня...

– А сегодня ты часть команды и должна учитывать это. Так у нас все устроено, Мирен.

– Фил... я просто хочу найти эту девочку. Меня взяли сюда благодаря ей. Это наш шанс.

– Совет директоров попросил нас оставить эту тему. Потому что ее поиски станут манной небесной для желтой прессы, которая тут же подхватит сюжет. И они правы, Мирен, ты видела сегодняшние газеты? Видела ток-шоу? Все только об этом и говорят, копошась в грязном белье этой семьи. Это не журналистика. Это сенсация в чистом виде. «Пресс» должна остаться в стороне. Тебя взяли за разоблачение Джеймса Фостера. Эта девочка тут ни при чем.

– Ты сейчас серьезно? У меня два стажера под это дело. Ты сам дал мне добро.

– Мирен... я вроде ясно выразился.

– И что мне делать? Выгнать их? Ты это мне предлагаешь?

– Я не предлагаю тебе их увольнять. Пусть поработают в отделе происшествий. Там всегда нужны лишние руки. Я попрошу Кейси забрать их в свой отдел.

– Это бред, Фил. Я не сдамся.

– Мирен, ты достаточно умна, чтобы понять, что история Киры Темплтон на этом закончена. – Помолчав, он добавил: – Ты молодец и с легкостью найдешь другой сюжет, не такой... скандальный. Мы не таблоид.

– Это не сенсация, ради бога, Фил. На кону жизнь маленькой девочки, которая нуждается в нас.

– Это звучит здорово, Мирен, правда. И я знаю, что каждый раз, когда мы писали об этом, распродаваемый тираж увеличивался вдвое, а то и втрое, но совет директоров... Сейчас их больше волнует имидж и авторитет, чем продажи. Ты уже помогла этой девочке. Благодаря статье и вниманию прессы полиция, возможно, выделит больше ресурсов на это дело.

– С каких это пор их больше волнует имидж, чем продажи?

– С сегодняшнего дня. Совету директоров не нравятся такие скачки и пируэты в редакционной политике. Ты должна это понимать.

И, честно говоря... я уже потратил слишком много времени на это обсуждение.

Мирен нахмурилась, а он опустил глаза, изучая какие-то бумаги на столе. Это был его обычный способ прекратить разговор.

– Это несправедливо, Фил, – сказала Мирен и, покинув кабинет, с яростным видом направилась к столу, где в растерянности сидели двое стажеров.

– Доброе утро, босс, – поздоровалась девушка. – Что внутри? – добавила она, указывая на две картонные коробки.

– Ребята... все это дерьмо собачье. Планы изменились, – с тяжелым вздохом сказала Мирен, смахнув волосы с лица. – Нам нужно поторапливаться. Сегодня ваш последний день в отделе расследований. Вас ждет новый этаж. Отдел происшествий. Тебе, наверно, понравится, – добавила она, указав на парня.

– Вы шутите? – неверяще спросил он.

– Хотелось бы, да только нет.

– Ну вот... – протянул он с сожалением. – А я только вчера отказался от работы в отделе расследований в «Дэйли».

– Ну и за каким чертом ты это сделал? – Мирен стало некомфортно. – Ты здесь стажер. Если предлагают что-то получше, бери не раздумывая. В этом мире такие возможности не падают с неба.

– Да, но это же «Пресс». Пусть даже это стажировка, но... но это «Пресс».

– И что с того? Важны истории, а не название газеты. Если ты пишешь хорошие репортажи, которые могут изменить что-то в мире, какая разница, где ты это делаешь?

– Черт... – Парень фыркнул и уставился вверх.

– Проехали. Дело сделано. Это отстой, знаю. Меня это бесит, если честно. Но... в этом мире все меняется за один день. Сегодня утром ты важная птица, а завтра уже разгадываешь кроссворды на последней странице.

– Нас правда переводят в отдел происшествий?

– Да. Ты представить не можешь, в какой я ярости.

Парень тяжело вздохнул. Девушку, на первый взгляд, это волновало меньше. Мирен кипела от злости не потому, что ее лишили помощи, а потому, что ей подрезали крылья. Стоило ей только дотронуться до Киры кончиками пальцев, как она с головой ушла в

бюрократию, которую терпеть не могла. Дело Киры было ярким и интересным, но... педантизм совета директоров зачастую сдерживал продвижение вперед.

– В этих коробках – все, что у нас есть по делу Киры Темплтон. Я хочу, чтобы вы взглянули на все это сегодня и сообщили мне, что вы думаете. У меня уже замылился глаз, и мне нужен свежий взгляд. Кто-нибудь из вас не ест мясо? Я угощу вас обедом. Это меньше, что я могу сделать. Раз у вас... прощание с отделом.

– А как же телефонные звонки? – спросила девушка.

– Я веган, – сообщил парень.

– Звонки? Параллельно с этим, – ответила Мирен девушке и повернулась к парню: – Ты всегда такой привередливый?

– Но телефон трезвонит не переставая. Мы едва успеваем передохнуть.

– Вас ведь двое, не так ли?

– Да, но... мы параллельно работаем над списком магазинов игрушек, и...

– У вас он уже готов?

– Только Манхэттен и Нью-Джерси. Нам не хватает Бруклина, Лонг-Айленда, Квинса и... Чем больше радиус, тем сложнее.

– Пока сойдет и так, – протянув руку, Мирен взяла карту Нью-Йорка, испещренную кружками и крестиками.

– Крестики – это магазины, где продаются детские игрушки, – пояснила девушка, – а кружочки – это магазины моделей и макетов. Мы вчера позвонили в парочку из них, и они подтвердили, что продают также кукольные домики.

– Хорошо... Кстати, как тебя зовут?

– Виктория. Виктория Уэллс.

– А мое имя вам неинтересно? – встрял парень, не обращая внимания на надрывающийся телефон.

– Прямо сейчас нет. Были еще интересные звонки, Виктория?

– Обои. Женщина из... – Пока она говорила, ее напарник поднял трубку: телефон безостановочно звонил, как будто на другом конце провода был бесконечный список людей, желающих рассказать свою версию истории или жаждущих быть услышанными. – ...Женщина из Ньюарка сказала, что у нее такие же обои. Прямо как на пленке. Она купила их на блошином рынке в пригороде двадцать лет назад.

– Уже что-то.

– Так... погодите. Затем нам позвонили тридцать человек и сказали, что рисунок на обоях – один из стандартных узоров сети магазинов «Фурнитулс». В их каталоге такие продаются уже двадцать пять лет. Их можно приобрести по всей стране.

– Плохо дело, – вздохнула Мирен. Затем она встала, держа в руках карту магазинов игрушек, и обошла вокруг стола, внимательно ее рассматривая. Потребуется целая вечность, чтобы обойти их все и проверить, есть ли у них что-нибудь: список клиентов, купивших игрушечный домик, чеки об оплате кредитными картами и тому подобное.

– Возможно... стоит еще раз попросить о помощи в статье, – предложила Виктория, – на этот раз у владельцев магазинов игрушек. Я уверена, многие будут рады помочь.

– Еще одна статья – и я в тот же день буду искать работу вместе с вами. Эта тема закрыта для «Пресс», ребята. Вот почему вы не можете остаться. По крайней мере, со мной. Придется работать... по старинке. Но и это может быть тупиком.

– Посетить их все? – спросил парень, положив трубку, но телефон тем временем тут же выдал новую трель. Виктория протянула руку и ответила на звонок:

– «Манхэттен пресс», какую информацию вы хотели бы предоставить?

– От Нью-Йорка до Нью-Джерси – больше тысячи магазинов, – заметил парень. – Это не считая Квинса и Лонг-Айленда. Итого две тысячи магазинов, включая лавки и универмаги, где тоже продают игрушки.

– Я знаю, но... если обходить или обзванивать по... скажем, по два ежедневно в свободное время... это займет...

– Три года, – мгновенно сказал парень.

– Отлично считаешь в уме. А теперь вот что, как тебя зовут? Хотя нет, не говори мне. Лучше пусть это останется та...

– Меня зовут Роберт, – перебил он. Это имя вызвало у Мирен неприятные воспоминания, но избегать его было невозможно. Удивительно, но время от времени на ее пути появлялся новый человек с этим именем, вызывая в ней мгновенное отторжение, словно она

должна была научиться просить прощения всей душой или забывать всем сердцем.

– Чем вы занимаетесь в свободное время? – спросила Мирен. В ее голову закралась абсурдная идея.

– Ээ... учимся? Мы еще в университете, – ответил Роберт.

– Отлично. Теперь, когда отдел расследований для вас закрыт, как вы смотрите на то, чтобы слегка подзаработать в выходные?

Глава 46

Представь на миг, что тебя никто не ищет и не ждет. Разве не это и есть любовь? Чувство, что кто-то тебя ждет или ищет.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

Агент Миллер несколько часов бродил по центру города. Он был растерян и не хотел возвращаться домой и объясняться с женой так скоро. Нужно было обдумать, что делать. В его планы никогда не входило уходить из ФБР, но возможно, этот толчок под Рождество поможет ему решиться. Он думал о том, чтобы отключиться от дел, которыми занимался, но невозможно было стереть из памяти счастливые лица с фотографий, которые он каждое утро пересматривал снова и снова. Миллер думал о Джоше Армингтоне, двенадцатилетнем парнишке, который исчез на детской площадке среди бела дня, и о Джине Пиблз, девочке-подростке, пропавшей в 2002 году на выходе из школы в Квинсе, чей след терялся в двух километрах от того парка, где был найден ее рюкзак. Он думал о Кире – он всегда думал о ней, о тех кассетах, о боли Темплтонов и о том, как была разрушена жизнь семьи, которую он время от времени навещал, чтобы справиться, как дела, и рассказать, что расследование забуксовало.

Сам того не осознавая, агент пошел на север, пересекая Сохо, по направлению к парку Вашингтон-сквер. В центре парка возвышался фонтан-памятник, и он вспомнил дело Анны Эткинс, которая в 2008 году пришла на свидание на этом самом месте – и больше ни о ней, ни о том парне никто ничего не слышал. Весь город, несмотря на его многолюдность, на миллионы людей на улицах, располагал к анонимности, и каждый уголок, каждый закоулок, каждое дерево или выемка на тротуаре скрывали истории, которые, возможно, лучше было оставить неразгаданными. Несмотря на растущее число камер

наблюдения в городе, которые должны были контролировать и предотвращать вандализм, было трудно найти тех, кто действительно мог что-то видеть. Раствориться в Нью-Йорке было проще простого. Если камеры ничего не запечатлели, двигаться вперед было трудно. Им отчаянно не хватало свидетелей, как доказывали дела, которые он только что вспоминал.

Погруженный в размышления, мужчина дошел до парка Юнионсквер, где ему вспомнилось еще одно расследование. Затем продолжил путь на север, зигзагами петляя между улицами, и решил зайти в «Сэндвич Уайлдберга» – популярное крохотное заведение, где подавали лучший пастроми в городе. Миллер сел за стойку бара между парнем в костюме и двумя туристами. Его мучилИ тоска и жажда. Официант приветствовал его улыбкой:

– Что будете, дружище?

– Пиво и... сэндвич с... – он быстро пробежался по меню, – ... сэндвич «Митч».

– Отличный выбор. Плохой день?

– Праздники всегда приносят плохие воспоминания. Все становится таким сложным.

– Рождество часто вызывает плохие воспоминания. Мы все потеряли кого-то в это время года, но... жизнь продолжается.

– Согласен. Но когда речь идет о де... – Бен не решился закончить фразу, потому что ему пришлось бы слишком много объяснять.

– Моя жена умерла за день до Рождества, – сказал официант. – И с тех пор... я праздную в память о ней. Вы должны воспринимать это так. Иначе это не жизнь. Когда есть что праздновать, хватайся за это, друг мой, и вперед. Потому что плохие события всегда поджидают за углом, и скоро весь календарь заполняется ими.

Бен кивнул и поднял бокал пива, который бармен оставил на стойке. Вскоре ему принесли сэндвич с яйцом и луком, и в этот же момент зазвонил телефон.

– Слушаю, Джон. Дай угадаю: ты уже все знаешь, – сказал он сразу.

– Да. Отстой. Терпеть не могу Спенсера, правда. Считаю, получил отпуск с семьей.

– Что-то вроде того. Потом позвоню Лизе, чтобы она организовала нам какое-нибудь путешествие. Сбережения у нас есть, но... прямо

сейчас я не могу покинуть город. Я все время думаю о работе. Возможно, это пойдет мне на пользу.

– Ну... поэтому я тебе и звоню.

– Держу пари, ни на кассете, ни на конверте ничего нет.

– Вообще-то это я у тебя хотел спросить. Кто их трогал?

– Как я понял, Свагхаты – это индийская семья, которая сейчас живет в их старом доме, родители и... я. Но я был в перчатках. Так что остаются отпечатки Свагхатов и родителей.

– Так вот. Как бы тебе это объяснить, – протянул Джон. – Есть еще два набора. Отпечатки двух разных людей на конверте.

– Два отпечатка?

– Первые принадлежат... Мирен Триггс. Она у нас в системе с 2003 года.

– Мирен? Как это возможно? Ведь ее не было с нами.

– Я не придавал этому значения, потому что знаю, что она друг семьи.

– Это какая-то бессмыслица.

– Что ж... вторые отпечатки более смазанные, но система обнаружила еще более странное совпадение.

– Говори.

– Ты же знаешь о программе, которая позволяет смоделировать эволюцию отпечатков пальцев, чтобы минимизировать искривление, которое происходит на кончиках пальцев с возрастом?

– Да. Ты что-то такое рассказывал.

– Так вот, это программа-симулятор на базе системы дактилоскопического учета, которая позволяет смоделировать отпечатки пальцев в зависимости от возраста, чтобы можно было найти их обладателей, когда они вырастут. Чем больше времени прошло с момента взятия отпечатков, тем менее точны результаты, совсем как с прогнозом погоды, но...

– Да, да. Говори уже.

– Другая пара на сорок два процента совпадает с отпечатками Киры Темплтон. Те же линии, те же разветвления, то же положение ядра.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну... Это не финальный результат. Честно говоря, сорок два процента – это неубедительно для суда, но... это в пределах нормы,

учитывая, как давно были получены оригинальные отпечатки Киры Темплтон. Ведь ей тогда было три года, а это... это отпечатки взрослого человека.

– Ты хочешь сказать, Кира Темплтон могла прикасаться к этому конверту?

– Я говорю, что вероятность того, что Кира Темплтон прикасалась к этому конверту, очень высока, но коэффициент совпадения невысокий, потому что система учитывает поправку на прошедшие годы.

– Нет... этого не может быть.

– Как думаешь, она могла сама оставить кассету?

– Не знаю, Джон, но... но это очень трудно объяснить.

– Что теперь? Это тебе как-то поможет?

– Нет, если только я не найду Мирен Триггс. Нужно выяснить, как ее отпечатки оказались на конверте.

Глава 47

Переступи одну черту, и рано или поздно сорвешься в пропасть.

14 сентября 2000

Место неизвестно

Уилл взобрался по стремянке в комнате Киры, неловко прикручивая в углу маленькую камеру наблюдения, которую он купил в магазине подержанных товаров.

– Ну вот, – сказал он, включив ее и проверив, горит ли красный огонек.

Кабель камеры шел прямой линией вдоль потолочного плинтуса до верха двери, где Уилл просверлил отверстие, чтобы провод протянулся вдоль стены гостиной к телевизору.

Айрис, игравшая с Кирой на диване, тихонько спросила:

– Это правда необходимо?

– Я не хочу никаких сюрпризов, Айрис. Смотри, на восьмом канале комната Милы, на девятом – камера у входа. Если нажмешь сюда, включится звук, понятно?

– Во сколько все это обошлось?

– Меньше пятидесяти долларов, не волнуйся. Это просто... предосторожность.

– Она больше не выйдет за порог, Уилл. Это ни к чему. Правда ведь, милая? – спросила она у Киры, которая прижималась к ней, будто маленький испуганный медвежонок коала.

– Да, мама, – ответила девочка резким, хрипловатым голосом. – Я не хочу болеть.

– А ты и не заболеешь, милая. На улице... опасно.

– Айрис, с меня хватит паники, – заметил Уилл.

– Разве недостаточно того, что ты сменил дверные замки? Так она...

– Я хочу посмотреть «Джуманджи», – заявила Кира, не слушая их.

– Опять?

– Хочу увидеть льва! – воскликнула она и громко зарычала на Айрис: – Рррррр!

– Хорошо, – согласилась та, подойдя к видеомагнитофону и вставив в него кассету «Джуманджи». Когда на экране наконец появился логотип «Тристар Пикчерз», Айрис отошла и прошептала Уиллу:

– Думаешь, она что-то видела?

– Ты о... – Фраза повисла в воздухе.

– Да.

– Думаю, да. С тех пор она делает вид, будто меня не существует. Ты наверняка заметила, что она хочет быть только с тобой.

– Да. Я знаю. Она не отходит от меня ни на шаг.

– И ты, конечно, счастлива?

– Ты сейчас серьезно?

– У тебя-то все волшебное. Девочка только твоя.

– У тебя с головой все в порядке, Уилл? Мы... – Она понизила голос еще сильнее. – Мы убили нашего соседа и закопали его на заднем дворе. Как я могу быть...

– Тихо! Она тебя услышит! – прошипел он, а его взгляд метнулся к окну, выходящему на задний двор.

– Думаешь, она не знает?

– Мамочка, ты идешь? Начинается.

– Уже иду, милая, – ответил Уилл, подходя к дивану.

– Не ты, а мама, – Кира повернулась к нему спиной. Затем снова перевела взгляд на телевизор, не обращая на них внимания.

Уилл, который не успел сделать ни шагу, глухо заворчал, сел на диван и приобнял ее за плечи.

– Не ты, а мама! – сердито повторила Кира.

Уилл прижал руки к голове, сдерживая рвущийся из груди крик. Он встал и заметался по комнате. Терпеть поведение Киры было выше его сил. Мужчина вспоминал все, что делал для нее: походы в магазины одежды, бессонные ночи, когда она плакала по родителям, игрушки, которые он покупал, чтобы сделать ее счастливой. Казалось, ничто не помогает. Как бы Уилл ни старался, ребенок всегда отвергал

его. Айрис подошла к девочке, и, когда она схватила ее за руку, он почувствовал себя так, словно его ударили в живот.

– Я знал, что это случится. Не надо было...

– Что, Уилл? – спросила Айрис.

– Это! Вы! А я... а я словно преступник. Я тоже здесь живу, представляете? – закричал он.

Кира смотрела на него так, будто вот-вот заплачет.

– Перестань пугать ребенка, – попросила Айрис. – Ничего, детка... Просто твой отец иногда... нервничает.

– Он не мой папа, – ответила та, и эта фраза разрушила все.

– Что ты сказала?! – воскликнул Уилл, занося в гнев кулак.

Айрис в ярости сжала челюсти и посмотрела на него с небывалой ненавистью.

Кулак Уилла задрожал в воздухе, и Кира разрыдалась.

– Попробуй хоть пальцем ее коснуться, – предупредила Айрис.

Уилл почти опустил кулак. Он и сам не знал, почему не нанес удар. Может быть, дело было в испуганном лице ребенка, а может, в сердитом взгляде жены, но он почувствовал себя настолько оторванным от этой фальшивой семьи, что рухнул на колени и разрыдался от боли в груди, едва не потеряв сознание.

Айрис обняла Киру, пытаясь успокоить ее, а Уилл плакал без остановки. Затем он протянул руку к жене, шепча одними губами робкое «прости». Но она отдернула руку, и этот простой жест положил начало катастрофе, которая медленно разворачивалась в течение следующих недель, и Айрис даже представить себе не могла, чем все закончится.

Глава 48

Жизнь справедлива только тогда, когда ты делаешь ее такой.

Мирен Триггс

1998–1999

Начало моей работы в «Пресс» было более напряженным, чем мне хотелось бы. Едва вступив на порог редакции, я присоединилась к команде Боба Уэкстера, Норы Фокс и Саматы Аксли в качестве стажера-исследователя. У меня единственной не было «икса» в фамилии, и я отпустила пару шуток на этот счет, пока мы занимались делами, которые я и представить себе не могла: продажа правительством оружия странам Персидского залива, секс-скандалы с участием членов Сената, попытки замять серьезные коррупционные схемы на высшем уровне. Первые полгода я была завалена работой, и дело Киры, пусть и не менее важное для меня, отошло на второй план. В университете меня ждали экзамены и эссе, а по вечерам я приходила в «Пресс», чтобы оказать посильную помощь. Мой контракт предусматривал повышение зарплаты, как только я получу диплом, а на смену стажировке должен был прийти постоянный договор на полный рабочий день, но, пока этого не произошло, мне приходилось наверстывать упущенное по вечерам, задерживаясь в офисе допоздна или работая сверхурочно дома.

Я почти не видела родителей, которые превратились для меня в далекий символ утешения на другом конце провода.

Наконец однажды утром профессор Шмоер молча прошел через вестибюль, делая вид, будто мы незнакомы, и вывесил на доску объявлений итоговые оценки за свой курс, и рядом с моим именем красовалась приятная надпись «с отличием», что официально присуждало мне диплом журналиста Колумбийского университета. С

того вечера мы больше не разговаривали, и я подошла к нему, не зная, что сказать.

– Профессор, – позвала я.

– Мирен, – ответил он с удивлением. – Поздравляю.

– Спа... Спасибо.

– Прекрасная итоговая работа. Меньшего я и не ожидал.

– Тебе понравилось? – неуверенно спросила я.

– Оценка тому доказательство, разве нет?

– Да, наверное. Еще раз спасибо.

– Я тут ни при чем. Ты это знаешь. Ты этого заслуживаешь. Среди всех студентов ты самая... – Он пытался подобрать подходящее прилагательное, чтобы описать мою сложную личность, но я перебила его:

– Благодаря тебе я оказалась в «Пресс».

– Это не так, Мирен. Ты оказалась в «Пресс», потому что достойна этого, и они это увидели. Статья о Джеймсе Фостере...

– Мне просто повезло. Я тоже думала, что он невиновен.

– Неважно, что ты думаешь, пока ищешь правду. Когда то, что ты думаешь, искажает правду – вот тогда это проблема.

– Но такое ведь случается со многими газетами?

– И именно поэтому из тебя выйдет прекрасный журналист, Мирен. Твое место в «Пресс». В этом я не сомневаюсь.

– Ты и дальше будешь преподавать?

– Да. Я думаю, оно того стоит. Это важно. А бесконечные часы наставничества я посвящу работе на факультетском радио. Возможно, ты меня как-нибудь услышишь.

– Может, и услышу, – ответила я полушутя. – И... еще раз спасибо, Джим.

– Не за что. – Он развернулся и ушел, махнув мне рукой.

– Кстати, профессор! – крикнула я вдогонку. – Это новые очки?

– Старые сломались, – так же громко ответил он на прощание, подхватив понятную только нам двоим шутку.

На выходе из университета я позвонила родителям. Я была в восторге. Теперь я могла на сто процентов посвятить себя газете и возобновить поиски Киры, которая все еще пряталась где-то в моей голове, блуждая в закоулках моего сознания. Она никогда не покидала моих мыслей, но повседневная работа и стресс, связанный с

адаптацией к темпу работы в редакции, отвлекли меня от обещания, которое я дала себе и ее отцу.

– Мама! – воскликнула я, как только она подняла трубку. – Теперь я официально журналист!

Я до сих пор помню этот звонок. Как с легкостью рушится мир вокруг. Можно пытаться быть сильным, думать, что все происходит по какой-то причине, которую ты поймешь позже, что жизнь пытается преподать тебе уроки, из которых можно извлечь что-то важное, но факт оставался фактом: мама ответила на звонок, плача и задыхаясь, а я несколько мгновений ничего не понимала.

– Мама, в чем дело? Что случилось?

– Я хотела позвонить тебе раньше, но... не смогла.

– Да что случилось? Я волнуюсь.

– Дедушка...

– Что с ним?

– Он выстрелил в бабушку.

– Что?! – потрясенно выдохнула я.

– Мы в больнице. Она в очень тяжелом состоянии, Мирен. Ты должна приехать.

– Но как?

В этот момент я ничего не понимала. Возможно, просто не осмеливалась посмотреть правде в глаза.

Я отпросилась в редакции на два дня, по-моему единственный раз в жизни, и, когда приземлилась в аэропорту Шарлотт, меня встретили теплые объятия отца. За всю поездку на машине он, насколько помню, не произнес ни слова, позволив молчанию управлять нашими эмоциями. Я помню только то, что он сказал, когда машина въехала на больничную парковку:

– Ты должна знать вот что, Мирен. Твой дед тоже там. Выстрелив в бабушку, он спрыгнул с балкона, чтобы покончить с собой. Ни одно из дел он не довел до конца. Он в коме. Врачи говорят, он может выжить.

– Ты знаешь, почему он это сделал?

– Мирен, твой дедушка всю жизнь бил бабушку. Неужели ты никогда этого не замечала? Домашнее насилие. Помнишь то время, когда бабушка жила с нами? Именно поэтому. Несчастный случай на лестнице? Твой дед сильно избил ее.

Услышав это, я замерла.

– Тогда почему, черт возьми, они до сих пор вместе?

– Мы пытались вмешаться, но твоя бабушка... не возражала.

– Но... бабушка не такая.

– Не спрашивай меня. Я тоже этого не понимаю, дочка. А твоя мать – и того меньше. Она дважды убедила ее подать заявление, но... потом бабушка их забирала и возвращалась к нему. Ты знаешь, однажды дед направил пистолет на твою мать? Она рассказала мне сегодня. Твоя мама в отчаянии. Она всю жизнь пыталась скрыть это от тебя. Пыталась притвориться, что все в порядке. Твоя учеба, карьера, образование... Но... Я думаю, правда всегда должна выходить наружу.

Я кивнула. Мое сердце разрывалось, и хотя он сжал мою руку в знак поддержки, этого было недостаточно.

Мама сидела на пластиковом стуле в приемной и плакала. Она встала, с трудом передвигаясь, и обняла меня, как никогда, сильно. Когда она успела так постареть? Хотя, возможно, я просто не видела ее прежде такой осунувшейся и опустошенной. Она заговорила первой, прошептав мне на ухо сквозь слезы тихое отрывистое «прости». Я гладила ее по спине и не могла удержаться от слез. Это была наша первая встреча за несколько месяцев, и то, как она случилась, то, что открылось моим глазам, заставило меня задуматься, на правильном ли я пути.

– Как бабушка? – собравшись с духом, спросила я.

– В тяжелом состоянии. Ее оперируют, и... Возможно, она не выживет. Она... она потеряла много крови, и возраст уже не тот. Я не должна была отпускать ее к нему.

Я сглотнула. Говорить мне было трудно.

– Это не твоя вина. Во всем виноват дед.

– Но если бы я... Будь я внимательнее...

– Мама, пожалуйста. Не думай сейчас об этом. Она поправится, вот увидишь.

Мама кивнула: наверное, она нуждалась в заверениях, что все будет хорошо. Отец ушел в больничную кафетерий, чтобы избежать трудных разговоров, а я сидела с ней в коридоре и ждала. Она плакала у меня на плече, и я вытирала ее слезы. Впервые за долгое время я почувствовала, что стала для мамы не обузой, а опорой. После нападения в парке она все время переживала, пытаясь защитить меня и

помочь мне оправиться. Может быть, поэтому она не рассказывала мне о трудностях бабушки. Она все время занималась чужими проблемами, вкладывала душу, чтобы утешить других, и теперь ей хоть раз нужно было, чтобы кто-то помог ей. В конце концов, это были ее родители, она все детство провела с ними, а самое страшное в таких случаях то, что человек всегда сосредотачивается на хороших воспоминаниях, чтобы не потерять рассудок. Я была уверена: она, плача, перебирает в памяти все те моменты, когда дед вел себя хорошо, когда бабушка была счастлива с ним, пытаюсь отвлечься от ужасной трагедии, которой стал последний выстрел, хотя на самом деле все предыдущие удары, крики и нападения были столь же смертоносны.

Через какое-то время я предложила принести маме липовый чай, и она согласилась: ей нужно было держать что-то в руках, чтобы избежать истерики. Я отправилась в кафетерий, разглядывая по пути открытые двери больничных палат. Во всех лежали пациенты – их ноги торчали на постели, во всех были посетители. Во всех, кроме одной. Это была палата моего деда.

Я вошла и увидела, как он спит, подключенный к мониторам. Его рот был открыт, слабое дыхание затуманивало прозрачный пластик маски. При виде полного спокойствия на его лице у меня внутри все сжалось. Пока бабушка в операционной находилась на грани жизни и смерти, он, казалось, мирно спал.

Какое-то время я наблюдала за ним, перебирая в памяти годы обмана, когда видела в нем лишь шовиниста, а не домашнего тирана и вспоминала загадочные синяки на теле бабушки, ее затравленный взгляд, который тогда не могла распознать, неловкое молчание, когда он приходил домой, и бабушкины звонки маме, чтобы та забрала меня. Теперь я точно знала, что так она скрывала от меня происходившее в тех четырех стенах.

Внезапно монитор, следивший за пульсом, запищал, и показатель подскочил выше ста пятидесяти. Он неуклонно поднимался – сначала до ста семидесяти, затем до ста восьмидесяти, пронзительный писк становился все настойчивее. Дед не шевелился, словно не замечая, что происходит в его груди, и в этой комнате, наедине с человеком, который пытался убить мою бабушку, которого я никогда не любила и не уважала, случился один из поворотных моментов в моей жизни:

я подошла к монитору, на котором линии рисовали беспорядочные скачки, и... выдернула вилку из розетки.

В палате снова повисла тишина.

Его дыхание стало рваным, но сигнал тревоги, оповещающий врачей о сердечной недостаточности, больше не работал.

В течение одной долгой минуты я смотрела, как он задыхается, слегка содрогаясь всем телом, пока наконец не замер. Настороженно приблизившись, я заметила, что маска перестала запотевать каждые несколько секунд. Затем снова подключила аппарат к сети, и кривая пульса на мониторе сменилась простой белой линией, но звук исчез. На экране появилось сообщение «нет сигнала», и я вышла из палаты как ни в чем не бывало, но зная, что внутри меня все изменилось.

Через несколько минут я уже снова сидела рядом с мамой с липовым чаем для нее и горячим кофе для меня.

Глава 49

Без уступок жизнь невозможна.

Декабрь 2003 – январь 2004

5 лет с момента исчезновения Киры

Архаичным способом, при помощи двух стажеров, которые работали на нее сверхурочно, Мирен начала собирать информацию со всех магазинов игрушек, моделей и макетов Манхэттена, Бруклина, Квинса, Нью-Джерси и Лонг-Айленда. Так в то время работала журналистика. Баз данных, к которым можно было бы обратиться, и сайтов всех магазинов в интернете тогда просто не существовало. Нужно было взять телефонную книгу, зайти в раздел «Игрушки» и набрать номер в надежде, что на другом конце ответят и захотят помочь.

Поначалу и этих районов было достаточно, чтобы сделать задачу невыполнимой. Было решено, что Виктория и Роберт будут звонить в магазины игрушек из импровизированной редакции, в роли которой выступали два столика в кафе через дорогу от «Пресс» – том самом, где Мирен когда-то разговаривала с Аароном Темплтоном. Во время этих звонков – шесть долларов в час каждому из кармана Мирен – Виктория и Роберт связывались с магазинами игрушек, в каталоге которых был кукольный домик «Маленький дом и сад». Постепенно, по мере того как проходили выходные, выяснилось, что такой предлагают немногие, и это казалось хорошим знаком. Круг смыкался, и Мирен надеялась, что сможет получить список клиентов, которые когда-либо покупали одну из этих моделей, и тогда ей будет с чем работать.

Но Рождество 2003 года внесло свои коррективы: магазины игрушек перестали отвечать на телефонные звонки, чтобы обслужить огромную массу покупателей, которым нужно было найти идеальный подарок, чтобы Санта-Клаус мог оставить его под елкой.

В январе 2004 года, всего после трех выходных за телефоном, Мирен встретила со стажерами в кафе, чтобы обсудить прогресс.

– Только эти? – удивилась Мирен.

– Пойми, Мирен... это невозможно. Его перестали выпускать несколько лет назад, и трудно найти, где он еще продается.

– Понятно, – слегка ошарашенно ответила она, не поднимая глаз от списка. В нем было всего четыре магазина. – Сколько вы обзвонили за последние три выходных?

– Около сорока.

– Всего?!

– Многие просто не отвечают на звонки, а те, что отвечают, даже не удосуживаются проверить, продавали ли они эту модель дома раньше. Предлагают прийти лично, потому что они очень заняты, прежде чем повесить трубку.

Мирен вздохнула. Все было хуже, чем ожидалось.

– А еще мы хотели с тобой поговорить, – перебил Роберт, наконец-то проявив интерес к разговору. До этого он угрюмо наблюдал за паром, который поднимался над его стаканчиком.

– Валаяй, – сказала Мирен, не желая тянуть.

– Мы больше не хотим этим заниматься.

– Чем?

– Этим. Звонить в магазины. Я не для этого учился. Мне нужно выплачивать кредит на обучение в двести тысяч долларов. Я достоин большего. Родители все время это повторяют.

– Да. Хорошо. Но... с чего-то же надо начинать? Вы хотели заниматься расследованиями, и это одна из задач, вы делаете это в свободное время и за деньги... – Мирен поколебалась и не закончила мысль. – Я не понимаю. Кто-нибудь просветит меня, что происходит?

– На прошлой неделе мы разговаривали с Норой, – наконец признался Роберт.

– О чем?

– Она уходит из газеты, – продолжил Роберт. – Хочет собрать внештатную группу журналистов и продавать свои расследования тому, кто больше заплатит.

– А какое это имеет отношение к?..

Оба опустили голову, разглядывая бумажные стаканчики. Мирен с удивлением на них посмотрела. Такое поведение шло вразрез с их

обычной жизнерадостностью.

– А... понятно. Она предложила вам присоединиться к ней.

– Это... это хороший шанс, Мирен. А здесь... мы как будто ищем иголку в стоге сена, – оправдываясь, сказал Роберт.

– Я знаю, но... в этом и заключается работа журналиста. Искать невозможное и находить его.

Виктория подняла взгляд и покачала головой.

– Это невозможно, Мирен. А что, если они купили домик в другом штате? Что, если Кира Темплтон находится в другой стране? Ты обойдешь все магазины игрушек на планете? Ради чего все это?

– Чтобы найти девочку, которая исчезла в День благодарения. Ни у кого нет желания помочь ей, один только нездоровый интерес.

– Мы ничего не добились, Мирен. И ты это знаешь. Это просто трата времени.

– И что? А с Норой вы что будете делать?

– Она пообещала нам полугодовой контракт с полной зарплатой. Это вдвое больше, чем мы зарабатываем стажерами «Пресс» и сверхурочно.

– Но вы будете работать с Норой.

– А что с ней не так?

Мирен поднялась и взяла бумаги со стола.

– Сами узнаете. Я...

– Пожалуйста, Мирен... пойми нас. Это хороший шанс. В отделе происшествий мы только перекладываем стопки бумаг с одного стола на другой. С тобой... с тобой мы делаем звонки.

– Хоть вам так и не кажется, это важные звонки. Но... да какая разница. Я найду выход. Но знаете, о чем я жалею?

Оба молча замерли.

– Я думала, вы не такие, как все, но не знаю, почему меня это так расстраивает. В этом проклятом городе все не те, кем кажутся.

Не дожидаясь ответа, она вышла из кафе. Посмотрела на внушительное здание «Пресс» и увидела, что мелкий дождь намочил землю и наполнил улицы разноцветными зонтиками. Она перебежала дорогу, лавируя между гудящими такси, которые с визгом тормозили в нескольких сантиметрах от нее, и вошла в здание. Ее волосы и куртка промокли.

Подойдя к столу, она поняла, что у нее нет другого выбора. Набрав номер агента Миллера, она подождала, пока он возьмет трубку.

– Мисс Триггс, это вы? – раздался голос на другом конце провода.

– Мне нужна ваша помощь, а вам – моя.

Глава 50

Даже в грешнике кто-то внимательный способен найти проблеск любви.

21 декабря 2000

Место неизвестно

В течение нескольких недель Уилл был подавлен и почти не разговаривал после возвращения с работы. Сразу после прихода он садился пить в одно из кресел в гостиной, пока Айрис и девочка играли с кукольным домиком или щекотали друг друга на диване. Всякий раз, когда жена задавала ему вопрос, мужчина лишь фыркал, а когда она упрекала его в том, что он слишком много пьет, вставал, не обращая на нее внимания, и наливал себе еще. Внутри Уилл чувствовал, что ничего не складывается. Его брак был провалом, его отцовство – фикцией. Если раньше ему казалось, что все будет хорошо, то теперь он перебирал в памяти все случаи, которые говорили об обратном: они не могут пойти в парк, чтобы Кира поиграла с другими детьми, они боятся, что ребенок серьезно заболеет и им не останется ничего другого, как отвезти ее в больницу, они молятся, чтобы никто никогда ее не увидел.

В те ночи, когда Уилл сидел на диване перед выключенным телевизором, пока его не одолевала алкоголь, он вспоминал, как они с Айрис переехали в Клифтон, в этот самый дом в округе Пассаик, штат Нью-Джерси. Это было деревянное сооружение площадью едва ли девяносто квадратных метров на участке в двести пятьдесят квадратных метров, выкрашенное в белый цвет, с двускатной крышей. Здесь было немногочленно и довольно дешево, потому что дом находился всего в ста метрах от электрической подстанции, и, хотя соседи были не самыми приятными людьми, они решили, что это идеальное место для семейного гнездышка. Уилл вспоминал, как он, двадцатипятилетний, вошел в этот дом с Айрис на руках после

свадьбы в часовне в их родном Гарфилде, всего в нескольких милях отсюда. Оба выросли в неблагополучных семьях и объединились в попытке спасти друг друга. Отец Уилла повесился в ванной, когда тот был еще ребенком, мать умерла от передозировки, когда ему было пятнадцать. Семья, в которой он рос дальше, пыталась понять его, но он отвергал их попытки и, достигнув совершеннолетия, ушел из дома. Устроившись в автомастерскую, он некоторое время жил в студии, пока судьба не свела его с Айрис, кудрявой блондинкой, у которой сломался мопед. Они влюбились, как влюбляются только глупцы. Но в их характерах было так много трещин, что они смогли скрепиться по ошибке. Айрис, как и Уилл, выросла на попечении безразличной матери и без отца, которого сменила вереница бранящихся мужчин, чьи имена она даже не пыталась запомнить: так быстро они исчезали. В конце концов она начала работать в закусочной и на свои первые сбережения купила тот самый подержанный мопед, который навсегда связал ее с Уиллом.

Роман развивался стремительнее, чем они предполагали: Айрис забеременела, едва ей исполнилось девятнадцать. Однажды днем, когда золотистое солнце освещало доски мостика, переброшенного через пруд Дэнертс, в беседке Уилл встал на одно колено. Они поженились, не сказав никому ни слова, и только коллега Уилла по мастерской пришел в здание суда в качестве свидетеля. На свои сбережения они заплатили первый взнос за этот небольшой домик. Когда мать Айрис узнала, что дочь не пригласила ее на свадьбу, она была так обижена, что ни разу не навестила ее. Но их счастье, похожее на лестницу, которая ступенька за ступенькой вела их из глубин колодца к свету, омрачила ужасная новость: однажды ночью, на седьмом месяце беременности, Айрис проснулась от жгучих спазмов внутри, а простыня пропиталась кровью.

Это был первый ребенок, которого они потеряли, но он пробудил в них потребность, о которой они раньше не знали. Они хотели стать родителями. Они так любили того малыша, которому уже было выбрано имя, что жить в этих четырех стенах без детей казалось уже невыносимым. Но шли годы, и печаль поселилась в этом доме в виде выкидышей и все более неподъемных медицинских счетов.

Однажды вечером, услышав смех девочки, которой Айрис рассказывала сказку о ведьмах и ворах, Уилл ушел из дома.

Его отсутствие встревожило Айрис. Она несколько раз бродила вокруг дома, заглядывая на задний двор, на случай если увидит его возвращение издалека. Так и не дождавшись, Айрис легла спать, надеясь, что муж скоро вернется. По вечерам Уилл обычно выносил мусор или делал какие-то мелкие дела по дому. Возможно, он уехал на заправку, чтобы не тратить время завтра, или решил заглянуть в круглосуточный супермаркет, но в таких случаях он всегда предупреждал заранее. В этот раз Уилл сел в машину и поехал на юг, ничего не объясняя. Просто подошел к ней, пока она рассказывала Миле какую-то историю, поцеловал в макушку и молча уехал.

Около двух часов ночи перед домом зажглись огни, и Айрис, которая так и не сомкнула глаз, быстро встала, чтобы убедиться, что Уилл благополучно вернулся. Она волновалась за него. После происшествия с соседом он изменился. Он стал замкнутым и почти не разговаривал с ней. Иногда она спрашивала, все ли в порядке, но ответом ей служило тоскливое ворчание.

Она вбежала в гостиную и ждала, когда откроется дверь, чтобы спросить, как он, но тут раздался стук в дверь и незнакомый мужской голос позвал:

– Миссис Ноукс?

Айрис застыла. Она не понимала, что происходит и кому она понадобилась. Включив телевизор, она нажала на девятый канал, куда передавалась запись с камеры у входа. Два полицейских в форме смотрели на дверь.

«Что ты наделал, Уилл!» – подумала она. В голове пронесся вихрь мыслей. Он признался? Его задержали? Женщина была на грани обморока. Подойдя к шкафу, где хранилось ружье, она сняла замок. Затем заперла спальню Милы, убедившись, что та по-прежнему крепко спит.

В дверь снова постучали, и она побежала открывать, притворившись заспанной и застегивая на ходу халат.

– Да?

– Вы миссис Ноукс?

– Да... – сказала она хриплым голосом, прищурив глаза. – Что-то случилось?

Полицейские переглянулись, решая, кому сообщать новости. Один из них, брюнет в мятой форме, ответил:

– Видите ли... такое дело... в общем...

– В общем, что? Что случилось?

– Ваш муж... он скончался.

Айрис в ужасе прижала руки ко рту.

– Поезд сбил его машину на переезде через Блумфилд-авеню. Он умер на месте.

– Этого не может быть, – выдохнула Айрис.

Глава 51

Весь мир словно катился под откос, и с этим никто не мог ничего поделать.

Мирен Триггс

1999–2001

Смерть деда стала для мамы шоком. Она заплакала, когда узнала, что его сердце не выдержало, а врачи прибыли слишком поздно. Он был ее отцом и мерзавцем в придачу, но смерть, вопреки всему, часто вызывает самое искреннее прощение.

Я вернулась в Нью-Йорк, пытаясь забыть обо всем, и меня полностью поглотил вихрь журналистики. Конечно, этот мир увлекал меня, но требовал все больше и больше с каждым днем. Он поглощал время и энергию и, хотя я чувствовала себя как никогда живой, знакомил меня с историями, от которых было трудно оправиться: компания, которая эксплуатировала мигранток из Азии в нелегальных мастерских днем и в борделях – ночью; защитник животных, продававший мясо в рестораны Манхэттена; отец, сжегший своих детей, чтобы отомстить их матери. Чем глубже вы погружаетесь в этот мир, тем сильнее он вас меняет. Общаясь со своими коллегами по редакции, я поняла: мы, молодежь, – восторженные наивные энтузиасты, а те, кто постарше, – циники, ненавидящие мир. Конечно, не все были такими, но с их губ то и дело соскальзывала мольба о хороших новостях, которые не заставят сойти с ума.

Боб настаивал на том, чтобы я все время работала в редакции, выполняя все более трудные и утомительные задания. Проверки счетов компаний, государственного бюджета, оборудования на фабриках. Я вставала до рассвета и, если мне не нужно было копаться в каком-нибудь архиве или брать интервью, уходила из редакции в ночи, подготовив отчет по материалам, над которыми работала в течение дня.

Однажды ночью 2001 года, поднявшись на лестничную площадку, я заметила приоткрытую дверь в квартиру миссис Эмбер. Это было на нее непохоже. Она была настолько подозрительной, что даже жалюзи на окнах, выходящих на улицу, всегда были опущены.

– Миссис Эмбер? – позвала я, осторожно открывая дверь и заглядывая внутрь.

Ее квартира была почти в два раза больше моей. Я никогда не видела ее в деталях. Соседка никогда не предлагала зайти к ней на чай и рассказать мне истории из жизни. Лишь иногда, если мы сталкивались на площадке, я мельком видела свет лампы, которую она включала при входе. В этот раз в квартире было темно.

– Миссис Эмбер, с вами все в порядке? – позвала я, повысив голос.

Все это мне не нравилось. Существуют разные виды тишины. Они отличаются воздухом, беззвучными нотами, которые издают шаги, неподвижностью штор в отдалении – я видела, как слегка шевельнулись занавески на другом конце комнаты.

Я бросилась внутрь и попыталась включить лампу у входа, но лампочка перегорела. Я шла в потемках, и мое внимание приковали фотографии на стенах. На них я узнала миссис Эмбер лет на тридцать-сорок лет моложе, невероятно ухоженную и сияющую, с улыбкой, которая растянулась от одного уха до другого, словно ущелье, усыпанное жемчугом. На одном из снимков она ныряла в море в купальнике рядом с красивым молодым человеком того же возраста. На другом она бежала рядом с тем же парнем по длинной грунтовой дороге среди деревьев, громко смеясь. Она выглядела счастливой. Когда-то она знала, что такое счастье, но теперь словно отстранилась от мира.

Внезапно я заметила босую ногу, выглядывающую из-за дивана, рядом со шторами.

– Миссис Эмбер? – крикнула я.

Было темно, но я видела, что из раны на лбу течет кровь.

– Вы в порядке? – прошептала я, придвигаясь ближе, чтобы оценить, насколько серьезна травма. Она не выглядела особо опасной, но я набрала телефон службы спасения и назвала адрес. Мои познания в медицине ограничивались приемом обезболивающих при месячных.

Я оглядела комнату, успела включить торшер в одном из углов и, обернувшись, увидела его.

Мужской силуэт наблюдал за мной из темного коридора, который, скорее всего, вел в спальню. Он застыл, держа в руках шкатулку, и я не могла разглядеть его лица или понять его намерения.

– Если ищешь деньги, я не знаю, где они.

– Телефон! – крикнул он хриплым голосом, будто мотоцикл, у которого вот-вот откажет двигатель.

Я поняла, что это отчаявшийся преступник в поисках быстрых денег. Был конец месяца, приближалось Рождество. Преступникам тоже нужно дарить подарки.

Я бросила мобильный в темноту, и мужчина нагнулся, чтобы подобрать его. Сердце бешено колотилось, как бы мне ни хотелось сохранять спокойствие. С годами я поняла, что часть меня в момент опасности всегда возвращается в тот парк: этот момент навсегда застрял в моей душе, и мне придется с этим жить. Подобное событие меняет тебя, меняет все, чем ты являешься и кем притворяешься, хотя невозможно предугадать, в какую сторону. Меня этот парк привел к темноте и мести. Пламя, охватившее Джеймса Фостера, отпечаталось в моих глазах, и страх выйти из дома сменился страхом бездействия.

– У меня с собой пистолет, – солгала я. Оружие лежало дома. – Забирай телефон, и ничего не будет. Выкинешь какой-то трюк, и я тебя пристрелю.

Его поведение тут же изменилось: в его дыхании я ощутила легкий страх, повисший в воздухе. Возможно, он почувствовал в моем голосе внутренний гнев на несправедливость. Миссис Эмбер застонала от боли, и я перевела на нее взгляд. Она была в порядке: стон служил доказательством, что удар был не таким уж сильным. И тут, будто ветер, поднявшийся, чтобы забить последний гвоздь в мой характер и посеять достаточно страха, чтобы я решила воззвать к небесам, грабитель метнулся мимо меня к двери и скрылся.

Я провела час в ожидании «Скорой помощи», утешая миссис Эмбер, и все это время размышляла о том, что происходит вокруг. Весь мир словно катился под откос, и с этим никто не мог ничего поделать: нападения, грабежи, коррупция, боязнь ходить в одиночку, насильники. Это была неутешительная мысль. Я подумала о Кире, маленькой девочке, поискам которой давно не было места в моей насыщенной

жизни, и решила, что найду на это время. По вечерам, поздно ночью. Другого выхода не было.

Рядом со мной плакала миссис Эмбер, и я обняла ее, возможно решив, что так ей станет легче.

– Спасибо, Мирен. Ты хорошая девочка, – выдавила она с трудом. Удар не казался таким уж опасным, хотя кровь все еще текла и ей нужно было наложить швы.

– Знай вы мои мысли, вы бы так не говорили, – в кои-то веки честно призналась я. Она молча серьезно посмотрела на меня, разглядывая фотографии на стенах. Затем вдруг заговорила:

– Знаешь, Мирен? Когда-то я была одинока, как ты, и... Я влюбилась, сама того не желая. Он был потрясающим мужчиной. Из тех, кто позволяет тебе быть собой, не пытаясь изменить, и любит каждый твой недостаток, наполняя твою жизнь фейерверком.

– Не тратьте силы, миссис Эмбер, – перебила ее я. – «Скорая» вот-вот приедет.

– Нет... Я хочу, чтобы ты это знала. Ты хороший человек, и я не хочу, чтобы жизнь преподносила тебе новые удары. Будь готова.

– Все в порядке, – вздохнула я. Некоторым время от времени нужно, чтобы кто-то их выслушал, даже если уроки, которые они собираются преподать, могут иметь непредсказуемые последствия.

– Как я уже говорила... мы были счастливы. Очень счастливы. Этот дом полон снимков таких моментов. Наш роман длился два долгих прекрасных года. Однажды вечером на выходе из чудесного ресторана на берегу реки в Бруклине, где на деревьях были развешаны лампочки, он встал на одно колено и спросил меня, хочу ли я выйти за него замуж.

– И что произошло?

– Я прокричала «да». Я была так счастлива рядом с ним. – Она сделала паузу, чтобы посмотреть на одну из фотографий. – Его звали Райан.

– Он умер?

– Десять минут спустя, – ответила она.

Я затаила дыхание. Боль, казалось, была повсюду, она спряталась в ожидании подходящего момента, чтобы посеять еще больше горя.

– Пока мы ждали такси, какой-то головорез, угрожая оружием, потребовал, чтобы мы отдали ему все, что у нас с собой было.

Бумажник, часы, обручальное кольцо. Я согласилась, но Райан был смелым. Смелым и глупым. Смелость опасна, если ты не можешь оценить последствия. Он умер у меня на руках от выстрела в шею.

– Я... Мне очень жаль, миссис Эмбер.

– Я поэтому пыталась кричать. Чтобы ты не рисковала жизнью ради каких-то украшений. Они того не стоят. Мир рушится оттого, что хорошие люди покидают его раньше срока.

Я кивнула, пытаюсь свыкнуться с этой мыслью, но пришла лишь к выводу, что жизнь – отстой, и хотя насилие – тоже отстой, порой это единственный выход.

Когда «Скорая» увезла миссис Эмбер, я зашла в свою квартиру и достала коробку с делом Киры. Я знала, что найду там то именно то, что мне нужно.

В голову закралась абсурдная мысль. Из одной папки выскользнула фотография и упала к моим ногам. В полумраке я не узнала ее, хотя сотни раз просматривала коробку и содержимое папок, и только когда наклонилась и схватилась кончиками пальцев за уголок, я понял, что это за снимок. Именно тогда, после случившегося с миссис Эмбер, я решила внимательно следить за парнем, который меня изнасиловал.

Глава 52

Тени движутся, опасаясь света.

14 июня 2002

4 года с момента нападения на Мирен

По ночам Мирен было труднее всего. По ночам тени обращались в проблемы, люди верили, что отсутствие света скроет их грязные делишки, а многочисленные укромные уголки, где можно было спрятаться, были уже заняты теми, кто пытался сделать то же самое. Но с пистолетом под курткой все становилось иначе. После его приобретения она выходила из дома по выходным – из-за работы в газете у нее не оставалось другого свободного времени, – чтобы проследить за одним человеком. Только за одним.

Это был не герой одной из ее статей, не влиятельный человек, не бизнесмен и не политик. На самом деле у человека, за которым она следила, вовсе не было работы. По крайней мере, такой, за которую он платил бы налоги. Он жил в одном из кондоминиумов Гарлема, построенных властями, чтобы обеспечить малоимущих недорогим жильем. В теории это была правильная идея, но на практике она привела к тому, что бедность и высокий уровень преступности сконцентрировались в радиусе двух-трех улиц. Здесь были и небогатые семьи, которые трудились от зари до зари, чтобы заплатить за квартиру и попытаться построить будущее для своих детей. Но среди этих достойных людей было также много преступников и наркоманов, которые видели в низкой арендной плате возможность оккупировать район, над которым висела угроза грабежей, краж и наркоторговли.

Мирен жила на окраине этого района, на 115-й Западной улице: чем больше был номер, тем выше – потенциальные проблемы. На ступеньках 116-й улицы околачивались банды, по 117-й медленно ездили машины с тонированными стеклами. Днем здесь было безопасно, и многие семьи приводили в многочисленные парки своих

детей, магазины любого вида были открыты до самого захода солнца – времени, когда расцветала опасность.

Мирен была одета в черную толстовку с капюшоном и темные джинсы. Если б не свет, отражающийся от ее белого лица, она казалась бы просто одной из многочисленных теней, которые с наступлением ночи кружили по сторонам. Она простояла целый час, глядя с тротуара на ряд освещенных окон здания на 115-й улице. Пара, мужчина и женщина, переходили друг за другом из комнаты в комнату, споря и энергично жестикулируя. Внезапно женщина подошла к окну и выглянула на улицу.

Мирен вскочила и спряталась за припаркованной на улице машиной. Через несколько секунд из подъезда вышел мужчина, а женщина, ожидавшая у окна, воскликнула «ты ублюдок» и бросила в него зажигалку, которая ударилась об асфальт. Мужчина что-то неразборчиво пробормотал в ответ и пошел прочь. Девушка последовала за ним, держась на расстоянии.

Он пересек две улицы, добравшись до 117-й, и Мирен остановилась, заметив, как он спустился по лестнице к пабу, возле которого околачивалась группа из четырех человек подозрительного вида. Она, как обычно, замерла в ожидании. Возможно, на этот раз все будет так же, и она несколько раз порывалась уйти домой. Два часа спустя – все это время Мирен не сводила взгляда с двери, то и дело впускавшей и выпускавшей молодых парней и девушек в ярких нарядах, мечтавших потанцевать до упаду, – он наконец вышел.

Хотя Мирен несколько раз была готова сдаться, она знала: такие люди нуждаются в особом наблюдении. По крайней мере, так она твердила себе, не задумываясь, что это вообще значит. Все так запуталось, что она сама не понимала, зачем ждет здесь. У нее вошло в привычку проводить так каждые выходные: она уходила из дома, чтобы по непонятной причине дежурить у дома этого типа и следовать за ним, куда бы он ни пошел. Осознание приходило только через несколько часов ожидания, когда голос в ее голове шептал: «Что ты делаешь, Мирен, почему бы тебе не пойти домой?» Но шли часы, а она по-прежнему оставалась на месте, пока этот тип не возвращался домой, и тогда она уходила с чувством выполненного долга.

Но в тот раз, к удивлению Мирен, мужчина вышел из паба, таща за собой молоденькую девушку, которая шаталась и едва могла

спуститься по ступенькам. Охранник спросил девушку, не нужна ли ей помощь, а мужчина ответил, что это его подруга и он о ней позаботится. Мирен стояла в тени и напряженно следила, словно львица, готовящая наброситься на газель посреди саванны в сумерках. Только теперь это газель собиралась съесть льва.

Мужчина поддерживал девушку, которая едва могла открыть глаза. На ней было короткое голубое платье, похожее на то, что было на Мирен в тот вечер.

Она шла за ними. Мирен знала, это неправильно, но не могла остановиться. Эта картина настолько поразила ее, что она долгое время держалась поодаль. Дважды у девушки подкашивались ноги, и мужчина молча поднимал ее, схватив за бедро, а она только смеялась и благодарила за заботу.

Они дошли до переулка и свернули. На несколько долгих секунд Мирен потеряла их из виду, но, заглянув за угол, сглотнула.

Девушка сидела на земле рядом с мусорным контейнером, закрыв глаза и запрокинув голову к кирпичной стене, исписанной граффити.

Мирен расслышала ее голос:

– Отведи меня домой, пожалуйста... Мне плохо.

Он молча смотрел на нее сверху вниз глазами демона, чья ловушка захлопнулась.

– Я... такая пьяная. Где... где мои подруги?

– Сейчас подойдут, – прошептал он, расстегнув ширинку и набросившись на нее.

– Что... что ты делаешь? Не надо!

– Шшш... ты сама этого хочешь, – выдохнул он, целуя ее шею.

– Нет... только не это... пожалуйста... не надо.

– Заткнись, – глухо бросил он.

Протянув руку, мужчина задрал ей платье, вырвав кусок ткани и оставляя в лунном свете новую незаживающую травму.

– Нет... пожалуйста... меня ждут подруги...

– Это будет быстро, – прошептал он, продолжая целовать ее и трогать в тех местах, куда не имел разрешения вторгаться, а она не могла ему помешать.

Внезапно в переулке раздался женский голос, которому придавало громкости эхо:

– Она сказала «нет».

Мужчина поднял голову и увидел фигуру в тени.

– Что ты тут забыла? Вали отсюда. Мы развлекаемся.

Чуть отодвинувшись от девушки, он недоуменно посмотрел на Мирен.

Мирен с суровым видом вытянулась в струнку, стараясь казаться больше, словно животное, которое пытается защититься при угрозе.

– Она сказала, чтобы ты оставил ее в покое, – повторила Мирен. Внутри от страха тряслись поджилки.

– Ты уйдешь или нет? Это не твое дело.

– Нет, мое, – заявила она.

В тот же миг Мирен вытащила пистолет и направила на него. Металл блестел в свете луны, которая была единственным свидетелем того, что происходило в этом грязном переулке.

– Она сказала тебе «нет», кретин.

– Эй, эй! Полегче! – воскликнул мужчина, вскакивая и поднимая руки. Его глаза расширились, но не от внимания, а от страха. Такое знакомое выражение: Мирен помнила, как бежала в ужасе по улице той ночью в разорванном платье. – Я ухожу. Мне не нужны неприятности, – сказал он, а затем, приглядевшись в темноте к лицу Мирен, добавил: – Постой-ка... Мы знакомы?

– Знакомы? – переспросила она. – Знакомы? Ты даже не помнишь меня?

Это выбило Мирен из колеи. Сама она ни на один день не забывала о том, что этот тип сотворил с ней, после того как он с друзьями избил Роберта – того самого труса, который избегал встречи лицом к лицу, чья ошибка на опознании и жалкие извинения не помогли ей выбраться из ямы. Лицо того, кто сейчас стоял перед ней, навсегда отпечаталось в памяти Мирен. Иногда, закрыв глаза, она представляла его дьявольскую ухмылку в ночи. Жизнь несправедлива, а несправедлива она потому, что все забывается. Но Мирен не забывала. Это было невозможно.

– Не знаю... не припомню. Опустит пистолет, ладно?

– Стой на месте. Не двигайся.

– Эй... успокойся, – мужчина вытянул руки в примирительном жесте.

Мирен достала из кармана толстовки телефон и набрала 911.

– Полиция? – сказала Мирен, не опуская пистолет.

Мужчина бросился на нее, сбивая с ног. Пистолет, выскользнув из руки, приземлился рядом с девушкой, которая прикрыла глаза, пытаясь справиться с головокружением.

Мирен застонала от боли при падении, а мужчина подмял ее под себя, обхватив ногами.

– Ладно... раз такое дело, повеселимся втроем.

Мирен безуспешно пыталась бороться и брыкаться. Мужчина навалился на нее всем весом, сжимая запястья. Каждая попытка сопротивления была отбита, удары ногами попадали только по бедрам и не достигали спины. Она чувствовала себя побежденной, как и в ту ночь. Из глаз вот-вот должны были потечь слезы, моля о помощи. Вдруг словно в мгновение ока она перенеслась в прошлое: мужчина задрал ее толстовку, обнажая бюстгальтер, и она снова уловила проблеск его улыбки, танцующей в темноте.

Мирен выдернула руку, схватила парня за волосы и притянула его ближе.

– Вот так-то... нам будет весело, – сказал он, думая, что она сдалась. – Мне нравятся боевые девушки, – прошептал он. Его лицо было так близко к лицу Мирен, что их дыхание смешивалось. Мирен прикоснулась нижней губой к верхней губе мужчины, и тут аллею озарила вспышка выстрела. Звук, отразившийся от стен, вызвал мяуканье кошек и лай нескольких собак. Девушка дрожащими руками держала горячий пистолет Мирен, и тело мужчины мгновенно рухнуло сверху, заливая ее теплой кровью, казавшейся во мраке черной.

Мирен, тяжело дыша, с трудом выбралась из-под тела, и обе женщины молча переглянулись, хватая ртом воздух и давая друг другу безмолвное обещание.

Затем Мирен помогла девушке подняться и убрала пистолет. Ни одна из них не проронила ни слова, пока они торопливо ковыляли прочь. На углу они остановились, и Мирен вытерла толстовкой кровь с лица. Затем они сели в такси, водитель которого возмутился, что ему нужно ехать так близко, и подъехали к дому Мирен, где она уложила девушку в собственную кровать. Она не смыкала глаз всю ночь, глядя на нее и размышляя, конец это или начало. Они не спросили имен друг друга, и когда на следующий день девушка выходила из квартиры в одежде, отданной ей Мирен, она сказала лишь «спасибо», а затем дверь закрылась, и они больше никогда не видели друг друга.

Глава 53

Главное достоинство упорного человека – умение превращать свои последние попытки в предпоследние.

15 января 2004 – середина 2005

6 лет с момента исчезновения Киры

Во время звонка агент Миллер договорился с Мирен Триггс о встрече на завтра. На следующий день после выхода статьи Мирен сообщила ему наиболее важную информацию, которую давали видеозаписи: модель кукольного домика – «Маленький дом и сад» от «Томи Корпорейшн», а обои – одна из самых популярных расцветок в общенациональной сети магазинов «Фурнитулс».

Агент Миллер со своей стороны запросил больше ресурсов для поиска Киры, но натолкнулся на непробиваемую стену, о чем Мирен до сих пор не знала.

Они договорились встретиться в Центральном парке, на мосту Боу-бридж. Мирен выбрала это место потому, что кажущееся спокойствие воды и осенние виды парка и виднеющегося над деревьями здания Сан-Ремо помогали ей думать. Мирен простояла там в ожидании минут пятнадцать, пока какая-то парочка по соседству с жаром целовалась на глазах десятка других людей, и, заметив Миллера на другом конце моста, с облегчением поспешила ему навстречу.

– Как у вас успехи, мисс Триггс?

– Именно поэтому я и звонила. У меня... серьезные проблемы с самостоятельным расследованием. Я знаю, вы тоже ее ищете, но следующий шаг требует длительной охоты, а я... не могу.

– Охоты?

– Видите ли, агент, мы выяснили, что эту конкретную модель кукольного домика можно приобрести почти в двух тысячах магазинов игрушек и универмагов Манхэттена, Бруклина, Квинса, Нью-Джерси и

Лонг-Айленда. У меня есть исчерпывающий список большинства магазинов игрушек. Я знаю, многие приезжают из других городов, чтобы увидеть парад в День благодарения, но я верю, похитители живут где-то в этой зоне.

– Почему вы так думаете?

– В тот день шел дождь. Когда идет дождь, логичнее всего приехать в центр на общественном транспорте. Чтобы приехать в центр из Нью-Джерси или с Лонг-Айленда на общественном транспорте, нужно чуть больше часа. Парад начинался в девять. Похищение произошло около двенадцати. По моей гипотезе, похититель приехал на парад очень рано, чтобы занять место рядом с Геральд-сквер. Эта зона находится в самом центре, и туда почти невозможно добраться, если не приехать рано. Если похититель очень хотел стоять поблизости от Геральд-сквер, он должен был приехать около восьми часов утра. Можно посмотреть расписание первых электричек в каждой зоне и составить довольно простую карту расстояний и путей, по которым похититель мог приехать к восьми часам утра на место, где пропала Кира, и таким образом определить зону, где он может жить.

– Понятно.

– Таким образом, зона, где может жить похититель, сужается до тех районов, что я перечислила: Нью-Джерси, Манхэттен, Бруклин и Лонг-Айленд.

– Вы пришли к этому заключению самостоятельно?

– Это гипотеза. Я могу ошибаться, но я много лет перечитывала дело и размышляла о девочке. Расследование журналиста заключается в том, чтобы подтвердить гипотезы, меня научил этому один мой хороший друг, и я верю: эта версия более вероятна, чем то, что какой-то иностранец решил украсть маленькую девочку посреди самого известного парада на планете.

Кивнув, агент Миллер вздохнул, прежде чем продолжить:

– И что требуется от меня?

– Вы могли бы организовать поиск по всем магазинам игрушек и магазинам моделей и макетов в тех районах, которые я упомянула. Возможно, где-то есть камеры наблюдения, записи о покупках по кредитным картам, или даже, может быть, мы сорвали джек-пот, если кто-то купил кукольный домик с доставкой на дом и адрес сохранился.

Агент обдумал слова Мирен.

– Вы понимаете, сколько времени это займет?

– Да, и именно поэтому я и обратилась к вам. Я больше не могу работать над этой темой в газете, а в одиночку мне это не под силу.

– Вы прекращаете расследование? – уточнил агент.

– Прекращаю? Нет. Просто... сама я не справлюсь. Это невозможно. Может быть, у вас больше ресурсов, чтобы продолжать. Это вы – хорошие парни, а я... Я сама по себе.

– Мне так не кажется. У меня связаны руки. Все хотят найти Киру Темплтон, но не только ее. Когда вы в прессе сосредотачиваетесь на одном деле, кажется, будто оно единственное, но я уверяю вас, их больше, их сотни, и вы представить себе не можете, насколько у меня огромный список пропавших людей, и он растет день ото дня.

«Вы тоже представить себе не можете, какой у меня список», – подумала Мирен, мысленно перебирая архивы, которые хранила на складе.

– Но я предоставила новую информацию, – сказала она вслух. – Не подводите эту семью, агент. Возможно, вы сможете что-то найти. Уверена. Эта кассета может указать нам верный путь.

– Я сделаю все возможное, чтобы найти эту девочку, мисс Триггс, – наконец согласился он.

– И я тоже, – добавила она. Затем, когда они подошли к развилке в парке, Мирен продолжила: – Я знаю, информация идет только в одну сторону, агент Миллер. Вы не обязаны делиться со мной своим прогрессом, но, думаю, вы не хуже меня знаете, что я не собираюсь прекращать поиски Киры.

– Вы хотите, чтобы я рассказал вам, что мы знаем, не так ли?

Мирен не ответила, потому что вопрос был риторическим. Хмыкнув, агент поднял голову, глядя на металлическую статую пумы, притаившейся среди деревьев Центрального парка, прекрасную аллегория того, кем стала эта журналистка.

– Честно говоря, сведений у нас мало. Ни одного достоверного фоторобота. Мы знаем, что это была белая женщина с вьющимися светлыми волосами, и на этом все. По словам экспертов, на пленке и на конверте нет никаких следов, кроме отпечатков семьи и мальчика, который подкинул конверт и не может точно вспомнить, как выглядела женщина, от которой он его получил. Мы зашли в тупик. Еще нам

известна модель видеоманитофона, на котором была сделана запись, – если верить узору на магнитной полосе кассеты, это «Саньо» 1985 года выпуска. Это техническая, но надежная информация. По-видимому, каждая модель головки переставляет магнитные частицы ленты определенным образом, так что на ленте остается узнаваемый след. Это похоже на отпечаток пальца: ты можешь не знать носителя, но у тебя есть доказательства, что он уникален. У нас есть записи с камер наблюдения в день исчезновения, но там нет ничего примечательного: масса людей и никаких следов Киры. Мы знаем, что ее подстригли, но не можем отследить всех людей, кто держал ребенка за руку. Это был День благодарения. На улице было полно таких семей. Как видите, у нас есть хаотичный набор сведений, но толку от них мало.

– Я понимаю, – серьезно ответила Мирен.

– Если вы обнаружите что-то еще, вы мне сообщите? Я постараюсь проработать магазины игрушек, но пока это выглядит сложной задачей.

– Даже не сомневайтесь. Мне не нужно признание, агент. Меня волнует только Кира и ее возвращение домой.

– Могу я спросить, почему это так важно для вас? Ведь есть много других подобных дел.

– А кто сказал, что других я не ищу? – ответила она на прощание.

Уже в офисе агент Миллер подал запрос на поиск и посещение магазинов игрушек в районах, очерченных Мирен Триггс. Если им удастся получить список клиентов, купивших «Маленький дом и сад», они смогут организовать целенаправленные поиски. Идея заключалась не в том, чтобы получить список покупателей и обыскать дома, чего наверняка потребуют родители, а в том, чтобы проверить тех, кто подходит под профиль потенциальных похитителей. К его удивлению, начальство в отделе ФБР по розыску пропавших без вести одобрило запрос.

Двенадцати агентам поручили посетить магазины игрушек и магазины моделей и макетов, но вскоре они столкнулись с серьезной проблемой: почти никто не вел учет клиентов, купивших кукольные домики, не говоря уже о тех, что были приобретены в период с 1998 по 2003 год. Некоторые магазин имели данные с 2003 года, другие – с 2002 года, у кого-то, правда, были записи и до 2001 года. Но информация была настолько скудной и неполной, что толку от нее

было мало. Из двух тысяч трехсот магазинов игрушек только шестьдесят один предоставил какую-то информацию, и в конечном итоге у них оказались данные всего двенадцати покупателей этой модели.

Все двенадцать оказались образцовыми семьями с детьми, где агентов угостили блинами с кленовым сиропом и кофе, а затем провели по всем комнатам, куда, конечно же, никогда не ступала нога Киры.

В 2005 году ФБР снова официально остановило расследование, и агенту Бенджамину Миллеру пришлось опять звонить родителям.

– У вас есть новости? Нашли что-нибудь? – трубку схватил Аарон Темплтон.

– Пока ничего, мистер Темплтон, но мы близки. Все наши силы брошены на это. Мы найдем вашу дочь. Поиски не прекратятся, обещаю, – солгал он.

Глава 54

Решение обычно лежит на поверхности, терпеливо ожидая, пока его не обнаружат под слоем пыли.

Мирен Триггс

2005–2010

Честно говоря, я не ожидала многого от агента Миллера. В каждой его фразе скользили усталость и подавленность, как будто каждое расследование отнимало у него часть души. Шло время, и ФБР, которое рьяно взялось за опрос более двух тысяч магазинов игрушек, столь же рьяно прекратило расследование и переключилось на поиски кого-то другого. Я не винила их. У них были свои приоритеты, но какая-то часть меня всегда приходила в комнату Киры и сидела рядом с ней, недолго наблюдая, как она играет в куклы. Мне нравилось представлять ее голос. Нравилось представлять ее улыбку и сияющий взгляд, хотя я и подозревала, что в действительности ее глаза потухли, будто далекий заброшенный маяк, в поисках которого корабли в конце концов застревают на скалах. Мы с агентом Миллером были такими кораблями, но отчаявшиеся родители плакали не из-за кораблекрушения, а из-за того, что на маяке больше не горит свет.

В 2007 году, через четыре года после первой кассеты, темный силуэт женщины с вьющимися светлыми волосами оставил у офиса Аарона Темплтона вторую запись, и я ожила. Весь мои дни поглощала редакция, все ночи – поиски пропавших, но на какое-то время внутри снова разгорелся огонь. Я стала следопытом. Разве не в этом заключалась суть журналистики? Искать. Искать и находить. Иногда то, что ты искал, само хотело быть найденным; порой тебе приходилось быть тем, кто хватался за ниточку правды и вытаскивал ее из глубины ямы, в которой она застряла, чтобы та снова увидела свет. После исчезновения Киры я начала собирать информацию по

активным расследованиям с признаками того, что произошло нечто странное: дело Джинны Пибблз, девочки-подростка, которая исчезла в 2002 году после ухода из школы в Квинсе и чей след терялся в двух километрах от парка, где был найден ее рюкзак; дело Аманды Маслоу, шестнадцатилетней девочки, которая была похищена в 1996 году в каком-то захолустье, или дело Аделин Спаркс, шестнадцатилетней девочки, которая исчезла из собственного дома в 2005 году, причем все двери и окна были заперты изнутри.

Вторая кассета, присланная в июне 2007 года, не дала никаких зацепок, но СМИ устроили из этого настоящий цирк. Я попыталась абстрагироваться от всего этого и снова погрузилась в дело, как и в предыдущие разы. Я просмотрела записи с камер наблюдения, чтобы найти женщину, но изображения были недостаточно четкими. Кира Темплтон появилась вновь, чтобы исчезнуть, пока тот, кто отправлял записи, не решит, что игра должна продолжаться.

Я позвонила агенту Миллеру, чтобы узнать, составили ли они профиль похитителя. Использование видеокассет указывало на психопатию, о которой я ничего не знала. Этот сукин сын явно ностальгировал по девяностым, и Миллер тут же переслал мне крошечный параграф, составленный отделом поведенческого анализа в Куантико, который гласил: «Мужчина, белый. Возраст от сорока до шестидесяти лет. Работает в сфере, связанной с механикой или ремонтом. Водит серый или зеленый автомобиль. Женат на женщине со слабым характером. Использование видеокассет отражает его неприятие нынешнего, современного мира».

И на этом все.

Ничего больше. ФБР охарактеризовало потенциального похитителя в нескольких строчках, которые подошли бы кому угодно. Даже мой отец попадал под это описание, если не считать твердого характера моей матери.

Время летело как ураган, сметая все, что происходило между появлением кассет, и когда в 2009 году, за несколько дней до президентских выборов, на которых победил Барак Обама, объявилась третья кассета, никто, кроме меня, не обратил на нее ни малейшего внимания. Я ненавидела шоу, которое устраивала пресса, эксплуатируя чужое горе, как ненавидела и то, что вокруг была одна политика. Куда

ни глянь, улыбающиеся лица Обамы и Джона Маккейна отовсюду сулили надежду, как будто мир не катился под откос.

Мне было жаль Киру с этой записи. На протяжении всего видео она писала что-то в блокноте, одетая в яркое и неудобное оранжевое платье. Подобно мне, она была сломанной куклой. Если присмотреться к видео, можно было вообразить, как слезы каплют на бумагу. Я тоже однажды чувствовала себя одиноко в плену вселенной и, возможно, все еще не освободилась, как бы ни старалась восстановить себя с помощью клея из ярости и отчаяния.

После просмотра этой кассеты я решила навестить Темплтонов. Не знаю почему, но мне нужно было поделиться с ними светом. В конце концов, я считала себя немного похожей на Киру, такую потерянную и беспомощную, и, хотя они видели свою дочь в таком состоянии, я знала: если она однажды вернется домой, жизнь продолжится. Я убедила Аарона встретиться за чашкой кофе, но из того разговора помню только его слезы и долгое объятие на прощание. Он почти не говорил. Он очень изменился с последней встречи. Мы оба.

За это время мне удалось улучшить свое положение в редакции. Я старалась выполнять все требования команды расследований, слава богу, теперь уже без Норы Фокс, и должна признать, мне нравилась гибкость мышления Боба, с которым у меня завязалась крепкая дружба на профессиональной почве.

На протяжении всего 2010 года мы работали над одной статьей, которая отнимала много ресурсов и терпения Фила Маркса. Около десятка рабочих на китайских заводах крупного производителя сотовых телефонов покончили с собой из-за стресса и условий труда, и об этом нигде не упоминалось публично. Когда в начале ноября статья на двенадцать страниц наконец увидела свет, Фил вызвал нас троих в свой кабинет, чтобы поздравить и дать нам несколько недель отдыха.

Но мне не нужен был отдых, мне нужно было найти ответ на вопрос, который преследовал меня годами: где Кира Темплтон? У кого она?

Я снова и снова просматривала оцифрованные видеозаписи Киры. Создала список воспроизведения записей в видеоплеере VLC, и они проигрывались в зацикленном режиме. Так я провела целый день,

наблюдая, как Кира растет, воображая ее жизнь, даже сомневаясь, нужно ли вообще ее спасать.

У меня возникла абсурдная идея – посмотреть кассеты в том формате, в котором они были записаны, и я решила купить видеоманитофон «Саньо» 1985 года. Я нашла два предложения на «Крейгслист» – оба магнитофона продавались на запчасти – и встретила с одним из разместивших объявление, чтобы купить и узнать, можно ли его починить. На углу, где мы договорились увидеться, меня встретил толстый мужчина, который распродал технику из своего старого видеомagasина.

– Сто долларов, – заявил он, поздоровавшись и представившись, но имя я не запомнила. – Как я писал в объявлении, он сломан, ремонт требуется элементарный. Просто замените прижимной ролик, и дело с концом.

– Вы не знаете, где я можно достать детали? – Я осматривала аппарат в поисках других повреждений.

– Ну, такое на каждом углу не купишь. На весь город есть всего два или три места, где чинят подобное старье. Нет смысла заморачиваться. Как говорится, будущее за стримингом. Другое дело, если остались старые кассеты. Тогда без вариантов.

– Всего две или три мастерских по ремонту? – в моем сознании проскочила искра.

– Ага, и это включая Нью-Джерси, где я живу. Старый «Ремонт видео» в центре закрылся пару месяцев тому назад, а ведь эти штуки раньше часто ломались. Внутри скапливается пыль, и пластмассовые детали не выдерживают. Но, с другой стороны, никто такими больше не пользуется. Этот бизнес обречен. Как и мой, как это ни печально. Даже DVD-диски не смогут остановить наступление цифрового мира.

– У вас есть список этих магазинов? – Мое сердце заколотилось, будто я напала на реальный след.

Глава 55

Сострадание расцветает там, где есть любовь и боль.

26 ноября 2003

За день до первой кассеты

Место неизвестно

Все утро накануне Дня благодарения в 2003 году Айрис проводила дома с Кирой.

– Мне идет, мама? – спросила Кира, повязав оранжевую скатерть на манер платья.

– Не хватает главного, дорогая, – сказала Айрис, завязывая на талии бант в тон.

Ей нравилось играть с дочерью в принцесс, и, хотя она редко покупала платья, чтобы не вызвать подозрений, Айрис придумала использовать для этого скатерти, которые она подвязывала на осиной талии девочки. Это давало им множество способов играть в переодевание и развивало детское воображение, которое создавало всякие предметы и приспособления из чего угодно, и почти всегда выходило удачно, за исключением того случая, когда Кира превратила туалетный ершик в скипетр.

– Мне кое-что нужно, сейчас вернусь, – заявила Кира и под удивленным взглядом Айрис вприпрыжку поскакала к себе в комнату. Через час, в течение которого Айрис дважды проверила восьмой канал, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, девочка вернулась с диадемой, сделанной из спагетти, приклеенных к куску картона.

– А теперь? Я красиво выгляжу?

Айрис улыбнулась.

– Просто чудесно, милая, – ответила мать ей вслед, и в тоне женщины чувствовалась теплая нотка гордости за то, что она хорошо ее воспитывает.

Им нравилось проводить так большую часть времени: играть, читать старые книги, к которым никто раньше не прикасался, или лежать на диване в гостиной и смотреть видеофильмы из коллекции Уилла.

Смерть Уилла осталась в прошлом. Когда он умер, Айрис пришлось пережить напряженное и трудное время. Иногда ей нужно было выходить, чтобы оформить документы для похорон мужа, и всякий раз она умоляла Киру никому не открывать дверь и не разрешала ей выходить, потому что та могла заболеть, как в тот раз.

Женщина старалась делать все как можно быстрее и по возможности распределяла задачи так, чтобы они приходились на разные дни. Таким образом, она оформляла одну бумагу за раз, всегда возвращалась вовремя и вздыхала со спокойной душой, убедившись, что с Кирой все хорошо. В течение этих недель Айрис очень волновалась, думая о том, как они вдвоем будут жить дальше. Кира не могла оставаться одна на целый день, пока Айрис ходит на работу. Женщина снова и снова проклинала Уилла. Она возненавидела его так сильно, что даже не пошла на его похороны и не сообщила новость его дальним родственникам. Для нее Уилл был трусом, который сдался, как только ситуация осложнилась.

Но вскоре она узнала, что за несчастный случай ей выплатят почти миллион долларов. Айрис и не знала, что Уилл застраховал свою жизнь во время работы в мастерской. Кроме того, городские власти выплатили ей дополнительную компенсацию за то, что железнодорожный переезд был плохо обозначен.

Когда Айрис проверила свой банковский счет и увидела общую сумму, она проплакала несколько часов. Смерть Уилла не стала катастрофой для нее и дочери, а принесла облегчение, и в памяти Айрис муж превратился в особенного человека, который изменил ее жизнь к лучшему. В конце концов, именно Уилл подарил ей Милу, а также дал ей возможность проводить с ней все свое время.

Смерть Уилла также укрепила в сознании Киры мысль, что внешняя среда опасна не только из-за таинственных невидимых волн,

которые вызывали у нее спазмы, но и потому, что там можно умереть, как это случилось с отцом.

В какой-то момент девочка настолько поверила в угрозу снаружи, что перед выходом на улицу умоляла маму быть очень осторожной. Постепенно Айрис набралась смелости и стала выходить за покупками на более долгое время, оставляя дочку дома, а когда возвращалась, то, к ее удивлению, девочка подбегала к ней и обнимала, поблагодарив за то, что мама вернулась целой и невредимой. Кира боялась выходить на улицу почти так же, как и сама Айрис, хоть и по разным причинам, и это еще больше сблизило их, ведь им приходилось бороться с общим врагом, пусть и вымышленным.

Однажды Айрис, вернувшись из магазина, случайно оставила открытой входную дверь, и, к ее изумлению, Кира тут же захлопнула ее и добавила:

– Мама, пожалуйста, осторожнее. Я не хочу заболеть.

Ее добровольное затворничество напоминало дрессировку дикого слона: сначала того привязывают к столбу без возможности двигаться, а затем бьют, если он пытается пошевелиться. Затем, когда удары прекращаются, слон перестает вырываться, чувствуя себя спокойно под защитой своего хозяина, который кажется ему спасителем. Кира больше не хотела покидать безопасное место, потому что это грозило ей припадком, совсем как слон не хотел провоцировать своего жестокого хозяина.

В тот день после игры в переодевание Кира пыталась уложить волосы матери, дергая расческой, а Айрис смеялась от боли. Потом они поменялись ролями, но Айрис причесывала дочку с заботливой нежностью. Волосы Киры были длинными и темными, и расческа скользила по ним так, словно она гладила шелковый платок сухой рукой. Кире это нравилось, и какое-то время она наслаждалась лаской, пока на экране показывали «Матильду».

Когда кино закончилось, Кира ушла в свою комнату, напевая рождественскую песенку из фильма «Один дома», а вернувшись в гостиную, обнаружила, что мама плачет, держа в руках пульт от телевизора.

– Мама? Что случилось? – испуганно спросила девочка.

– Ничего, дочка... просто... плохие воспоминания.

– Из-за папы?

– Да, детка, – солгала она. – Из-за папы.

– Все будет хорошо, правда же? – успокоила Киры, поглаживая лицо матери. – Мы вместе. У папы все хорошо, он на небесах. Совсем как в мультике «Все псы попадают в рай».

Айрис засмеялась. Кира часто упрощала проблему и отпускала такие вот шутки, и женщина не могла сопротивляться смеху, хотя понятия не имела, как такое приходит ребенку в голову.

– Ты сравниваешь папу с собакой? – с улыбкой спросила Айрис, стирая слезу.

– Нет! – со смехом ответила Кира. – Просто... мне не нравится, когда ты плачешь. Хочешь, я расскажу тебе сказку?

– Да, дорогая. Я бы с удовольствием послушала сказку. Дашь мне десять минут наедине? Мне нужно кое-что сделать здесь, в гостиной.

– Ты хочешь, чтобы я ушла к себе в комнату?

– Давай ты немного поиграешь с кукольным домиком, а я скоро приду? Как тебе?

– Все правда хорошо?

– Да, Мила. Правда, – заверила женщина ее еще раз.

Кира в недоумении вернулась в спальню и закрыла дверь. Она знала: с матерью что-то не так, и несколько минут размышляла, что могло случиться. Она была беспокойной девочкой, и ей хотелось, чтобы мама была счастлива.

Тем временем в гостиной Айрис снова включила телевизор, подключила антенну, принимавшую сигнал, и уронила пульт на пол, увидев изображение на экране. Двое родителей плакали, обнявшись, перед фотографией трехлетней девочки. Она прекрасно была ей знакома: это была Кира. Накануне шествия на Геральд-сквер собралось около двухсот человек, включая друзей и прохожих, которые еще помнили о случившемся. Грейс стояла у микрофона, ее глаза покраснели от слез, а лицо осунулось от горя. Рядом с пустым взглядом и потерянным лицом стоял Аарон Темплтон. Оба превратились в тени прежних себя. Айрис прибавила громкость и впервые услышала надломленный голос матери, у которой она забрала ребенка.

– Тебе вот-вот исполнится восемь, детка, – начала женщина, выступая перед группой людей. Фотография Киры, казалось, напоминала ей о счастливых временах. Это был не тот снимок,

который разместили в «Пресс» и в объявлениях на телевидении несколько лет назад. На этой фотографии Кира заливисто смеялась, обнажив ямочки и щель между зубами. Ее глаза блестели от плохо сдерживаемого счастья. – Я хотела бы видеть, как ты растешь, как ты падаешь, лечить твои разбитые коленки, петь тебе на ночь твою любимую колыбельную и обещать, что с тобой ничего никогда не случится. – Грейс Темплтон сделала паузу, потому что голосовые связки рушились, словно одна из Башен-близнецов. – Я хотела бы воспитать тебя хорошим человеком, дитя мое. Хотела бы целовать тебя в лоб гораздо чаще, чем я это делала, хотела бы, чтобы ты была сейчас передо мной и я знала, что с тобой все в порядке, моя дорогая. Я прошу того, кто похитил ее, о милосердии. Если же кто-то совершил нечто ужасное и моя маленькая девочка мертва, я прошу только об одном: скажите нам, где она, чтобы мы могли... – Она разрыдалась, и Аарон обнял ее. На экране замелькали кадры старого дома Темплтонов, окруженного рождественскими огнями, а ведущий новостей вспоминал за кадром, как в первые дни в доме раздавался шквал звонков, но никаких зацепок так и не нашли.

Айрис смотрела на эти кадры со слезами на глазах. Она никогда раньше не задумывалась о том, какую боль причинила. Хотя знала, что у девочки есть семья и они ее ищут, она не осознавала всей жестокости содеянного. Теперь, когда Айрис любила девочку всем сердцем, она понимала чувства Темплтонов. Ее нижняя губа дрожала, как у Грейс Темплтон, когда та обращалась к дочери. Айрис думала о ней, о том, что пережили родители и что делать дальше.

Женщина попыталась вытереть слезы, но из глаз будто хлынул поток вины. Айрис нажала на другую кнопку, пытаясь отвлечься от вида Грейс, и нечаянно переключила на восьмой канал, где Кира спокойно играла с кукольным домиком в оранжевом платье из скатерти.

Она засмеялась.

Это был нервный, отрывистый смешок сквозь слезы. Внезапно в ее голове зародилась абсурдная идея. Идея с ужасными последствиями.

Айрис порылась на полке с фильмами Уилла и нашла коробку с несколькими чистыми кассетами «ТДК». Она протерла их тряпкой, убедившись, что не оставила отпечатков или чего-то еще, что могло бы

привести к ней. Вставила кассету в видеомэгнитофон и невольно, неосознанно, с намерением не причинить никому боли, нажала кнопку записи, наблюдая, как Кира перемещается по комнате. Через минуту она остановила запись и, написав маркером на наклейке «Кира», снова протерла кассету, удаляя все следы. Айрис положила ее в мягкий конверт и с легким сердцем постучала в дверь Киры.

– Мама, что случилось? – спросила девочка. – У тебя все хорошо?

– Да, милая... Просто сегодня я должна передать посылку друзьям и... Боюсь, со мной может что-то случиться, – выдохнула Айрис, не желая вдаваться в детали.

– Мама, не уходи, – взволнованно ответила Кира. – Пусть они к нам приходят. Это опасно, и я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Я должна, милая. Они плохо себя чувствуют и... это им поможет. Ты справишься тут одна?

Кира обняла ее и прошептала на ухо:

– Да, мам. Я никому не открою и выключу свет, но обещай мне, что ты вернешься, – попросила она нежно.

– Я обещаю, милая.

Глава 56

Казалось ли нам прошлое таким же странным, каким сейчас видится настоящее?

Мирен Триггс

26 ноября 2010

За день до четвертой кассеты

На следующий день я с утра пораньше посетила первую мастерскую по ремонту видеомагнитофонов. Она находилась в Нью-Джерси и, по словам мужчины, который продал мне «Саньо», была лучшей в городе. Если владелец, некий мистер Тайлер, не мог устранить проблему или найти деталь, он выдавал вам один из сотен совершенно исправных аппаратов на время ремонта.

Это был длинное узкое помещение, с обеих сторон заставленное металлическими стеллажами со старыми магнитофонами вплоть до прилавка. На входе у меня возникло ощущение, будто я оказалась на кладбище старого оборудования, которое изменило жизнь целого поколения и от которого отказались, как только появилось что-то получше. Разве не в этом заключалась эволюция? Идти вперед, невзирая на то, что осталось позади.

Внезапно из-за одного из стеллажей вышел мужчина лет шестидесяти и с энтузиазмом поприветствовал меня. От него исходило такое утешительное тепло, что мне показалось, будто я попала в фильм девяностых.

– Чем могу помочь? – поинтересовался он.

– Здравствуйте... Меня зовут Мирен Триггс, я журналист «Манхэттен пресс».

– Журналист? У меня вымирающий бизнес. Не знаю, что здесь может заинтересовать прессу.

– Ну, если и дальше все будет так развиваться, возможно, прессе есть чему поучиться у такого бизнеса, как ваш, – ответила я, изобразив ослепительную улыбку. Мне нужна была его помощь. Последняя попытка, возможно такая же бесплодная, но я не могла просто так сдаться.

– Неплохо сказано, – улыбнулся мужчина. – А что вам нужно? Несчастный старик может чем-то помочь?

– Я понимаю, что мой вопрос – это выстрел вслепую, но... вдруг вам приходилось чинить видеоманитофон «Саньо» 1985 года выпуска за последние несколько лет?

– «Саньо» 1985 года?

– Я понимаю, это трудно. Я ищу владельца одного из них, и это мой последний шанс.

– Если не секрет, с какой целью?

К черту, подумала я. Искренность тоже открывает двери. По крайней мере, когда она служит для сближения хороших людей, а от владельца этой мастерской так и веяло добротой.

– Помните дело Киры Темплтон? Девочки, которая пропала без вести, а потом кто-то присылал видео с ней?

– Да, конечно. Такое не забывается. Меня очень поразили эти записи. Использовать их, чтобы причинить боль... Люди совсем потеряли совесть.

– Нам известно, что эти кассеты записали на магнитофоне «Саньо» 1985 года из-за характерного узора головки на магнитной ленте.

– Головка «Саньо»? – переспросил он растерянным тоном.

– Именно.

– А вы знаете, что точно такая же головка устанавливается на видеоманитофонах «Филипс»?

– Что вы имеете в виду? – удивилась я.

– Головки «Саньо» использовались не только на их собственных аппаратах. У «Филипс» в те времена не было собственного производства, вернее, было, но не полное, и «Саньо» поставляли им детали, включая головку. Не знаю, какое у них было соглашение, но это известно каждому любителю видеоманитофонов той эпохи, – рассмеялся он так, будто это было очевидно.

– То есть мне стоит расширить поиск и включить в него также аппараты «Филипс»?

Мужчина вежливо улыбнулся.

– Именно.

– Тогда подскажите, пожалуйста, чинили ли вы какие-нибудь «Саньо» или «Филипс» этой модели?

Он с улыбкой кивнул, и у меня перехватило дыхание. Закрыв глаза, я сделала глубокий вдох. Вдруг это нам как-то поможет. Вдруг у этого добродушного человека найдется ответ на все мои вопросы.

– Если мне не изменяет память, за последние три года я починил около десяти или двенадцати видеоманитофонов этих двух моделей. Направляющие ролики механизма заправки ленты постоянно ломаются. Из-за отсутствия контроля качества большинство из них и пяти лет не могли прослужить без ремонта.

– Пять лет... – прошептала я задумчиво. – Значит, если кто-то продолжает пользоваться такой моделью, то ее придется ремонтировать каждые несколько лет.

– Да, если это одна из первых партий. У них было больше всего дефектов, но с технологиями ведь всегда так.

– А у вас есть список клиентов, которым вы их чинили?

Он снова улыбнулся в ответ.

– Мне понадобится время, чтобы просмотреть все счета, но... конечно. Каждый, кто ремонтирует здесь свои реликвии, оставляет данные и залог. Дайте мне пару часов, и посмотрим, что получится, – ответил мужчина, и это была одна из самых обнадеживающих фраз, которые я слышала за последние годы.

Я нетерпеливо ждала у двери, наблюдая за кажущимся спокойствием улицы. За любым углом могли находиться Кира или любой другой пропавший без вести. Эта мысль заставила меня запаниковать. Два часа спустя мистер Тайлер подошел к двери с листком бумаги, вырванным из блокнота, где был список из одиннадцати имен с адресами. Рядом с каждым именем он также записал сумму ремонта и покупки других материалов, которые они сделали в магазине, рядом с датой – все данные мужчина взял из своих архаичных рукописных гроссбухов. Детали, запасные части, видеокассеты, ремонт. Он объяснил, что ведет подробный учет всех

платежей по картам, потому что не хочет проблем с банками. А кому они нужны?

– Спасибо. Хотела бы я, чтобы остальные люди были хоть немного похожи на вас.

– Так и есть, мисс. Нужно просто искать их в правильных местах, – ответил он и исчез внутри своей мастерской.

Почти все адреса относились к этой стороне реки, поэтому я решила обойти их до наступления ночи.

У меня не было никакого плана. Я не знала, как поступить, если обнаружу что-то подозрительное. Подумала было позвонить агенту Миллеру и предупредить о своей находке, но это значило бы потерять время.

Первый адрес принадлежал некоему Мэтью Пиксу, и дверь мне открыл мужчина лет шестидесяти. Когда я спросила его об отремонтированном видеомэгнитофоне, он тут же показал мне его, равно как и весь дом. Он пояснил, что обожает зернистое качество кассетной пленки и волшебство ожидания перемотки. Пикс также заявил, что видео с его свадьбы было записано в этом формате и, пока он жив, каждый вечер будет пересматривать запись, на которой он обменивается кольцами со своей женой, умершей десятью годами ранее.

Я вышла оттуда с горько-сладким чувством. До наступления ночи я посетила еще три адреса, и все с одинаковым результатом: владельцы видеомэгнитофонов любили именно этот формат и не хотели упустить возможность посмотреть фильмы, которые еще не были доступны на DVD или «Блурей».

Поздно вечером я остановила машину возле небольшого белого деревянного дома в Клифтоне, округ Пассаик, штат Нью-Джерси, где горел свет. Многого я не ожидала. День так хорошо начинался, но во второй его половине мое воодушевление поутихло. Я постучала в дверь, и мне открыла женщина со светлыми вьющимися волосами и беспокойством на лице.

– Здравствуйте, – я пыталась скрыть свою нервозность. – Здесь живет Уильям... Уильям Ноукс?

Глава 57

Невысказанные слова говорили сами за себя.

Мирен Триггс

27 ноября 2010

День получения последней кассеты Клифтон, Нью-Джерси

– Здравствуйте. Здесь живет Уильям... Уильям Ноукс? – спросила Мирен, глядя в папку для документов. Было десять часов вечера, и Мила, как обычно, уже была в постели. Мать все еще обращалась с ней как с ребенком, хотя ей уже исполнилось пятнадцать.

Айрис была ошеломлена. Уже много лет никто не спрашивал о нем. Городской телефон и банковские счета были переведены на ее имя, поэтому вопрос выбил ее из колеи.

– Он... жил, да. Это был мой муж. Он умер много лет назад.

– Да... поэтому я и здесь. Мы заметили некоторые несовпадения по вашей кредитной карте.

– Что случилось? Разве не поздновато для... для таких вещей? – удивилась Айрис с тревогой. Мила уже спала, и в гостиной было нечего прятать.

– Да. Я знаю, уже ночь на дворе, но раньше приехать не получилось. Видите ли, с кредитными картами вашего мужа возникли сложности. Очевидно, ими продолжали пользоваться после его смерти, и это... проблема, которую компания должна решить.

– В чем проблема? Я плачу по счетам вовремя каждый месяц.

– Да, да. На самом деле нет никакой проблемы. Я просто не так выразилась. Нам всего лишь нужно заполнить бланк и ответить на несколько вопросов, связанных с некоторыми платежами со счета вашего мужа, чтобы убедиться, что его карта не была украдена и что ей не пользуется кто-то посторонний.

– Посторонний?

– Это случается чаще, чем следовало бы. Мошенники делают дубликат карты, а когда владелец спохватится, денег на счету уже нет.

– Какой кошмар! Но я не... не заметила никаких несоответствий.

– Можно войти, пожалуйста? Я на минутку. На улице прохладно.

Айрис растерянно кивнула, не в силах отказать. В тот день дул сильный ледяной ветер. А эта женщина выглядела безобидно. Она улыбалась, и на ее лице было энергичное выражение, присущее продавцам страховых услуг.

Внутри Мирен быстро огляделась: стол, диван, кресло, телевизор, видеомэгаффон «Филипс». Обои были те самые, что продавали в «Фурнигулс», – темно-синие с оранжевыми цветами.

– Большое спасибо, миссис... Ноукс.

– Не за что. Вы работаете в банке? Я никогда вас там не видела, – заметила Айрен, присаживаясь и сделав знак Мирен присоединиться к ней.

– Я из компании, выпустившей вашу карту. Это много времени не займет, честное слово.

– Хорошо, – согласилась наконец Айрис.

Мирен еще раз окинула взглядом длинный коридор, закрытый зеленый шкаф с навесным замком, окно, тюлевые занавески. В конце коридора – две двери, обе закрыты.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Мирен, сев на диван. Она достала ручку и притворилась, будто записывает ответ.

– Ну... это сложный вопрос. Я веду хозяйство. После смерти Уилла нам досталась приличная сумма денег по страховке. При разумных расходах мы сможем прожить на полученные деньги.

В голове Мирен сработал сигнал тревоги. Это случайно оброненное «мы» звучало у нее в ушах.

– У вас есть дети? В досье нет информации.

По телу Айрис от затылка до кончиков пальцев пробежала дрожь.

– Нет... детей у нас нет. Но я всегда очень любила собак, и... они мне как дети, понимаете?

Мирен в ответ улыбнулась, хотя понимала, что здесь что-то нечисто. В комнате не было ни собачьей лежанки, ни характерного запаха. Совсем наоборот, внутри все казалось несколько затхлым.

– Понятно. Давайте перейдем к расходам. Мне нужно подтвердить несколько покупок.

– Конечно. Спрашивайте.

– Три года тому назад, 18 июня, с карты вашего мужа в «Хэнсон Рипэйр» были потрачены двенадцать долларов сорок центов. По всей видимости, было приобретено нескольких видеокассет. Это вы их купили?

– «Хэнсон Рипэйр»?

– Это магазин товаров для электроники в десяти минутах отсюда. Вы знаете мистера Тайлера?

– Мм... Не припомню... но если этот магазин у вас в списке, то, наверное, да.

Мирен вычеркнула одну из строк бумажного списка и перешла к следующему пункту:

– 12 января 2007 года произведена оплата в размере шестьдесят четыре доллара двадцать центов в... том же магазине, «Хэнсон Рипэйр». Все верно?

– 2007 год? Это было так давно. Я не помню. Я несколько раз там что-то ремонтировала, но не вспомню, был ли это 2007 год.

– Ну, вообще-то в данном случае нам просто нужно, чтобы вы подтвердили, что это вы провели платеж. Я разговаривала с магазином. Они подтвердили, что вы числитесь в списке клиентов. В частности, по поводу ремонта видеомагнитофона «Филипс».

– А, да! Возможно.

– Это вон тот, да? – спросила Мирен, указывая ручкой на проигрыватель, и снова улыбаясь.

– Ага, он.

– Настоящая реликвия. Сколько ему лет? Двадцать? Тридцать?

– Не могу сказать... Уилл купил его, когда мы переехали в этот дом. Одно время мы часто им пользовались. Теперь, с появлением DVD и TiVo, мы его почти не включаем.

Снова множественное число. Снова неловкое молчание. На этот раз Мирен удержала лицо.

– Превосходно. Думаю, это все, что мне нужно.

– Уже? Я могу по-прежнему пользоваться его счетом?

– Секундочку. Вам нужно аннулировать его, предъявив свидетельство о смерти, и перевести деньги на свой счет. Обычное

дело, процесс, правда, небыстрый, но так будет лучше. Таким образом это избавит вас от проблем, – ответила Мирен, вставая. Все сходилось. Сомнений нет. Она напряженно размышляла, как ей лучше поступить. Она шла к двери, перебирая в уме варианты, а Айрис следовала за ней. И тут ей вспомнился совет профессора Шмоера: «Журналист-расследователь работает, подтверждая гипотезы, Мирен. И в твоём случае не хватает только «да» или «нет» от Маргарет С. Фостер. А для этого достаточно просто задать вопрос и понаблюдать за ее реакцией».

– Это все, что вам нужно? – еще раз уточнила Айрис, улыбнувшись.

– Думаю, да. На этом все.

Айрис открыла дверь, Мирен вышла и развернулась к ней лицом. Она должна сделать этот прыжок, даже если впереди ее ждет стена. Сердце билось так, словно готово было взорваться на тысячу осколков.

– И последнее, – внезапно сказала она. Айрис удивленно, но доброжелательно посмотрела на нее.

– Разумеется, что угодно.

– Вы или ваш муж приобретали кукольный домик «Маленький дом и сад»?

Доброжелательность мгновенно сменилась ужасом. Кукольного домика не было в гостиной. Он стоял в комнате Милы, и эта женщина никак не могла об этом знать. Глаза Айрис расширились, словно ища что-то в темноте, она крепко ухватилась за дверной косяк, а ее губы раздвинулись ровно настолько, чтобы пропустить воздух, которого ей не хватало. Она не отвечала так долго, что ее молчание само по себе служило ответом, а смысл невысказанных слов говорил сам за себя.

– Я не... я не знаю, о чем вы говорите, – ответила наконец женщина, по-прежнему стоя в дверях. – А теперь, если позволите, у меня есть дела.

Айрис захлопнула дверь, и Мирен с ошарашенным видом подошла к своей машине, пытаясь сдержать бурлящий в жилах адреналин и понять, как быть дальше. Она села в машину, завела двигатель и отъехала в конец улицы, а Айрис наблюдала за ней через занавески. Когда Мирен наконец исчезла, она закричала так громко, что Мила проснулась от испуга.

– Что случилось, мама? – сонно спросила она, открыв дверь в конце коридора.

– Милая, – сказала она, а по ее лицу струились слезы. – Сложи свои вещи. Мы уезжаем через час.

– Мы уезжаем? Мы выйдем на улицу? Что ты такое говоришь, мама? Я же заболею.

– У нас нет выбора, солнышко, – всхлипывала Айрис. – Мы должны уехать. С тобой все будет в порядке.

– Почему? Нет!

– Милая, мы обязаны уехать. Правда. Другого варианта нет.

– Но куда мы едем, мама? – испуганно спросила Мила.

– Туда, где нас никогда не найдут, милая, – ответила Айрис из последних сил.

Глава 58

Первое путешествие никогда не бывает последним.

27 ноября 2010

День получения последней кассеты Клифтон, Нью-Джерси

Мила оделась в соответствии с указаниями матери: покрыла голову платком и надела солнцезащитные очки, несмотря на то что была ночь. Одежда скрывала тело почти целиком, оставляя лишь бледные руки, розовые скулы и полные губы, которых никогда не касался поцелуй. Из-за очков девушка почти ничего не видела в темноте и поэтому шла, прижавшись к матери, в любой момент ожидая наступления эпилептического припадка.

За всю жизнь с ней случилось около десятка таких приступов, каждый раз в самый неподходящий момент: после ссоры с матерью, после просмотра слишком захватывающего фильма по телевизору, после чистки зубов. После каждого припадка мать укрепляла в Миле мысль о том, что всему виной электромагнитная чувствительность из-за электричества, волн Wi-Fi и вышек сотовой связи, поэтому она выросла в страхе перед внешним миром, который, будто радиационное заражение, может ее убить. По этой причине у них дома не было кабельного телевидения, которым пользовалась только Айрис, выключая сигнал, когда Кира находилась поблизости, и девушка лишь изредка смотрела фильмы на видеокассетах, которые мать покупала ей в магазине подержанных товаров.

Пока Мила собиралась, Айрис думала о том, куда им ехать и что делать. Решать надо было быстро. Та женщина спрашивала о кукольном домике Милы, и это означало, что времени у них в обрез. Она собрала все, что могло поместиться, в чемодан, и с трудом потащила его к машине. Это был маленький белый «Форд Фиеста»,

выпущенный более десяти лет назад, который она приобрела, чтобы ездить за покупками после смерти Уилла.

Она помогла Миле сесть в машину, и та впервые за долгое время ощутила холодный воздух улицы. Чем дальше она отходила от дома, тем хуже себя чувствовала, и в результате самовнушения прямо перед машиной у нее отказали ноги.

– Подожди здесь, пока я возьму кое-какие вещи, – сказала Айрис.

Вернувшись в дом, она вставила в видеомагнитофон одну из последних чистых кассет «ТДК» из коробки. Как и в прошлые разы, она сделала минутную запись комнаты, на этот раз пустой. Она надеялась, что таким образом родители поймут, что больше не получат известий о своей дочери. Это было прощание, прощание без слов, но иначе и быть не могло. В глубине души она сочувствовала им. Айрис не могла представить себе жизнь без Милы и часто с сожалением думала о том, как сильно они страдают. Собственно, так и появилась первая запись.

Всю ночь она нерешительно ездил по городу, куда глаза глядят. Мила всю дорогу наблюдала за происходящим снаружи, внимательно всматриваясь в незнакомый ей мир.

Время от времени она спрашивала, что они проезжают: заправка, открытая пекарня, где пекли брецели на утро, кучка бездомных, разбивших палатку рядом с мусорными баками. У Айрис не было определенного маршрута, и, когда часы пробили пять утра, она поняла, что остановила машину в Дайкер-Хайтс, перед старым домом Темплтонов.

Кто-то из соседей уже начал украшать фасады домов гирляндами, которые в этот час еще не горели, но в некоторых садах можно было увидеть оленей, Санта-Клаусов и почти двухметровых игрушечных солдатиков.

Айрис было тревожно, как и в предыдущие разы, когда она оставляла кассету, но в этот раз все было по-другому. Рядом с ней с недоуменным видом сидела Мила, ее бледное лицо частично скрывали очки, а волосы были обмотаны шарфом.

– Мила, солнышко, не могла бы ты опустить эту посылку в почтовый ящик вон там, пожалуйста? – сказала женщина, несколько раз вздохнув, прежде чем набраться смелости.

Айрис потянулась на заднее сиденье и взяла мягкий коричневый конверт. Внутри лежала кассета, которую она записала, пока Мила ждала в машине, в страхе не решаясь выйти на улицу посреди ночи.

Айрис тогда включила телевизор, настроила восьмой канал и ждала, пока на экране загорится изображение пустой комнаты со стенами, оклеенными оранжевыми цветами. Она думала о родителях, Аароне и Грейс Темплтон, которые время от времени появлялись в новостях, плача и умоляя того, у кого находится их дочь, отпустить ее.

От их страданий у Айрис болело сердце. Каждый раз, когда она вспоминала об их существовании, то боялась, что не выдержит и отпустит Милу, чтобы та могла жить предназначенной ей жизнью со своей настоящей семьей, а не существовать, замкнувшись в четырех стенах, в уверенности, что на улице с ней случится что-то плохое.

Но Айрис не могла сдаться. Она так сильно любила Милу, что не могла ее потерять. Она стала смыслом ее существования, единственным, что заставляло ее чувствовать себя живой, ведь ребенок, пусть даже украденный, меняет тебя навсегда. Улыбка после нескольких часов непрерывного плача по родителям была радостью, смех во время игр ощущался как первый поцелуй, а фраза «я люблю тебя, мамочка» делала все остальное неважным. Ребенок делает вас зависимым от любви, и Айрис привыкла к Миле и не могла даже представить себе, что они расстанутся навсегда. Она провела с ней так много времени, их связь с маленькой девочкой – теперь уже подростком – была такой глубокой, что в ее сознании они уже практически слились.

Когда накануне вечером Мирен появилась у ее двери, Айрис не знала, как реагировать, и все, о чем она думала в течение следующих нескольких часов, – необходимость исчезнуть.

– Почему мы здесь, мама? Что в этом конверте?

Айрис испустила один из самых тяжелых вздохов в своей жизни и попыталась выровнять пульс, крепче ухватившись за руль.

– Я объясню тебе позже, хорошо, дорогая? Нам предстоит долгая поездка и... Это прощание с друзьями.

– Конечно, мама, – согласилась Мила, ничего толком не понимая.

Девушка вышла из машины с платком на голове, но без солнцезащитных очков, неся в руках конверт с цифрой «четыре». Она подошла к почтовому ящику дома, где не горел свет, и ее охватило

странное чувство. Было еще раннее утро, и за окном с одной стороны фасада виднелась зажженная елка. Место показалось Миле знакомым, как будто она была здесь когда-то очень давно. Приблизившись к дому, она начала растерянно дергать за почтовый ящик, не зная, как его открыть, и тут рядом с ней выросла чья-то тень и женский голос прошептал:

– Давай я помогу, Кира, – сказала Мирен самым спокойным тоном, на который была способна.

Испугавшись, Мила выронила кассету. Айрис, увидевшая из машины, как к ее дочери подошла та самая женщина, почувствовала себя так, словно у нее в мгновение ока отняли самое драгоценное.

Выскочив из машины, Айрис бросилась к Миле.

– Кира? – недоуменно переспросила девочка. – Мне кажется... вы ошиблись.

Мирен наклонилась и подняла конверт так непринужденно, что Мила не почувствовала угрозы, хотя к ним спешила ее мать.

– Кто вы? – спросила она.

– Давний друг твоих родителей.

– Вы знаете моих родителей?

– Да. Пожалуй, я знаю их гораздо лучше, чем ты, – ответила Мирен. Мила нахмурилась, пытаясь понять смысл этих слов.

– Мы знакомы? – спросила она, и тут Айрис крепко схватила ее за руку.

– Пойдем. Нам пора, дорогая. Садись в машину.

– Что случилось, мама? – недоуменно спросила Мила. Она не понимала ее поведения.

– Мы уезжаем! Давай, садись.

– Ты знаешь эту женщину? – спросила Мила. – Она говорит, она твоя подруга.

– Это неправда! Давай уже, залезай в машину! – в отчаянии закричала Айрис.

Мирен положила конверт в почтовый ящик и закрыла его. Айрис тем временем тащила Милу к машине.

– Как вы можете с этим жить? – спросила она, когда Айрис усадила девочку и направилась к водительской двери. – Как вы могли отнять у ребенка всю его жизнь?

– Вы ничего не знаете! – крикнула в ответ Айрис, открывая дверь и пытаясь забраться внутрь.

– А вы никуда не едете, – ответила Мирен, заряжая пистолет и направляя его ей в голову.

Айрис на несколько мгновений затаила дыхание, печально глядя на нее, и наконец взмолилась:

– Пожалуйста... не надо. Мила... она не заслуживает этого. Она хороший ребенок. Она не заслуживает потерять свою мать.

– Я знаю. Но она не заслужила этого и тогда, – сказала Мирен.

Айрис беспомощно вздохнула. Края ее век очертила красноватая линия.

– Садитесь в машину и заводите, – как никогда серьезно произнесла Мирен. Открыв заднюю дверь, она села позади испуганной Милы. – Кира должна вернуться к своим настоящим родителям.

Глава 59

Хорошие друзья всегда рядом, даже если в это не верится.

27 ноября 2010

День получения последней кассеты Центр Нью-Йорка

В то утро Джим Шмоер вел занятия в группе, где, как ему казалось, были одни сплошные Мирен Триггс: они смотрели на него, задавали неудобные, неожиданные вопросы, бросали вызов его критическому мышлению. Он был счастлив. Прошли те годы, когда он приходил на занятия с энтузиазмом, но затем разочаровывался, потому что у редкого студента обнаруживалась душа журналиста. Этот курс был другим. Каждый раз, когда мужчина задавал вопрос, оказывалось, что студенты уже обсудили его в социальных сетях, поучаствовали в философских дебатах на «Фейсбуке»^[8], в «Твиттере», на «Реддите» или в «Инстаграме», формируя свое собственное мнение, настолько разнородное, что каждое занятие превращалось в поле интеллектуальной битвы. Интернет с его скоростью открыл двери для разного рода информации и дискуссий, и Шмоер чувствовал, что это, вне всяких сомнений, была его лучшая группа. Конечно, не вся информация в социальных сетях была достоверной, но эти конкретные студенты, казалось, никогда и ничего не принимали на веру без подтверждения из официальных источников. Он был так увлечен, так воодушевлен этим поколением, их небывалой силой и целеустремленностью, что провел весь день в поисках того, как можно адаптировать учебный процесс под современные реалии, чтобы удовлетворить голод стаи начинающих журналистов, чьи когти были острее, чем у него самого. В то утро Шмоер шесть часов подряд провел на занятиях, а когда в три часа дня добрался до своего кабинета в Колумбийском университете, его ждали несколько пропущенных звонков с незнакомого номера.

Мужчина поколебался, перезвонить или нет, но он был журналистом и не мог оставить вопрос без ответа, любопытство было у него в крови.

Шмоер набрал номер, и через три гудка женский голос ответил на звонок:

– Больница Нижнего Манхэттена, слушаю вас.

– Добрый день. У меня несколько пропущенных с этого номера. Что-то случилось?

– Ваше имя?

– Шмоер, Джим Шмоер.

– Минутку... Сейчас проверю... Нет, это какая-то ошибка. Мы не звонили никому Джиму Шмоеру, – сказала женщина ровным тоном.

– Ошибка? Это какая-то бессмыслица. У меня четыре пропущенных звонка. Вы уверены, что не звонили мне специально?

– Четыре? Ладно. Подождите... – Голос, судя по всему, обратился к кому-то еще: – Ты звонила некоему Джиму Шмоеру, Карен? – До профессора донеслось серьезное «да», и он тут же заволновался.

– Что случилось? – испуганно спросил он.

– Секундочку, – ответил тот же голос, а затем его сменил более нежный и теплый: – Вы Джим Шмоер? Профессор Джим Шмоер?

– Да. В чем дело?

– Вы контактное лицо для экстренной связи... так, сейчас... вспомнить бы имя...

– Экстренной связи? О чем вы? О ком речь? Что случилось?

Профессора бросило в жар. Его родители жили в Нью-Джерси, и он подумал: возможно, с ними что-то случилось.

– Мои родители в порядке? Что случилось?

– Ваши родители? Нет, нет. Это молодая девушка. Ее зовут... Мирен Триггс, вы ее знаете?

Глава 60

Что, если вся эта темнота была просто повязкой на глазах?

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры Дайкер-Хайтс, Бруклин

– Мама, что происходит? – спросила Мила с пассажирского сиденья, испуганная и на грани истерики.

Она не была готова к миру. Ей было страшно, а вся ситуация была настолько новой и обескураживающей, что Кира отгораживалась от нее.

Айрис нажала на педаль газа, и машина двинулась на север, когда первые лучи солнца начали освещать небоскребы города, словно гигантские золотые столбы выделяющиеся на другом берегу реки.

– Здесь поверните направо, к Проспект-парку, – приказала Мирен, а по лицу Айрис катились слезы грусти. Рядом с этим парком жила Грейс Темплтон. Айрис не отрываясь смотрела на дорогу и время от времени смахивала слезы, понимая, что скоро все закончится. Их то и дело обгоняли другие машины: люди готовились начать новый день, не обращая внимания на кошмар, который вот-вот должен был закончиться.

– Кто вы? – спросила женщина. – Зачем вы это делаете? Почему вы хотите забрать у меня моего ребенка?

– Мама! Что происходит? – закричала Кира на всю машину.

– Вашего ребенка? Кира... эта женщина не твоя мать, – сказала Мирен, повышая голос.

– Что вы такое говорите? Мама, о чем она?

Внезапно Айрис резко нажала на газ. Она проигнорировала указания Мирен. Она не свернула к парку. Внутри все было готово взорваться. Разогнавшись, она выскочила на магистраль Белт-Паркуэй,

в последний момент увернувшись от грузовика, который чуть не подрезал маленький «Форд».

– Что вы творите? – закричала Мирен. – Мы едем в дом ее настоящих родителей!

Магистраль пересекала Бруклин, поднимаясь над землей. Вдоль нее выстроились офисные здания и склады, оттеняя внушительные небоскребы Манхэттена, вырисовывающиеся вдали.

– Настоящих родителей? – недоуменно прошептала Кира.

– Не слушай ее, Мила. Она врет!

– Мне ей рассказать или вы сами? – угрожающим тоном спросила Мирен.

– Мама... что она имеет в виду?

В этот момент Айрис едва могла дышать. Давление внутри нарастало. Женщина не могла больше терпеть. Когда-нибудь правда должна была взорваться ей в лицо, но она всегда жила с иллюзией, что этого никогда не произойдет. Она всегда думала, скрывая прошлое, что заботится о своей дочери, своей малышке, своей принцессе, своей главной драгоценности, и эта вера защищала ее от болезненной и удушающей правды: она была ужасным человеком, она похитила ее и разлучила с настоящими родителями, которые могли бы дать ей гораздо лучшую жизнь. Айрис растила Милу в страхе перед внешним миром с единственным эгоистичным намерением: чтобы никто и никогда не отнял у нее девочку. Она больше не боялась последствий. Не боялась ни тюрьмы, ни пожизненного заключения, ни даже смертной казни; ее страшила лишь разлука с девочкой. И этот страх определял все ее существование. Домашнее обучение, отрыв от внешнего мира. По сути, Мила знала только двух людей: двух фальшивых родителей, для которых иметь ребенка было важнее, чем хорошо его воспитать, и которые при помощи обмана и страха превратили маленькую хихикающую девочку в подростка, изолированного от внешнего мира. Самая большая ошибка, которую могут совершить родители, – подрезать ребенку крылья, чтобы он не мог летать.

– Или вы скажете, или я, – с нажимом повторила Мирен.

Наконец Айрис выдохнула между всхлипами:

– Мне жаль... Мила. Мне очень жаль...

– О чем ты, мама?

– Ты не... ты не моя дочь, – призналась она разбитым голосом. – У тебя нет... никакой болезни. Ты... ты можешь выходить на улицу. Всегда могла...

– Мама, о чем ты? Почему ты так говоришь? Я больна, – недоумевала Кира.

– Я не твоя мама, Мила... – продолжала она. – Мы с Уиллом... забрали тебя домой в 1998 году. Ты была одна, плакала на улице во время парада на День благодарения, я взяла тебя за руку, и ты позволила мне. Ты улыбнулась мне, милая, и я просто... я почувствовала себя твоей мамой. И тогда, не знаю почему, ты согласилась пойти с нами домой. Пока мы шли, я думала, что в какой-то момент мы остановимся, развернемся и отведем тебя к родителям, но твои маленькие ручки... твои маленькие шажки, твоя улыбка... Ты всегда была такой радостной девочкой... Была, пока не появились мы. Мне жаль, Мила.

– Мама? – На середине исповеди Кира расплакалась, будто ребенок, только что потерявший родителей во время парада в 1998 году.

Айрис потребовалось несколько секунд, чтобы чуть успокоиться и продолжить:

– Однажды... когда Уилла не стало... я увидела твоих родителей по телевизору. Они плакали во время шествия в память о твоём исчезновении, которое организовали на Геральд-сквер накануне Дня благодарения. В тот день я увидела твоих настоящих родителей, которые плакали по тебе, дорогая.

Мирен не вмешивалась. Кира слушала Айрис с покрасневшими глазами, задыхаясь от рыданий.

– Мама, скажи, что это неправда. Пожалуйста... скажи, что это неправда.

– Мне было так больно... Я чувствовала себя такой несчастной... Я хотела дать им знать, что с тобой все в порядке, чтобы они не волновались и знали, что о тебе кто-то заботится и у тебя все хорошо.

– За двенадцать лет вы отправили им три видеокассеты, – перебила Мирен. – Почему?

– Да... Я использовала камеру, которую установил Уилл. Я записала тебя на видео и оставила кассету у них дома. Я думала, это положит конец боли... но время от времени... я видела их снова, и мне

нужно было еще раз сообщить им, что с тобой все в порядке, что они должны оставить тебя мне, что я выращу тебя и дам тебе хорошее образование, как ты того заслуживаешь. Что им не о чем беспокоиться. Я просто хотела, чтобы они знали, что... что с тобой не случилось ничего плохого.

– Мама... – Кира бросилась и обняла ее, плача навзрыд. Ее сердце было полно противоречий, словно в нем шла внутренняя борьба между любовью и печалью.

– Тебя зовут Кира Темплтон, а не Мила, – задыхаясь, пробормотала Айрис. – Мне... мне жаль, дорогая. Я... я просто хотела как лучше для тебя.

После нескольких минут плача Кира спросила, стирая слезы с лица Айрис:

– А что будет дальше? Я... я люблю тебя, мама. Ничего ведь не изменится? Я хочу быть с тобой, пожалуйста.

Автомобиль спустился по эстакаде и нырнул в глубину тоннеля Хью Л. Кэри, соединяющего Бруклин с Манхэттеном, и солнечные лучи сменились светом флуоресцентных ламп, периодически освещающая салон автомобиля.

– Я знаю, дорогая... но мы не можем больше быть вместе, понимаешь? Я не могу... Я не могу смотреть на себя в зеркало, зная, что натворила. Так не может больше продолжаться, Мила.

– Но я хочу быть с тобой, мама. Я прощаю тебя, честное слово. Мне все равно, что ты сделала. Я знаю, как ты заботилась обо мне. Я знаю, как сильно ты меня любишь, мама.

– Вы должны сдать, мэм, – перебила Мирен, волнуясь. – Если вы это сделаете, возможно, вам сделают послабление в тюрьме и вы сможете видеться друг с другом. – Мирен пыталась оценить, как разрядить обстановку. Айрис дрожала, вцепившись в руль, а Кира вела себя непредсказуемо. Раньше она думала, что найти ее значит спасти, но как она могла это сделать, если та выросла в неволе? – Родители должны знать, где находится их дочь. Это несправедливо по отношению к ним и Кире. Сделайте это ради нее. Сдайтесь. На выезде из тоннеля есть отделение ФБР. Сдайтесь, и все закончится хорошо. Вы слышите меня?

– Вы не из полиции? – выдохнула Айрис, продолжая рыдать.

– Я журналист, и я просто хочу, чтобы Кира и ее родители узнали правду.

– Я тоже хочу лучшего для своей дочери, – прошептала она. Затем вздохнула, пытаясь заглушить нахлынувшие чувства. Кира прижалась к ней и снова обняла ее, понимая, что, когда они доберутся до ФБР, она уже никогда не сможет этого сделать.

Айрис заплакала в руках дочери, и та рыдала вместе с ней. Женщина вспоминала, как они играли вместе, как смеялись, неуклюже танцуя под старые песни из фильмов, которые она включала для нее. Вспомнила, как придумала для нее сказку, где она была ведьмой, а ее дочь – принцессой. В ее памяти всплывали крики Милы, когда они ссорились, и ее искренние объятия после того, как она просила прощения. Вспомнила, как нервничала, когда выходила за покупками и оставляла ее одну дома, и какое облегчение накатывало на нее, когда по возвращении выяснилось, что Мила по-прежнему дома, по-прежнему ждет ее с улыбкой на лице. Со временем они стали соратницами по плену, участницами некой игры, где обе боролись против внешнего зла. Вспомнила, как Мила обнимала ее, когда она возвращалась домой, и шептала ей, что все хорошо. Они столько пережили вместе, что представить жизнь без Милы для нее было хуже смерти. Теперь Айрис понимала Уилла и его смерть. Он сделал это, не в силах ощущать пустоту без любви маленькой девочки.

– Все было бы так просто... – прошептала Айрис Миле.

Свет в конце тоннеля осветил лицо Айрис, и, едва машина вырвалась из темноты, Мирен поняла, что они ускорились. Она переоценила свою способность вразумить Айрис. Она не хотела больше стрелять, не хотела трагического конца для этой женщины. Но настоящие герои, из плоти и крови, тоже совершают ошибки, и Мирен ошибалась, думая, что держит ситуацию под контролем. Невозможно контролировать такую женщину, невозможно добровольно разделить мать и дочь, даже если они не были ни матерью, ни дочерью.

– Тормозите! – закричала Мирен, направляя пистолет в голову Айрис.

– Здесь все закончится, – прошептала Айрис Кире.

– Мама! – взмолилась Кира, отстраняясь от матери. Она вцепилась в приборную панель, когда машина резко повернула влево.

– Нет! – крикнула Мирен в последней попытке остановить трагедию.

Раздался выстрел. Пуля задела голову Айрис и пробила лобовое стекло. На выезде из тоннеля на четырехполосное шоссе машина внезапно выехала на встречную полосу на скорости более девяноста километров в час. Им повезло всего на десять сантиметров разминуться с едущим навстречу мотоциклом, но несчастье, которое всегда поджидает в ключевые моменты, чтобы все изменить, привело к тому, что «Форд» столкнулся лоб в лоб с массивным фургоном, загруженным под завязку, будто это была стена.

Глава 61

То, что казалось концом, на самом деле новое начало.

27 ноября 2010

12 лет с момента исчезновения Киры

Госпиталь Нижнего Манхэттена

Профессор Шмоер спешил по больничному коридору с несвойственной ему скоростью, но сердце в груди бешено колотилось, и идти спокойным шагом он не мог. Он не видел Мирен Триггс вот уже несколько лет, хотя не переставал читать ее статьи в «Пресс». Каждый раз при этом на его лице появлялась легкая горделивая улыбка и какое-то время он даже думал, не написать ли ей, но всегда находил прекрасное оправдание, чтобы этого не делать.

Он по-своему любил ее, на расстоянии воспоминания о той ночи, и ему казалось, что, возможно, она тоже чувствует эту странную и невероятную связь между ними. Наконец мужчина прошел через несколько двойных дверей, которые хлопали позади, и очутился в новом коридоре, который казался длиннее предыдущего. Палаты были обозначены табличками, и когда он наконец добрался до комнаты 3Е, о которой ему говорила администратор, то сначала заглянул в окно над дверью.

Шмоер подошел к постели и сразу же узнал ее, несмотря на то что она спала и была покрыта ссадинами и ушибами. Несколько мониторов отслеживали ее жизненные показатели, и, хотя девушка изменилась с тех пор, как он в последний раз видел ее, эти закрытые веки и каштановые волосы принадлежали все той же энергичной и неутомимой Мирен.

Профессор провел в палате несколько часов. Время от времени медсестра заходила проверить, все ли в порядке, и уходила, а ближе к ночи Мирен со слабой улыбкой открыла глаза.

– Ты очнулась, – тепло прошептал он.

– А ты пришел, профессор.

– Если ты хотела снова меня увидеть, можно было обойтись и без таких фокусов. Ты больше не моя студентка и не должна так меня называть. Мы можем... сходить на нормальное свидание.

Мирен улыбнулась, прищурив глаза.

– Говорят, тебе очень повезло, – профессор пытался подбодрить ее. – Ты настоящий боец. Я слышал, в аварии погиб один человек.

– Я нашла ее... – сказала она серьезным тоном.

– Кого ты нашла, Мирен?

– Киру.

– Киру? Киру Темплтон?

Мирен с трудом кивнула.

– Но... где она? У кого она? Эта авария как-то с этим связана?

Прикрыв глаза, Мирен вздохнула, затем взяла себя в руки и сказала:

– Окажи мне последнюю услугу, Джим.

– Конечно... я слушаю, Мирен, – прошептал он, придвинувшись ближе, чтобы лучше ее слышать.

– Можешь попросить Темплтонов приехать? Это очень важно. Они должны знать, что случилось.

* * *

Вскоре после того, как агент Миллер дошел до Геральд-сквер и увидел, как город озарили рождественские огни, его телефон зазвонил. Он бродил по городу, не зная, что делать дальше, и наконец пришел к тому месту, где началась история Киры Темплтон. Девочка пропала в этом районе, и при мысли, что он никогда ее найдет, его охватила дрожь. А если и найдет, то, возможно, она даже не вспомнит своих родителей. В конце концов, Кире было всего три года, когда она исчезла, а на раннем этапе жизни память работает очень избирательно. Агент задумался о собственном детстве и понял, что в его голове

остались только обрывки воспоминаний о том, как он катает игрушечную машинку в возрасте то ли пяти, то ли семи лет, но проверить это было уже невозможно.

Мужчина принял звонок, не глядя на экран, и услышал незнакомый мужской голос:

– Агент Миллер? Вы агент Миллер?

– Да. Кто это?

– Меня зовут Джим Шмоер, я преподаватель Колумбийского университета.

– Университета?

– Дело вот в чем. Я позвонил в ваш офис, и один из ваших коллег дал мне ваш личный номер. Он сказал, что вы больше не работаете.

– Да... Они не должны были...

– Выслушайте меня. Я звоню по поводу Мирен Триггс. Она попросила меня предупредить вас и Темплтонов. Телефон Мирен разбит, она попала в аварию, и у меня нет другого способа связаться с ними.

– Мирен Триггс? Где она? Мне необходимо ее увидеть. Ее отпечатки пальцев... они на... – Он не решился сказать, что на конверте нашли отпечатки пальцев Мирен и Киры.

– Мирен в порядке. Несколько сломанных костей и легкое сотрясение мозга.

– В какой она больнице? – взволнованно уточнил Миллер.

– Нижнего Манхэттена. Свяжитесь с Темплтонами. Это очень важно... – Он сделал паузу, чтобы убедиться, что агент внимательно слушает. – Она нашла Киру.

* * *

Темплтоны встретили агента Миллера у входа в больничный комплекс, двери которого разъехались, будто два острых лезвия, предваряя один из самых знаменательных моментов в их жизни. Аарон и Грейс выглядели удрученными, но передвигались неожиданно резво. На их лицах застыла печать многолетней боли, но в глазах, на которые вот-вот были готовы навернуться слезы, виднелся проблеск надежды.

Агент крепко обнял обоих.

– Бен... ты что-нибудь знаешь?

– Еще нет. Я только что приехал. Очевидно, Мирен Триггс хочет что-то рассказать. И она хочет, чтобы были мы все. Я никого не стал предупреждать. Не хочу никаких утечек. Кажется, это что-то важное.

Аарон взял Грейс за руку, и та, впервые за много лет сжав ладонь мужа, пошла рядом, то и дело громко вздыхая.

– Приготовьтесь, – сказал агент, который шел впереди, указывая дорогу.

Они вошли в палату и увидели, что Мирен сидит на койке в больничной одежде и пьет воду. Она чувствовала себя получше, хотя слабость не прошла. На ее лице проступил синяк, а правая рука была забинтована.

– Агент Миллер, – приветствовал их профессор, – я Джим Шмоер, это я вам звонил. Мистер и миссис Темплтон, я полагаю, вы знакомы с Мирен Триггс.

– Господи, Мирен, что с тобой случилось? – взволнованно спросил Аарон. – С тобой все в порядке?

Грейс стояла рядом с мужем, нервничая и нетерпеливо ожидая узнать, зачем их вызвали. Они оба знали, что Мирен все еще ищет их дочь, или, по крайней мере, так она говорила, когда приходила к ним, чтобы расспросить о ней или об обстоятельствах ее исчезновения.

Мирен несколько секунд молчала, прежде чем заговорить, подыскивая нужные слова. Девушка думала об этом годами, представляя себе момент, когда все обретет смысл, и внезапно она встала с кровати. С трудом, сначала осторожно поставив одну босую ногу на пол, но, убедившись, что это не причиняет боли, она подошла, вытянув капельницу в направлении Темплтонов.

– Мирен, ты должна отдыхать, – сказал профессор, подходя к ней.

– Я в порядке. Просто... Я не могу найти слов, чтобы объяснить все, что произошло с Кирой, все, что я узнала о ней.

Аарон и Грейс обняли друг друга и склонили головы, зажмурившись так крепко, что им стало труднее сдерживать слезы. Они не были готовы к этому. Да и кто был готов? Даже Мирен не знала, что ей делать. В ее голосе звучали нотки безнадежности, но только потому, что она провела целую жизнь мучительных поисков.

– Я нашла Киру, – наконец сказала она.

Грейс поднесла руки ко рту, не в силах больше сдерживаться. Она начала рыдать и сквозь слезы спросила измученным голосом:

– Где она?! – женщина задыхалась. – У кого она? Деточка моя... – всхлипнула она. – Моя малышка...

Мирен не ответила. Ей тоже было трудно сдерживаться, ведь Кира стала частью и ее самой, и каждый раз при просмотре кассет она представляла себя в той комнате в окружении оранжевых обоев с цветочным узором: она дотрагивается до них в поисках самой себя, а на ней надето платье того же цвета – то самое, что было на ней в ночь, когда все изменилось. В этой девочке она видела свои страхи, свою уязвимость; она видела все, что было скрыто в глубине ее сердца: загадка, неразрешимая головоломка, пазл, собранный из кусочков боли.

Она поняла, что не может больше тянуть, и, когда все замерли в ожидании ответа – родители на грани обморока, агент Миллер в беспокойстве, а профессор в восхищении этой раненой бабочкой, которую он знал только куколкой, – она вышла из палаты и сказала, повернувшись к ним:

– Идите за мной, пожалуйста.

Мирен с трудом шла по безлюдному коридору, толкая капельницу со скрипучими колесами. Глаза Темплтонов были переполнены эмоциями, они не знали, чего им ожидать. Через несколько метров Мирен остановилась перед палатой 3К, и родители замерли, недоуменно глядя друг на друга, их сердца дрожали, а не бились.

– Грейс, Аарон, вот ваша дочь, – сказала она наконец, открыв дверь: внутри обнаружилась Кира Темплтон. Девушка спала, а мониторы указывали, что все ее жизненные показатели в порядке. Одна нога была в гипсе, а часть головы скрывала повязка, но это определенно была Кира.

Грейс приложила руку ко рту и разрыдалась, узнав ямочку на подбородке, ту самую, которая была запечатлена в ее памяти, ту самую, которую она порой гладила, пока малышка спала рядом с ней много лет назад. Она осторожно приблизилась, обливаясь слезами, и Аарон последовал за женой, не говоря ни слова, чтобы не нарушить этот момент мучительного и безмолвного воссоединения, которого они ждали всю жизнь. Когда Грейс наконец подошла к кровати, она

повернулась к Аарону, крепко обняла его, плача, и неразборчиво прошептала что-то, что имело смысл только для них двоих.

Мирен тут же закрыла дверь в палату, оставив их втроем, чтобы радость этой семьи не покидала этих четырех стен.

Агент Миллер положил руку на плечо Мирен, и она кивнула в ответ.

– Где она была все эти годы? – спросил он. – Кто ее похитил?

– Мать, сбившаяся с пути, – ответила она. – Я расскажу вам все в моей палате, агент. Мне кажется, они заслужили немного времени... с семьей, – добавила она.

Профессор Шмоер бросил на нее одобрителный взгляд и подошел к ней, как только она направилась обратно в 3Е. Мирен слегка выдохнула, почувствовав, как под ребрами что-то кольнуло, и профессор обхватил ее за талию, чтобы поддержать.

– Все хорошо? – спросил он с комом в горле, слегка нервничая от близости Мирен.

– Теперь да, – ответила она голосом, полным эмоций, и слегка улыбнулась.

Девушка оперлась на его плечо, и он почувствовал тепло ее тела под больничным халатом. Это тепло напомнило ему о поездке в такси, об огне одной ночи, который не переставал гореть внутри него, и он осознал, что, возможно, то мгновение вместе никогда больше не повторится. Мужчина сглотнул, пытаясь взять в себя в руки, потому что Мирен рядом с ним сильно отличалась от той, которую он помнил, но была именно такой, какой она всегда должна была быть.

– Как ты нашла ее? – тихо спросил он, когда вихрь мыслей улегся.

– Я всего лишь последовала твоему совету, Джим, – ответила она теплым тоном, едва переставляя ноги. – Я никогда не прекращала искать.

Эпилог

23 апреля 2011

Несколько месяцев спустя

– Как поживает Кира? Вы встречались с ней после? – спросила женщина в глубине книжного магазина, держа в руках экземпляр «Снежной девочки».

– Да, – ответила Мирен, наклонившись к микрофону. Ее голос, казавшийся еще более хриплым и тонким, когда его усиливали с помощью громкоговорителя, отозвался эхом от кучи книг на стеллажах. Под столом Мирен крутила в ладонях шариковую ручку: жест, который у нее появлялся во время публичных презентаций, когда она нервничала. – С Кирой все в порядке, но большего я сказать не могу. Она предпочитает... больше не быть в центре внимания. Она пытается наверстать упущенное, и этому никто не должен помешать, как бы ни старалась пресса следить за ее домом в надежде сделать снимок или застать ее за покупками.

Женщина, задавшая вопрос, довольно кивнула. Был вечер, и книжный магазин работал допоздна, как обычно в дни презентаций. Это была небольшая лавка в Нью-Джерси, и в самом большом помещении едва хватало места для двадцати стульев, поэтому большинство собравшихся вынуждены были прижимать свои экземпляры к груди, будто оберегая ребенка от беды.

Публикация книги Мирен неожиданно произвела эффект взорвавшейся бомбы. За неделю, проведенную в больнице, она написала заключительную статью для «Манхэттен пресс», которая в итоге стала венцом ее карьеры. В ней она рассказала о том, как нашла Киру Темплтон и как закончилась многолетняя история трагедии одной семьи. В статье, которую она печатала на ноутбуке прямо на больничной койке, Мирен Триггс подробно описала детали своего расследования и то, как семья с проблемами зачатия перешла грань, отделяющую сон от кошмара. Кира Темплтон нашлась, и все хотели

знать, что с ней стало, где она была и как сложилась ее жизнь. Эта история на первой полосе «Манхэттен пресс» была, как всегда, неожиданной и сильно отличалась от других. Заголовок на обложке гласил: «Как я нашла Киру Темплтон», автор: Мирен Триггс. В тот день формат газеты немного изменился: первая полоса, которую снова украсила фотография Киры в трехлетнем возрасте, была напечатана на плотной цветной бумаге, чтобы выдержать испытание временем. Тираж в тот день, предвидя высокий спрос, удвоили до двух миллионов экземпляров, но даже этого было мало. Люди стекались в газетные киоски и магазины канцтоваров, едва прошел слух, что журналист «Пресс» нашла девочку. Все хотели знать, что произошло и как Мирен Триггс разгадала самую большую тайну последних двадцати лет.

Пока Мирен была еще в больнице – к ней приехали родители, чтобы скрасить время долгого ожидания до выписки, – в палату вошла ухоженная, хорошо одетая женщина. Она представилась как Марта Уайли, редактор «Стилмен Пабблишинг», одного из крупнейших издательств страны, и предложила Мирен контракт на миллион долларов за роман, подробно описывающий поиски Киры Темплтон.

На прощание Марта Уайли оставила Мирен номер, по которому с ней можно было связаться, если она надумает развить сюжет уже вышедшей статьи. В день выписки Мирен вместе с родителями вернулась в свою студию в Гарлеме и обнаружила, что соседка, миссис Эмбер, воспользовалась ее отсутствием, чтобы набить ее почтовый ящик своей рекламой.

Она рассмеялась. Некоторые вещи не меняются.

Поднявшись наверх, девушка обнаружила, что замок взломан, а квартиру обчистили, забрав практически все, что представляло хоть какую-то ценность. Чуть позже она позвонила Марте Уайли и подтвердила, что напишет роман, название которого уже крутилось у нее в голове: «Снежная девочка».

Это была своего рода дань уважения статье, которую она написала в далеком 2003 году. В романе она рассказала о своих страхах и неуверенности, о своем первом знакомстве с делом Киры и о том, как мало-помалу эта девочка стала частью ее самой, пока она не нашла ее двенадцать лет спустя, стойчески выполняя данное самой себе обещание: никогда не прекращать поиски. Она писала роман в зимние

месяцы в уютной квартире, снятой за счет аванса, в Вест-Виллидже – к облегчению ее матери, это был куда более спокойный район, чем тот, где она жила раньше. Единственную опасность здесь представляли дизайнерские бутики, но Мирен они не интересовали. Когда «Снежная девочка» была опубликована, роман тут же стал национальным бестселлером, и Мирен, хоть и не любила публичные выступления, пришлось вылезти из своей пещеры, где она провела предыдущие месяцы за написанием книги, чтобы принять участие в двенадцати презентациях с раздачей автографов, как того требовал контракт.

* * *

Девушка в первом ряду подняла руку и, встретившись с Мирен взглядом, робко спросила:

– Вы бросили журналистику? Вы больше не работаете в «Манхэттен пресс»?

Мирен с искренней улыбкой покачала головой, а затем пояснила:

– Ее невозможно бросить. Я страстно люблю журналистику и вряд ли могла бы заниматься чем-то другим. Мой начальник, очень понимающий человек, дал мне несколько месяцев отпуска. Как только я буду готова, снова начну писать для них. Я звоню ему каждую неделю и говорю, чтобы он никого не сажал в мое кресло. – Она рассмеялась, и вся комната подхватила ее смех. Темноволосый парень рядом с девушкой, задавшей вопрос, по всей видимости ее парень, тут же громко спросил:

– А правда, что про вас снимут сериал? Я читал, что крупная продюсерская компания купила права на съемку.

– Что-то такое готовится, но говорить еще рано. Одно могу сказать точно: это будет не обо мне. А о поисках Киры. Я не настолько интересный человек. Я просто журналист и ищу истории, которые можно рассказать. В данном случае этой историей была Кира Темплтон.

Парень довольно улыбнулся, и Мирен поняла, что ответ его порадовал. Она еще какое-то время отвечала на вопросы, и это напоминало теннисный матч – подача, ответный удар, мяч никогда не

покидает поле. Затем одна из стоявших в толпе женщин громко спросила:

– Правда ли, что вы носите с собой пистолет?

Редактор Марта Уайли, которая сопровождала Мирен на каждой из презентаций, подняла руку и извинилась:

– Что же... у нас закончилось время для дополнительных вопросов, иначе мы не успеем подписать ваши экземпляры. Мисс Триггс рада поговорить с вами, но сегодня вечером у нас рейс в Лос-Анджелес, и времени в обрез. Вы можете спросить у нее все, что хотите, пока она ставит автографы.

– Ничего страшного, Марта, – сказала Мирен. – Думаю, еще на пару вопросов мы успеем ответить.

Цокнув языком, редактор, к радости читателей, указала на бородатого мужчину в глубине зала.

– Так у вас есть пистолет или нет?

– У вас душа журналиста, – улыбнулась Мирен. – Нет, у меня нет при себе оружия. Скажем так, это авторская вольность для пушшего эффекта.

– А ваш роман с профессором? Тоже для пушшего эффекта?

Мирен рассмеялась, прежде чем ответить, а затем добавила:

– Ну, не буду отрицать, что это выглядит менее нереалистично.

– Да ладно, расскажите уже нам. Никто не узнает.

Весь книжный магазин, переполненный людьми с экземплярами «Снежной девочки» в руках, разразился смехом, привлекая внимание прохожих.

– Скажу только, что поездка в такси показалась мне короткой, – призналась Мирен, сдерживая смех.

По магазину снова прокатилась волна смеха, и Марта Уайли начала хлопать в ладоши, чтобы вызвать читателей на аплодисменты. Мирен осталась сидеть, а перед ней выстроилась очередь. Вытащив из-под стола руки, она взяла экземпляр у первой читательницы, на лице которой было написано восхищение:

– Мне очень понравилось, правда. Не прекращайте писать.

– Не буду, – заверила ее Мирен, оставляя автограф.

Читатели шли один за другим, и Мирен было тяжело слушать их комплименты. Ей казалось, она не заслуживает столько хороших слов и старалась уделить каждому человеку достаточно времени, чтобы он

вернулся домой довольным. Девушка думала, что они пришли ради Киры, а не ради нее, ведь, несмотря на успех книги, в ней самой нет ничего интересного: она не Кира Темплтон, и на ее долю не выпало столько испытаний. Но все, кто подходил к ее столу с экземпляром «Снежной девочки», восхваляли именно ее и ее действия. «Вы героиня», «миру нужно больше таких людей, как вы», «спасибо за то, что вы никогда не сдаетесь». Слова восьмилетней девочки в красном пальто, которая пришла на автограф-сессию вместе с мамой, особенно потрясли ее: «Когда я вырасту, то хочу быть похожей на вас и найти всех пропавших детей». На глаза Мирен навернулась слеза, но она успела стереть ее, пока никто не заметил.

С одной стороны стола были сложены открытки и подарки от некоторых читателей. Их было не так много, и когда она закончила подписывать книги и магазин опустел, его владелица, женщина лет семидесяти, которая всю свою жизнь пыталась изменить мир к лучшему, предложила сложить их в матерчатую сумку, которую она предлагала только лучшим покупателям, и тепло поблагодарила за то, что Мирен выбрала ее маленький книжный магазин для презентации.

– Это я должна вас благодарить. Спасибо, что нашли для меня местечко среди ваших книг, – ответила Мирен, вставая и помогая сложить подарки в сумку.

Среди них обнаружилась миниатюрная копия «Снежной девочки», белая роза, которую оставил мужчина, не сумевший вымолвить ни слова, пока она подписывала ему книгу, и даже копия газеты «Манхэттен пресс» за 1998 год с первой статьей Мирен и фотографией Джеймса Фостера в огне на обложке. Это удивило Мирен. В последний раз она видела эту обложку в рамке в прихожей родительского дома, где она притягивала больше пыли, чем внимания.

Письма, которые Мирен обычно читала по возвращении домой или в гостинице, если находилась в отъезде, были, как правило, длинными посланиями с просьбой помочь найти любимых, которые пропали много лет назад, романтическими предложениями, которые заставляли ее смеяться, или даже просьбами о работе, которые она не могла выполнить. Мирен старалась не обращать на них внимания, хотя было несколько писем с просьбами о помощи, которые она записывала в блокнот, чтобы проверить их историю на предмет необъяснимых пробелов в исчезновениях.

В этот раз одно из писем привлекло ее внимание. Это был коричневый мягкий конверт, на лицевой стороне которого фломастером было написано всего два слова: «ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ?»

– Ты не видела, кто это оставил? – спросила она у своего редактора, но та только покачала головой.

Мирен не могла вспомнить, мог ли кто-то оставить ей это письмо во время автограф-сессии. Она не обращала на подарки внимания, так как вокруг стола толпились люди, фотографировались и болтали, пока Мирен сосредоточенно расписывалась и благодарила их за поддержку.

– Наверняка одно из этих эротических посланий. Открывай, посмеемся.

Мирен фыркнула, но какое-то странное ощущение заставило ее насторожиться. Почерк был неровным и хотя надпись была сделана заглавными буквами, она оставляла тревожное впечатление.

– Может быть, это сумасшедший поклонник. Говорят, у всех писателей они есть, – пошутила хозяйка магазина.

– Наверняка, – серьезно ответила Мирен. Все это ей не нравилось. Какая-то часть ее души умоляла не открывать конверт, но другой отчаянно хотелось верить в доброту тех глаз, которые с таким восхищением смотрели на нее последние несколько часов. Снаружи пошел дождь, будто тучи знали, что им пора создать идеальную атмосферу для пасмурного финала. Вскрыв конверт, Мирен ощупала содержимое. Ничего опасного, просто прохладная, гладкая бумага. Но когда она вытащила ее на свет, это оказалась темная и плохо откадрированная полароидная фотография, которая ударила Мирен под дых: внутри какого-то фургона светловолосая девушка с кляпом во рту смотрела прямо в камеру. Надпись на нижней рамке гласила:

«Джина Пebbлз, 2002».

Благодарности

Принято считать, что это наименее интересная часть книги, но для писателя она очень важна. Для меня книга без благодарностей – это книга без души, потому что именно здесь, в этих малознакомых для других именах, заложена основа каждой страницы и каждого шажка к тому, чтобы придуманная история превратилась сначала в печатные страницы, а затем в книгу в коробке, которая отправится на полки книжного магазина, чтобы затем оказаться раскрытой на чьих-то коленях во время поездки в автобусе, в метро или самолете или, возможно, на несколько часов утешить чье-то потерянное сердце, которое тихо расположилось на уютном диване в поисках чего-то или самого себя.

Как всегда, спасибо Веронике, потому что без нее эта книга была бы написана без эмоций. Если вы пишете о чувствах, важно самому их испытывать, а она подарила мне их все. Каждое слово этой книги рождается благодаря всему тому, что она заставляет меня чувствовать.

Также спасибо моим малышам, Гале и Бруно, за всю ту любовь, которая превращается в панику, когда отец представляет себе, что с вами может что-то случиться. Я понял, что пишу о своих страхах и о своей любви, причем и о том, и о другом одновременно.

Спасибо всей команде издательства «Сума де Летрас», которое я уже считаю своим домом, – несмотря на расстояние, мне кажется, они живут рядом со мной. Особая благодарность Гонсало, моему редактору и другу, – эта такая дружба, которая складывается сама собой, и вот ты уже готов держать для него дома пиво в холодильнике, даже если не любишь пиво и у тебя нет холодильника.

Спасибо также Ане Лосано за то, что она соблюдает идеальную дистанцию, с одной стороны поощряя творчество, а с другой – проявляя требовательность, и за то, что через ее глаза все приобретает новое измерение. Спасибо также Иньяки за то, что он всегда рядом, хоть и пытается это скрыть.

Не могу не поблагодарить Риту за ее креативность; Мар за ее упорство; Нурию за ее дальновидность; Пачи за его рассудительность. Спасибо Марте Марти за то, что дала мне крылья и голос, и Лети за то,

что всегда находила идеальную фразу в самые особенные моменты. А также Мишель Г. и Давиду Г. Эскамиллья за то, что открыли для меня двери на другом конце света. Спасибо Кончите и Марии Рейне за то, что мои истории доступны на большем количестве языков, чем можно себе представить, и за то, что мои слова путешествуют по местам, которые я только мечтаю посетить.

Спасибо всем владельцам магазинов, которые приняли меня с такой любовью, отнеслись к моим книгам с таким энтузиазмом и превратили каждую автограф-сессию в праздник.

Самая лучшая часть в конце списка благодарностей – всегда для вас, читатели. Трудно выразить словами все то, что я проживаю с вами и что вы для меня значите, и поэтому при личной встрече вы всегда услышите от меня слова благодарности за то, что дарите моим историям самое ценное в жизни – свое время.

Спасибо вам от всего сердца.

Я мог бы растянуть эти благодарности на несколько глав с поворотами, сюрпризами и прыжками в пропасть в самом последнем предложении, но, думаю, будет лучше, если мы дадим друг другу обещание: я не перестану писать, а вы, если вас спросят о книге и она вам понравилась, порекомендуете «Снежную девочку», не говоря, о чем она (пожалуйста!) и не сообщая о сюжете ничего, что выходит за рамки синопсиса. Это будет наш уговор, а я, в свою очередь, вернусь в книжные магазины в следующем году. Может быть, с совсем другой историей, а может быть, кто знает, со следующей «Девочкой».

Искренне ваш,

Хавьер Кастильо

notes

Примечания

1

Парад «Мейсис» – один из ежегодных, крупнейших в мире парадов, проводимый в Нью-Йорке в честь Дня благодарения.

NSYNC – американский бой-бэнд, в который входили Джастин Тимберлейк, Джей Си Шазе, Крис Киркпатрик, Джоуи Фатон и Лэнс Бас.

3

Мажоретки – девушки в военной или подобной военной форме, участвующие в парадах.

4

34 дюйма – 86 сантиметров.

Стейси Оррико – американская певица, наиболее популярная в 2000-х годах. В своих песнях смешивала христианскую поп-музыку и ар-эн-би.

6

Поп-рок песня 1985 года группы «Katrina and the Waves».

Просодия – раздел фонетики, изучающий произношение и дополнительные признаки к артикуляции звука.

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.